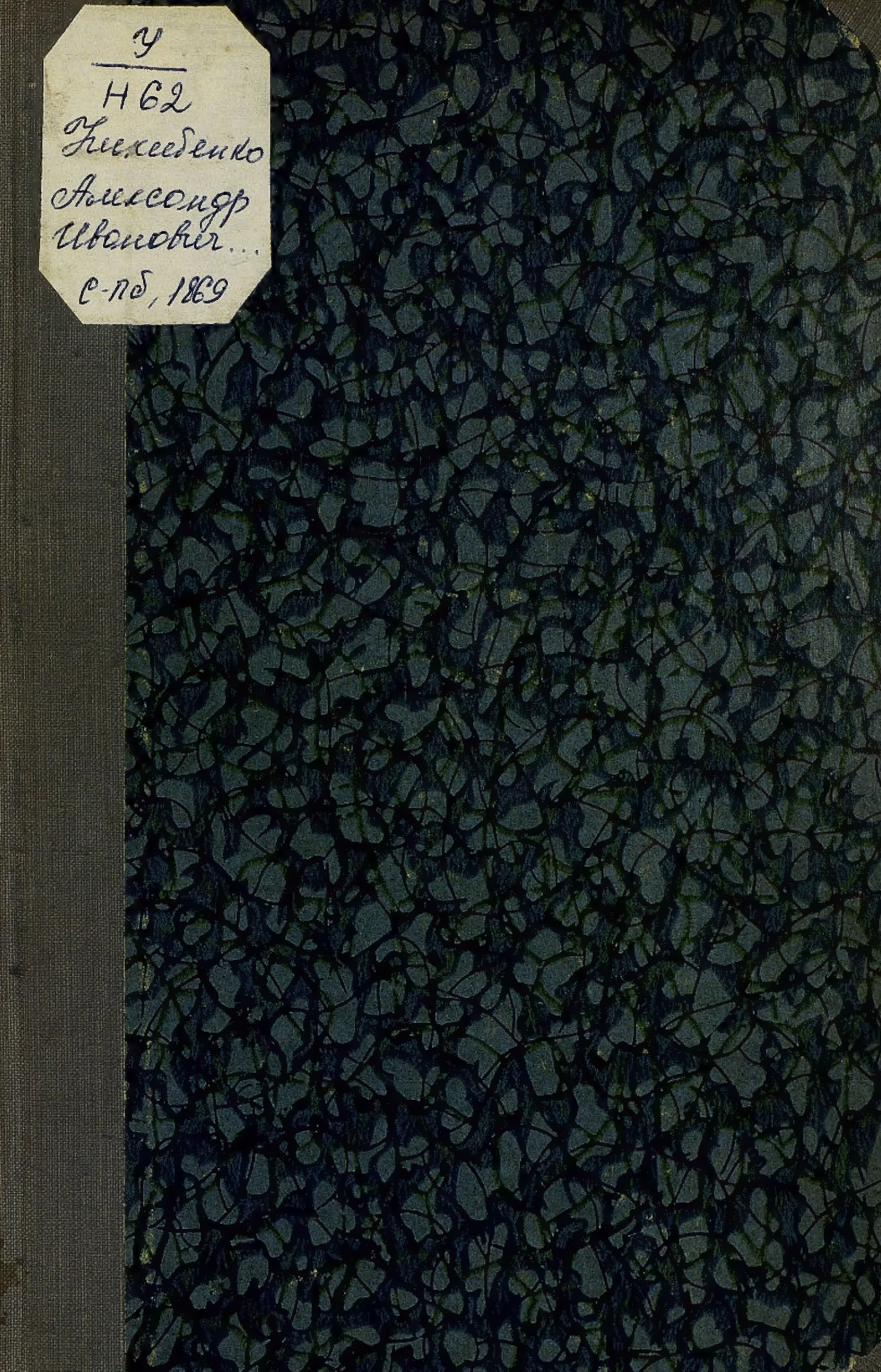

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ

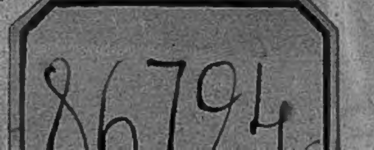
ГАЛИЧЪ,

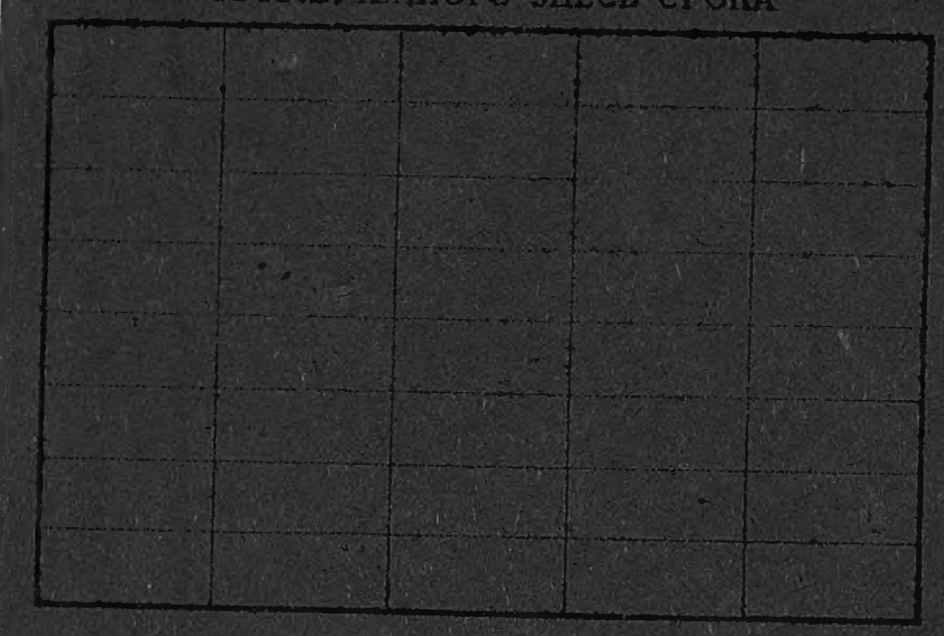
бывшій профессоръ

С.-Петербургскаго университета.

А. Никитенко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

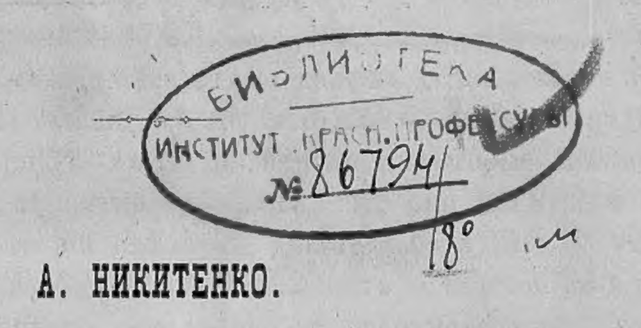

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ

ГАЛИЧЪ,

БЫВШІЙ ПРОФЕССОРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

А. НИКИТЕНКО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го января 1869 года.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГАЛИЧЪ, БЫВШІЙ ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Предлагаемая читателямъ монографія содержитъ въ себѣ жизнеисаніе одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашихъ въ области ауки. Мы охотно посвятили на составленіе ея достаточно времени труда, и разумѣется, желали бы, чтобы хотя немногіе употребили асть того и другаго на ея прочтеніе. Если внѣшняя исторія не пускаетъ выдвигать на показъ людей всякой другой среды, чѣмънибудь отличившихся въ ней, то въ свою очередь, исторія внутренней, интеллектуальной жизни обществъ не должна оставлять въ забвеніи тѣхъ, которые съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ подвизались на трудномъ поприщѣ мысли и знанія. Нѣкоторые изъ модныхъ писателей, желая, вѣроятно, доказать, что они не чужды извѣстныхъ современныхъ теорій смѣлаго и рѣшительнаго закала, какъ извѣстно, не допускаютъ вообще права отдѣльныхъ личностей на историческое значеніе и признаютъ его только за массами. Однако какъ не случилось еще, чтобы массы огуломъ выдумали порохъ, открыли Америку, изобрѣли книгопечатаніе и пр., а сдѣлали это геніальныя личности, массы же только воспользовались результатами ихъ идей и творчества, то пока этотъ порядокъ дѣлъ будетъ продолжаться на землѣ, все-таки о лицахъ, сколько-нибудь выдающихся изъ общаго уровня людей, потомки будутъ вспоминать съ уваженіемъ и многому отъ нихъ поучаться. Но собираясь говорить объ одномъ изъ такихъ лицъ, мы встрѣчаемся съ обстоятельствомъ щекотливаго свойства. Лице это было — философъ, профессоръ философіи. А философія, могутъ намъ замѣтить, такая наука, что занимавшіеся ею даже добросовѣстно и успѣшно едва-ли не ошибались, думая, что они дѣлаютъ дѣло. Подобное мнѣніе не чуждо многимъ въ наше время, когда авторитетъ философіи, повидимому, сильно пошатнулся отъ натиска но-

выхъ идей, и когда само научное благоразумiе требуетъ не стѣсняться вопросами, какiе она привыкла себѣ задавать о человѣкѣ, о мiрѣ и т. п., а совѣтуетъ просто выбросить ихъ изъ программы ученiй и заняться исключительно тѣмъ, что̀ къ намъ ближе, то-есть, тѣмъ, что̀ дастъ намъ способы устроиться какъ возможно уютнѣе и комфортабельнѣе въ этомъ неудачно изучаемомъ философами мiрѣ. Все это было бы хорошо, если бы по несчастiю вопросы тѣ не вросли такъ глубоко въ умъ и сердце человѣческое, что вырвать ихъ оттуда нѣтъ никакой возможности, не повредивъ въ нихъ самыхъ чувствительныхъ нервовъ. Философiя, какъ извѣстно, занимается общими идеями; она ставитъ ихъ во главѣ всякаго знанiя и высшей умственной дѣятельности. Положимъ, что намъ нѣтъ до нея никакого дѣла, какъ до науки. Но вотъ вопросъ: можетъ ли система человѣческаго образованiя обойдтись безъ этихъ общихъ идей, какимъ бы процессомъ онѣ въ насъ ни возникали? Вѣдь ни одно явленiе, входящее въ кругъ нашего мышленiя и изученiя, само по себѣ не представляетъ никакого удовлетворительнаго результата для нашего познанiя. Мiръ не есть собранiе агрегатовъ, механически сплоченныхъ другъ съ другомъ; напротивъ того, онъ есть живое органическое цѣлое, въ которомъ соотношенiя и взаимная связь вещей безпрестанно указываютъ намъ на *нѣчто* общее, ихъ оживотворяющее и связующее, и неотразимая потребность истины понуждаетъ насъ въ семъ послѣднемъ искать опоры и точекъ зрѣнiя, съ помощiю коихъ самыя эти отношенiя и связь дѣлаются понятными, — безъ чего вещи не имѣли бы для насъ ни смысла, ни значенiя. Еслибъ идея возвышеннаго мiровоззрѣнiя, такимъ образомъ намъ внушаемая, была не больше, какъ требованiе, какъ принципъ нашего разумѣнiя, то она все же законъ для насъ, и умъ нашъ не можетъ ни измѣнить, ни нарушить его, не подвергаясь опасности исчезнуть въ хаосѣ и разложиться, такъ-сказать, на мельчайшiя и ничтожнѣйшiя представленiя и приспособленiя. Какъ же тутъ обойдтись безъ науки, объемлющей вещи въ духѣ всеобщихъ законовъ и въ духѣ началъ, далеко уходящихъ внутрь мiродержавныхъ силъ и элементовъ, какъ обойдтись безъ философiи? Понятно, что безъ нея образованiю не достаетъ ни глубины, ни величiя. Все становится мелкимъ и безсмысленнымъ, или получаетъ смыслъ ограниченный и тѣсный тамъ, гдѣ мысль, подъ предлогомъ избѣжанiя безполезныхъ тонкостей и вопросовъ неразрѣшимыхъ, оставляетъ безъ вниманiя задачи, непримѣтно, но глубоко совпадающiя со всѣми драгоцѣнными интересами человѣческаго разума и сердца.

Вотъ почему намъ кажется, что потрудившіеся на нашей еще далеко несовершенно воздѣланной почвѣ знанія зачинатели, піонеры философіи заслуживаютъ такъ же, какъ и дѣятели другихъ наукъ, того, чтобы память о нихъ перешла за предѣлы ихъ жизни.

Источниками для жизнеописанія Галича служили:

1. Сочиненія его.

2. Записка о немъ одного изъ семинарскихъ товарищей его, *Хорошилова,* въ рукописи.

3. Записка, составленная бывшимъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета *Плисовымъ* по дѣлу о профессорахъ Германѣ, Раупахѣ, Арсеньевѣ и Галичѣ; напечатана въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

4. Дѣла, хранящіяся въ архивахъ С.-Петербургскаго университета и министерства народнаго просвѣщенія, особенно дѣло о ревизіи Казанскаго университета за время управленія имъ Магницкаго, произведенной по Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантомъ Желтухинымъ.

5. Біографія Магницкаго, написанная *Е. М. Ѳеоктистовымъ,* изд. 1865 года.

6. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I, собранные и изданные профессоромъ С.-Петебургскаго университета *М. И. Сухомлиновымъ,* 1866 года.

7. Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи, г. *Смирнова,* изд. 1855 года.

8. Исторія С.-Петербургской духовной академіи, г. *Чистовича,* изд. 1857 года.

9. Записка, полученная авторомъ жизнеописанія отъ покойнаго *Н. И. Надеждина* о философскихъ лекціяхъ, слушанныхъ имъ во время его студенчества.

10. Показанія нѣкоторыхъ особъ, лично знавшихъ Галича.

11. Свѣдѣнія, почерпнутыя авторомъ изъ личнаго весьма продолжительнаго и близкаго знакомства съ Галичемъ.

12. Значительною долею свѣдѣній мы также обязаны бывшему почтенному профессору С.-Петербургскаго университета *Н. Ѳ. Рождественскому,* который дозволилъ намъ пользоваться тетрадями своими, заключающими въ себѣ какъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ чтеній Галича, такъ и черновые отрывки собственныхъ рукописей послѣдняго.

Александръ Ивановичъ Галичъ родился въ 1783 г. въ городѣ Трубчевскѣ Орловской губерніи. Настоящая фамилія его была Говоровъ. По господствовавшему тогда въ духовныхъ нашихъ заведеніяхъ обычаю, онъ во время ученія своего въ семинаріи перемѣнилъ свою фамилію, назвавшись сперва, въ честь своего дѣда Никифора, Никифоровымъ, а потомъ, поступивъ въ педагогическій институтъ, переименовалъ себя въ Галича. Поводомъ къ принятію этой новой фамиліи было хранившееся въ семействѣ его преданіе, что предки его назывались Галичами. Дѣдъ А. И. Галича былъ приходскимъ священникомъ при одной изъ Трубчевскихъ церквей, а отецъ дьячкомъ. И тотъ, и другой были люди неученые, но добродушные и честные. Дѣдъ его, не смотря однако на свою необразованность, былъ человѣкъ умный, умѣлъ понять въ своемъ маленькомъ внукѣ замѣчательныя способности и полюбилъ его не только со всею родственною горячностью, но и съ сознаніемъ, что изъ мальчика выйдетъ что-нибудь очень хорошее. Онъ самъ занялся его воспитаніемъ, обучилъ его чтенію, письму и церковному пѣнію, приготовивъ такимъ образомъ къ поступленію въ семинарію, и позаботился о помѣщеніи его туда. Заведеніе это находилось тогда въ Сѣвскѣ, и Галичъ былъ принятъ въ него въ 1793 году, когда ему исполнилось 11 лѣтъ. Онъ проходилъ курсъ семинарскаго ученія съ большимъ успѣхомъ, особенно же курсъ латинскаго и греческаго языковъ. Достигнувъ класса философіи, онъ почувствовалъ неопреодолимую склонность къ наукамъ умозрительнымъ и сталъ усердно заниматься философіей. Отъ философіи, какъ она преподавалась тогда въ семинаріяхъ, конечно, нельзя было ожидать многаго. Это было не иное что, какъ догматическое, болѣе или менѣе неловкое и тяжелое формулированіе началъ, признанныхъ за неопровержимыя въ руководствахъ Винклера и Баумейстера, безъ малѣйшаго покушенія къ свободному изслѣдованію. Однако и такая демонстративная философія преподавалась не безъ пользы. Силлогистическою своею дисциплиной, по словамъ Галича, она значительно содѣйствовала учащимся къ пріобрѣтенію навыка въ отчетливомъ и правильномъ мышленіи. Такъ вѣрно то, что наука и въ несовершенномъ своемъ видѣ, при счастливыхъ способностяхъ и любви къ ней, всегда служитъ опорою и руководствомъ для высшей дѣятельности духа. Въ нашихъ духовныхъ училищахъ наука излагалась, конечно, весьма неудовлетворительно; тѣмъ не менѣе эти заведенія приготовили не мало людей, оказавшихъ въ послѣдствіи важныя услуги государству, обществу и самой наукѣ.

Послѣ десятилѣтняго ученія въ Сѣвской семинаріи, Галичъ, въ числѣ нѣсколькихъ способнѣйшихъ студентовъ, былъ по требованію правительства отправленъ въ 1803 году въ Петербургъ для поступленія въ учительскую гимназію, которая вскорѣ была переименована въ педагогическій институтъ. Заведеніе это, какъ сказано въ Высочайше утвержденномъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія 16-го апрѣля 1804 года, должно было приготовлять учителей для гимназій и составить отдѣленіе будущаго университета. Курсъ ученія въ немъ полагался въ три года. Итакъ, вступленіемъ Галича въ педагогическій институтъ его назначеніе въ жизни уже было опредѣлено: онъ долженъ былъ сдѣлаться гимназическимъ учителемъ. Но какъ послѣ, такъ и теперь, Галичъ немного заботился о томъ, чѣмъ прійдется ему быть на свѣтѣ. Онъ хотѣлъ только учиться, потому что отъ природы былъ одаренъ умомъ дѣятельнымъ, который, разъ прійдя въ соприкосновеніе съ предметами, сильно возбуждавшими его мыслительные инстинкты, не могъ уже не простираться далѣе на пути знанія. Галичъ и въ институтѣ продолжалъ усердно заниматься древними языками и литературами; но главнымъ предметомъ его была все-таки философія. Инструкція, данная институту въ руководство, предписывала профессору преподавать логику по сочиненію Кизиветтера, а метафизику и нравственную философію по Баумейстеру, котораго дозволялось дополнять собственными замѣчаніями и изысканіями, разумѣется, въ духѣ этого руководителя. Объ исторіи философіи не было и помину. Вольфъ былъ альфою и омегою этой институтской философіи. Преподавателемъ ея былъ человѣкъ испытанной честности и благородства сердца; знавшіе его лично не могутъ, конечно, вспомнить его въ этомъ отношеніи безъ особеннаго уваженія. Но преподаватель онъ былъ весьма посредственный. Познанія его въ философіи едва-ли простирались далѣе того, что онъ самъ заучилъ въ школѣ. Онъ простодушно вѣрилъ, что вложивъ въ раму силлогизма какое-нибудь изъ принятыхъ философскихъ положеній, онъ тѣмъ самымъ выполнялъ задачу науки и сообщалъ слушателямъ истину, далѣе которой уже искать нечего, и сомнѣваться въ ней было бы непростительнымъ вольнодумствомъ. Онъ читалъ лекціи свои обыкновенно по тетради, говоримъ: читалъ, принимая слово это въ буквальномъ смыслѣ. Такое въ высшей степени монотонное чтеніе, продолжавшееся, по тогдашнему учебному порядку, два часа и прерываемое изрѣдка только шелестомъ переворачиваемыхъ листовъ въ тетради огромнаго формата, наводило невыразимую тоску на слушателей, а сидѣвшихъ на заднихъ

скамьяхъ невольно погружало въ тихій, благодатный сонъ, избавлявшій ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ двухчасовой скуки. Тутъ не было и тѣни того, на что философія, по природѣ своей, наводитъ учащихся, не было и тѣни чего-нибудь, вызывавшаго дѣятельность мысли и изощрявшаго умственныя силы. Да профессоръ вовсе о томъ и не заботился. Онъ требовалъ отъ своихъ слушателей одного, чтобъ они заучивали его тетради слово въ слово. Студента, который вздумалъ бы уклониться хоть на одну линію отъ песчаной и пустынной дороги, по которой онъ былъ ведомъ, или лучше сказать, влачимъ ко храму мудрости, профессоръ немедленно поворачивалъ вспять и заставлялъ, держась, такъ-сказать, за его поясъ, отмѣривать тѣ же шаги, какіе дѣлалъ самъ. Не смотря на господствовавшую у насъ въ то время строгую умственную дисциплину, Галичъ, созрѣвшій умственно уже на столько, чтобы понимать тщету подобнаго содержанія и подобнаго метода науки, позволялъ себѣ, хотя неявно, съ помощію книгъ и собственнаго размышленія, отыскивать другіе пути къ истинѣ. Онъ чувствовалъ, что вещи не безполезныя въ семинаріи, въ текущемъ періодѣ его развитія были уже неумѣстны и крайне недостаточны.

Впрочемъ не всѣ науки преподавались въ институтѣ такъ, какъ философія. Тамъ были профессоры съ замѣчательными учеными достоинствами, вполнѣ способные приготовлять будущихъ наставниковъ юношества. Балугіанскій, напримѣръ, преподавалъ естественное право и политическую экономію, какъ ученый, основательно знакомый съ историческимъ ходомъ и современными требованіями науки. Притомъ это былъ человѣкъ, съ обширными знаніями соединявшій способность одушевлять своихъ слушателей и ихъ природное расположеніе и наклонность къ знанію возводить на степень живой вѣры въ науку и любви къ истинѣ. Кукольникъ, не столь даровитый, какъ Балугіанскій, былъ очень хорошимъ преподавателемъ римскаго права. Зябловскій, профессоръ статистики, не смотря на внѣшнюю непривлекательность своихъ чтеній, былъ первый изъ Русскихъ, положившій основаніе отечественной статистикѣ. Только такому терпѣнію, настойчивости и любви къ своему дѣлу, какими отличался Зябловскій, можно было одолѣть трудности, сопрягавшіяся у насъ съ пріобрѣтеніемъ статистическихъ матеріаловъ въ тогдашнее время. И онъ честно и по возможности удовлетворительно совершилъ свой трудъ. Первое составленное имъ руководство по части отечественной статистики появилось въ печати въ 1807 году. Исправленное и дополненное оно издано было въ 1815 и потомъ въ 1832 году. Въ 1830 и 1831 годахъ онъ

напечаталъ также статистику европейскихъ государствъ (См. приложеніе I).

Въ 1808 году правительство, имѣя въ виду учрежденіе въ С.-Петербургѣ университета, рѣшилось избрать лучшихъ изъ студентовъ педагогическаго института и отправить ихъ за границу для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ. Выбрано было двѣнадцать человѣкъ, и изъ нихъ въ послѣдствіи дѣйствительно вышли люди, съ честію занимавшіе мѣста профессоровъ, какъ напримѣръ, *Плисовъ* по части политической экономіи, *Бутырскій* по части словесности, *Чижовъ*—математики, *Соловьевъ*—химіи, *Карцовъ*—физики, и другіе. Въ числѣ ихъ былъ и Галичъ, избравшій для себя философію. За границею курсъ ихъ ученія долженъ былъ продолжаться три года. Каждый изъ нихъ былъ ввѣренъ особенному наблюденію или корреспондента академіи наукъ, или одного изъ профессоровъ того университета, гдѣ преимущественно онъ долженъ былъ заниматься изученіемъ своего предмета. Въ четыре мѣсяца разъ студентъ обязанъ былъ подробно извѣщать конференцію института о своихъ занятіяхъ. Будущему профессору философіи дана была особая инструкція:

„Въ нынѣшнемъ состояніи философскихъ наукъ—сказано въ ней—послѣ различныхъ перемѣнъ, правилами ся претерпѣнныхъ въ послѣднемъ вѣкѣ, ученіе оной подвержено особливымъ затрудненіямъ, и молодой человѣкъ имѣетъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нужду въ удобномъ введеніи къ благоразумному плану ученія и въ хорошемъ наставленіи, чтобы сдѣлаться прямымъ философомъ, полезнымъ гражданиномъ и не быть подвержену опасности быть разказчикомъ пустыхъ умствованій или безсмысленнымъ распространителемъ мистическихъ заблужденій. Итакъ, онъ долженъ всѣми силами стараться имѣть понятіе о вещахъ; онъ долженъ обозрѣвать и научаться природѣ, не приступая еще къ сужденію о ея законахъ; онъ долженъ изыскивать человѣка, какъ разумное существо, какъ жителя земнаго, прежде чѣмъ начнетъ писать о свойствахъ людей; долженъ привыкать мыслить чрезъ математическія науки, умѣть взирать на все направленіе наукъ и наконецъ знать языкъ, который есть величайшее пособіе для мысли, прежде нежели начнетъ дѣлать проэкты, которые безъ того будутъ токмо скопище безсмысленныхъ словъ. Слѣдовательно, должно ему знать естественную исторію, физику, медицинскую антропологію, всемірную исторію, энциклопедію наукъ и всеобщую грамматику до вступленія въ такъ-называемую философію. Всего удобнѣе начать оную элементарною психологіей, эстетикой и логикой, а потомъ перейдти къ метафизикѣ. Но какъ сія послѣдняя издавна служитъ игралищемъ различныхъ сектъ и имѣетъ великое вліяніе на направленіе мыслей, то молодой человѣкъ имѣетъ еще болѣе нужду въ хорошемъ наставленіи оной, чтобъ избѣжать ему угрожающихъ въ нашемъ вѣкѣ опасностей. При таковомъ направленіи можно надѣяться, что онъ не бросится на первую систему, которая ему представится, и не захочетъ самъ почерпать свѣдѣнія изъ

философовъ разныхъ древнихъ и новѣйшихъ училищъ, чрезъ что потеряетъ только свое время и силы, — но ввѣритъ себя руководителю, соединяющему познаніе важнѣйшихъ метафизическихъ мнѣній во всѣхъ временахъ съ опытностію для испытанія и сужденія о нихъ".

Въ этихъ наставленіяхъ нельзя не видѣть благаго намѣренія дать у насъ изученію философіи характеръ серіозный и прочный, основанный на наблюденіи и познаніи природы и человѣка. Весьма разумно также желаніе предохранить занимающихся философіей отъ той праздной и безплодной игры въ понятія, которая въ видѣ ли схоластическаго догматизма, или въ видѣ щегольства новыми ученіями, принятыми безъ всякихъ предосторожностей и самостоятельнаго глубокаго изученія вещей, приводитъ въ одномъ случаѣ къ отупленію умовъ, а въ другомъ къ ихъ разжиженію, распущенности и всевозможнымъ отрицаніямъ. Но странно то, что составители инструкцій, совѣтуя такъ благоразумно не довѣрять современнымъ метафизическимъ теоріямъ, не поощряли историческаго изученія философіи. Они забыли, что самое надежное предостереженіе противъ опасныхъ увлеченій извѣстнымъ образомъ мыслей есть исторія, которая, расширяя горизонтъ нашихъ воззрѣній и знакомя насъ съ разнообразными покушеніями и движеніемъ мысли человѣческой, тѣмъ самымъ противодѣйствуетъ всякой односторонности въ понятіяхъ и отстраняетъ скорыя и необдуманныя рѣшенія.

Галичу предписано было прежде всего ѣхать въ Гельмштедтъ къ тамошнему извѣстному въ то время профессору Шульце, руководству коего и былъ ввѣренъ нашъ молодой ученый. Галичъ слушалъ у него философію два года, занимаясь также и другими предметами, особенно усовершенствованіемъ себя въ новѣйшихъ языкахъ. Нѣмецкій онъ зналъ уже довольно хорошо и до отправленія за границу; но въ Германіи, кромѣ основательныхъ литературныхъ свѣдѣній, онъ пріобрѣлъ навыкъ изъясняться на немъ свободно и легко. Часть свободнаго своего времени онъ также съ успѣхомъ употреблялъ на изученіе языковъ французскаго, англійскаго, италіанскаго и даже испанскаго. Въ послѣдствіи онъ выучился по польски такъ, что могъ занять мѣсто переводчика съ этого языка при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Философія Шульце однако не удовлетворила Галича. Съ юношескимъ стремленіемъ къ истинѣ, онъ воображалъ себѣ такую философію, которая была бы въ состояніи рѣшить важнѣйшіе вопросы, лежавшіе у него на душѣ и на душѣ человѣчества. Разумѣется, что при незнакомствѣ съ дѣйствительнымъ міромъ и историческимъ опытомъ, онъ легко поддавался искушенію добраться до истины скорѣе путемъ

одного умозрѣнія, безъ точныхъ наблюденій и строгаго анализа. Между тѣмъ Шульце именно отъ этихъ умозрѣній и старался уберечь своихъ слушателей. Онъ овладѣлъ преимущественно тою стороною Кантова ученія, которая признавала одну достовѣрность опыта и ставила знаніе въ предѣлы явленій, изъ чего естественно само собою вытекало скептическое воззрѣніе на всѣ діалектическія эволюціи чистаго умозрѣнія. Такое направленіе было не по сердцу нашему философу. Это понятно. Галичъ былъ настоящій сынъ своей страны, и не смотря на свои счастливыя способности, не могъ вдругъ отрѣшиться отъ той степени развитія и образованія, на которой находился русскій умъ его времени. Извѣстно, что самонадѣянность, высокомѣріе и заносчивость составляютъ отличительныя свойства умовъ незрѣлыхъ, которыми мудрая осторожность и умѣренность въ выводахъ и рѣшеніяхъ всегда принимается за отсталость и недостатокъ дарованія. Извѣстно также, что чѣмъ бѣднѣе мы опытомъ и знаніемъ, тѣмъ болѣе становимся великими въ собственныхъ нашихъ глазахъ, и тѣмъ легче кажется намъ побѣда надъ такими затрудненіями, предъ которыми настоящая мудрость и высокій умъ останавливаются не безъ крайняго смущенія. Понятно, что люди серіозные въ дѣлѣ науки, почувствовавъ себя неудовлетворенными даже въ своихъ скромныхъ покушеніяхъ, могутъ утѣшать себя мыслію, что все же трудомъ честнымъ и разумнымъ они исполнили, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, свой долгъ передъ истиною; но другіе лишены и этого права: предвкусивъ всю сладость мнимой побѣды, они исчезаютъ безплодно и безвозвратно въ пустотѣ своихъ фантастическихъ надеждъ и претензій. Намъ не трудно представить себѣ печальную несостоятельность многихъ умственныхъ притязаній въ эпоху, когда Галичъ выступалъ на свое поприще, по тѣмъ примѣрамъ въ этомъ родѣ, какіе видимъ въ наше время. Поэтому неудивительно, что осмотрительность Шульце въ философскихъ выводахъ и рѣшеніяхъ показалась Галичу на нѣкоторое время малодушіемъ, а недовѣрчивость Шульце вообще къ умственнымъ апріорическимъ комбинаціямъ недостаткомъ дарованій. Къ счастью, Галичъ былъ не только человѣкъ даровитый, но что̀ всего важнѣе, человѣкъ съ умомъ здравымъ и крѣпкимъ, не всегда свободнымъ отъ ошибокъ и увлеченій фантазіи, но способнымъ и исправлять ихъ. Въ послѣдствіи, когда онъ самъ глубже началъ вникать въ тѣ вопросы, которые для пылкаго его духа, при неполнотѣ основательнаго изученія, казались столь удоборѣшимыми, понятія его о непреложности и достоинствѣ извѣстныхъ ученій очень измѣнились, и

скептицизмъ его стараго наставника Шульце не остался для него вовсе безплоднымъ. Но какъ бы то ни было, во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Гельмштедтѣ онъ не выработалъ еще себѣ опредѣленнаго философскаго образа мыслей, и ему захотѣлось отвѣдать плодовъ мудрости съ другаго древа знаній и въ другомъ мѣстѣ. Онъ испросилъ у правительства дозволеніе отправиться на годъ въ Геттингенъ, гдѣ надѣялся удовлетворить своимъ ожиданіямъ. Здѣсь, какъ онъ говорилъ потомъ не безъ свойственной ему ироніи, ему отверзлась бездна премудрости. Бездна эта была не иное что, какъ Шеллингово ученіе, которое тогда сильно занимало германскіе умы. Неизвѣстно, кто былъ здѣсь непосредственнымъ руководителемъ Галича. Онъ уважалъ Бутервека, бывшаго въ то время профессоромъ въ Геттингенѣ; но Бутервекъ не былъ шеллингистомъ; собственное же его ученіе, состоявшее большею частію изъ сплавки нѣсколькихъ заимствованныхъ у другихъ идей, было не такого свойства, чтобы направить умъ, уже довольно искусившійся въ разработкѣ философскихъ матеріаловъ, и сообщить ему опредѣленный образъ мыслей, хотя съ другой стороны, оно не было лишено ни глубокомыслія, ни возвышеннаго эстетическаго оживленія, свойственнаго личности философа. Однако можно сказать, что собственно въ Геттингенѣ Галичъ установился въ извѣстныхъ началахъ философіи. Несомнѣнно то, что здѣсь образовались у него убѣжденія, вопервыхъ, что исторія философіи составляетъ необходимую и важнѣйшую часть изученія философіи, и вовторыхъ, что наиболѣе удовлетворительные результаты философскаго мышленія заключаются въ школѣ Шеллинга. Галичу показалось, какъ и многимъ тогда, что послѣ Кантовскаго разгрома близорукой метафизической догматики и послѣ отчаянныхъ идеализацій Фихте, одинъ Шеллингъ въ состояніи былъ повести философію новымъ путемъ къ рѣшенію задачъ, искони обременявшихъ умъ человѣческій, и главное, примирить субъективныя и объективныя начала истины, что̀ не удалось ни Канту, ни Фихте, — одному потому, что онъ то слишкомъ мало, то слишкомъ много довѣрялъ уму, а другому потому, что онъ довѣрялъ одному уму. Шеллингъ, отожествляя идею и бытіе въ верховномъ или абсолютномъ разумѣ и дѣлая человѣка отраженіемъ божественной сущности, повидимому, устранилъ всякое противорѣчіе между знаніемъ и дѣйствительностью. Что Галичъ скоро отдался, хотя и не всею душей, однако лучшими ея стремленіями, Шеллингу, это неудивительно. Онъ былъ молодъ, пылокъ и притомъ въ избыткѣ надѣленъ тою молодецкою русскою от-

вагой, которая готова перескакивать через преграды вмѣсто того, чтобы преодолѣвать ихъ, и не слишкомъ заботясь о правильныхъ изслѣдованіяхъ, готова пускать въ ходъ фантазію, а умъ оставлять позади, какъ вспомогательную силу, для оправданія того, что̀ она надѣлаетъ страннаго и неудобнаго. Наконецъ, онъ находился тамъ, гдѣ Шеллингово ученіе увлекало умы, и болѣе приготовленные къ серіозному и строгому изученію. Къ этому нельзя не прибавить, что въ Шеллинговой философіи была своя сторона умственнаго превосходства надъ другими современными ученіями и такъ много возвышеннаго въ эстетическомъ смыслѣ и обаятельнаго для людей съ благороднымъ сердцемъ и поэтическимъ настроеніемъ духа, что было бы въ самомъ дѣлѣ удивительно, еслибъ одинъ изъ людей, обладающихъ подобными качествами, не сталъ, хотя на время, въ ряды ея жаркихъ поклонниковъ. Гораздо позже, какъ мы увидимъ, Галичъ, не переставая быть шеллингистомъ для своихъ учениковъ, такъ-сказать, по ихъ востребованію, для самого себя усвоилъ образъ мыслей, гораздо болѣе независимый отъ всякихъ авторитетовъ. Главное, онъ вовсе не былъ такимъ безусловнымъ приверженцемъ принятой имъ въ Германіи системы, чтобы не усомниться въ метафизическихъ основаніяхъ какъ ея, такъ и разныхъ другихъ ученій, — и уже совершенно не былъ способенъ сдѣлаться такимъ одностороннимъ ихъ приверженцемъ, какимъ, напримѣръ, былъ, впрочемъ весьма почтенный собратъ его по Шеллингу, Велланскій. Можно было бы, повидимому, упрекнуть Галича за этотъ индиферентизмъ или за это колебаніе и нѣкотораго рода двойственность въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ. Но вопервыхъ, не могъ же онъ не знакомить своихъ учениковъ съ тою системой, которая господствовала въ наукѣ его времени, и съ которою онъ самъ до нѣкоторой степени сроднился. Это тѣмъ болѣе могла допустить его профессорская совѣсть, что ученіе Шеллинга какъ нельзя благотворнѣе дѣйствовало на нравственное и эстетическое чувство его учениковъ. Вовторыхъ, Галичъ обладалъ особенною гибкостью и особеннымъ складомъ ума, по которымъ, бывъ единожды твердо убѣжденъ въ нравственномъ достоинствѣ и назначеніи человѣка и въ чистѣйшихъ нравственныхъ принципахъ, онъ во всемъ прочемъ не считалъ своихъ стремленій и своего разумѣнія отвѣтственными передъ судомъ истины и верховнаго разума. Онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы съ безотчетною увѣренностію склоняться передъ тѣмъ, за неопровержимую истину чего не въ состояніи поручиться никакое ученіе, никакая система, хотя въ то же время

очень хорошо зналъ, что человѣкъ вполнѣ вырабатывается, только постоянно и разумно преслѣдуя эту истину, какъ свой высочайшій идеалъ.

Послѣ годичныхъ занятій въ Геттингенѣ истекло трехлѣтіе, назначенное для ученія будущимъ нашимъ профессорамъ за границею. Галичу однако хотѣлось изъ школы выйдти на свѣтъ Божій, если не для того, чтобъ изучать его, то для того, чтобы насладиться его зрѣлищемъ. По просьбѣ нашего ученаго, ему дозволено было продлить еще на годъ свое заграничное пребываніе. Въ продолженіе этого времени онъ обозрѣлъ почти всѣ замѣчательныя мѣста южной Германіи, посѣтилъ Англію, Парижъ, и помышляя уже о возвращеніи въ отечество, направился въ Вѣну. Это было въ 1811 году. Кажется, его немного занимали тогдашнее напряженное политическое состояніе Европы и направленіе умовъ въ посѣщенныхъ имъ странахъ. Онъ предался съ полною беззаботностью русскаго человѣка и туриста удовольствію видѣть новые предметы и наслажденію никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемой свободой. Ему приходилось заботиться развѣ объ одномъ, чтобъ источникъ небольшихъ назначенныхъ ему отъ казны матеріальныхъ средствъ не изсякъ на чужбинѣ. Галичъ не чуждъ былъ искушенія погулять, хотя не роскошнымъ образомъ, потому что привычки его, какъ и желанія, были очень недорогія, однако все-таки не безъ опасности для его тощаго кармана. Случалось не разъ, что послѣ нѣкотораго угощенія себя, ему приходилось въ слѣдующіе за тѣмъ дни вести уже весьма скромный и умѣренный образъ жизни и на собственныхъ ногахъ совершать путешествіе, не прибѣгая къ пособію дилижансовъ, такъ какъ желѣзныя дороги были тогда еще неизвѣстны. Разказывали, что въ Лондонѣ онъ встрѣтился съ другимъ русскимъ путешественникомъ, товарищемъ по заграничному ученію, тоже вознаграждавшимъ себя полною свободой и нѣкоторыми удовольствіями за трехлѣтніе умственные труды. На одномъ изъ нихъ верхняя одежда достигла такого плачевнаго состоянія, что носящему ее, будь онъ даже невзыскательнымъ русскимъ ученымъ, трудно уже было показаться въ люди. Оба, помѣщаясь въ одной квартирѣ, умудрились довольствоваться однимъ экземпляромъ платья, которое было покрѣпче и попристойнѣе, и когда одному предстояло выйдти со двора, тогда другой совсѣмъ раздѣвался въ пользу своего собрата и прятался подъ одѣяло на постели до его возвращенія. Къ счастью, ростомъ они довольно близко подходили другъ къ другу. Такъ прошло нѣсколько дней, но продолжаться это не могло тѣмъ болѣе, что хозяинъ квар-

тиры началъ замѣчать, съ какими безсребренниками онъ имѣетъ дѣло. Галичъ отправился въ русское посольство, гдѣ принужденъ былъ вытерпѣть разныя нотаціи, однако получилъ деньги, нужныя для возвращенія въ отечество, и тутъ же братски раздѣлилъ ихъ со своимъ товарищемъ. По выѣздѣ изъ Англіи они разстались, потому что Галичъ непремѣнно рѣшился побывать въ Вѣнѣ, а товарищъ его избралъ другой путь. Не помнимъ гдѣ, въ Боннѣ или Гейдельбергѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько недѣль, поэтическое простосердечіе и совершенная неопытность въ житейской практикѣ натолкнули было его на нелѣпое приключеніе. Онъ помѣстился на квартирѣ у какого-то бѣдняги ремесленника, съ которымъ за кружкою пива очень подружился. У Нѣмца была дочь, дѣвочка лѣтъ 15 или 16. Своимъ миловиднымъ личикомъ и живостію она сильно приглянулась нашему философу, и онъ, недолго думая, рѣшился предложить ей свою руку и сердце. Здѣсь видѣнъ тотъ же самый Галичъ, какимъ онъ былъ во всю свою жизнь, то-есть, человѣкомъ, живущимъ въ мірѣ идей, чуждымъ условіямъ дѣйствительности. Онъ не подумалъ о томъ, что дѣвочка очень молода и вовсе не способна еще раздѣлить его чувствованій, что онъ самъ вовсе не приготовленъ для семейнаго быта, и что главное, у него нѣтъ для того никакихъ средствъ. Было бы, конечно, странно, еслибъ явясь изъ-за границы въ Петербургъ, онъ, вмѣсто всякихъ другихъ правъ на казенное содержаніе, напримѣръ, вмѣсто какой-нибудь диссертаціи, представилъ конференціи института свою молоденькую жену. Но все это ничего не значило для Галича, и молодость невѣсты не пугала его. Онъ даже находилъ это особенно благопріятнымъ для себя, надѣясь воспитать и настроить ее по своему вкусу; о средствахъ же содержанія какъ тогда, такъ и послѣ онъ помышлялъ мало. Какъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ такъ-называемымъ комфортомъ, этой болѣзнью и превосходствомъ вѣка, онъ вполнѣ довѣрялъ евангельскому изреченію, что птицы небесныя не сѣютъ и не жнутъ, а бываютъ сыты, и что дастъ Богъ день, дастъ и пищу. Отецъ дѣвочки, очень полюбившій молодаго человѣка, былъ не прочь согласиться отпустить дочь свою въ далекую и холодную Россію; но мать благоразумно и рѣшительно воспротивилась этому безразсудному намѣренію, на принятіе коего, вѣроятно, имѣло вліяніе и пиво. И видно, уже судьбѣ угодно было, чтобы Галичъ, изучая исторію философіи и жизнь философовъ, а слѣдовательно, и Сократа, на собственномъ опытѣ узналъ, что̀ значитъ имѣть жену Ксантиппу, какъ то случилось въ послѣдствіи. Онъ удовольствовался теперь тѣмъ, что

удѣлилъ дѣвочкѣ частицу изъ своего убогаго капитала на подвѣнечное платье въ будущемъ и простился съ нею на вѣки.

Но вотъ наконецъ Галичъ въ Вѣнѣ. Употребивъ нѣсколько дней на обозрѣніе города, онъ почувствовалъ не безъ ужаса, что у него въ карманѣ остается только нѣсколько крейцеровъ, а за квартиру ничего не заплачено. Для вящшаго удостовѣренія въ этомъ непріятномъ обстоятельствѣ хозяинъ его, вѣроятно, не большой философъ, но большой скептикъ относительно задолжавшихъ ему постояльцевъ, началъ бросать на него какіе-то подозрительные, зловѣщіе взгляды. До Россіи было далеко, а до тюрьмы очень близко. Галичъ, при видѣ угрожавшаго ему печальнаго крушенія, бросился къ единственному спасительному снаряду для подобныхъ ему утопающихъ въ безденежьи путешественниковъ, къ нашему посольству. Онъ добился аудіенціи у самого посланника и представилъ ему свои нужды и бумаги. Посланнику, безъ сомнѣнія, было извѣстно, какъ часто и дóма, и за границею главнымъ источникомъ нашего разоренія служитъ извѣстная молодецкая привычка наша тратить деньги на все, кромѣ существенныхъ надобностей. На этомъ основаніи онъ сперва наотрѣзъ объявилъ Галичу, что казна не отпускаетъ ему ничего на пособія нашимъ промотавшимся ученымъ и неученымъ путешественникамъ. Но потомъ, всмотрѣвшись внимательнѣе въ предстоявшаго ему бѣднягу, посланникъ убѣдился, что это самое простодушное и искреннее существо, что онъ вовсе не какой-нибудь записной гуляка, а напротивъ того человѣкъ съ очевидными признаками знаній и таланта, и что если и случалось ему по молодости промахнуться и бросить какой-нибудь талеръ не туда, куда слѣдовало, то кто же Богу не грѣшенъ, а царю не виноватъ. Послѣ довольно серіозно и непривѣтливо сказанныхъ первыхъ словъ, посланникъ сдѣлалъ ему еще нѣсколько вопросовъ, и выслушавъ объясненія Галича, наконецъ сказалъ: „Повторяю, казенныхъ денегъ у меня для васъ нѣтъ; но я дамъ вамъ своихъ столько, чтобы вы были въ состояніи уплатить здѣсь вашъ долгъ и возвратиться въ Петербургъ, а чтобы вы могли еще что-нибудь и сберечь, я прикажу курьеру, который отправляется мною въ Галицію до границъ Россіи, взять васъ съ собою. Значитъ, не малая часть пути вамъ ничего не будетъ стоить. Прощайте“. Галичъ тотчасъ получилъ достаточную сумму денегъ, и съ нею всѣ его опасенія и страхи разсѣялись. Но какъ выздоравливающій больной, въ которомъ съ возстановленіемъ силъ возникаютъ снова и прежнія желанія, привычки и расположенія даже къ предметамъ, не приносившимъ особен-

ной пользы его здоровью, Галичъ съ небольшими своими деньгами почувствовалъ себя чуть не Крезомъ, и мысль о сбереженіи, столь благосклонно внушенная ему добрымъ вельможею, тотчасъ ускользнула изъ его памяти. Вообще Галичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ деньгами. Ни въ молодости, ни въ зрѣломъ возрастѣ онъ не былъ мотомъ. У него не было такихъ страстей и пристрастій, удовлетвореніе коихъ требовало бы значительной траты времени, силъ и денегъ, до послѣдняго горестнаго періода его жизни, о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Онъ не предавался съ излишествомъ даже тѣмъ удовольствіямъ, которыя приходились ему по вкусу и средствамъ, и которыя онъ имѣлъ право считать законными. Тѣмъ не менѣе деньги, попавшія въ его руки, никакимъ образомъ не могли оставаться тамъ долго. То онъ купитъ вещь, которая ему ни на что не годится, единственно потому что продавецъ усердно ее предлагаетъ; то у него выманитъ деньги какой-нибудь плутъ подъ предлогомъ займа безъ возврата, о чемъ впрочемъ Галичъ никогда и не напомнитъ; то при покупкѣ или какой-нибудь уплатѣ его немилосердно обсчитаютъ, или явится необходимость угостить и попотчивать пріятеля на свой счетъ. Случалось, что онъ рѣшительно послѣднюю копѣйку отдавалъ бѣдному, который умѣлъ показаться ему или былъ дѣйствительно особенно жалкимъ. Отправившись, какъ сказано выше, съ курьеромъ до границъ Россіи, онъ не преминулъ свести съ нимъ дружбу и на каждой станціи, гдѣ приходилось имъ останавливаться нѣсколько подолѣе, свидѣтельствовать эту дружбу угощеніемъ. Когда Галичь былъ уже въ предѣлахъ отечества въ началѣ 1812 года, ему снова стало угрожать безденежье. Кое-какъ однако, съ горемъ пополамъ, онъ добрался до Кіева и здѣсь уже окончательно сѣлъ на мель. Оставалось одно, опять прибѣгнуть къ помощи правительства или правительственныхъ лицъ. Въ Кіевѣ былъ тогда военнымъ губернаторомъ знаменитый графъ Милорадовичъ, и Галичъ рѣшился обратиться къ нему съ просьбою дать ему средства достигнуть Петербурга. Генералъ подвергнулъ его предварительному изслѣдованію; онъ долго разспрашивалъ о томъ, какія страны Европы онъ посѣщалъ, гдѣ, чему и какъ учился и пр. Наконецъ, вѣроятно, удовлетворенный отвѣтами и объясненіями молодаго человѣка, онъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ снабдилъ его сотнею рублей серебромъ и посовѣтовалъ ему, не теряя болѣе времени, спѣшить въ Петербургъ. Галичъ всегда съ благодарностію вспоминалъ о пріемѣ, сдѣланномъ ему Милорадовичемъ, кото-

рый хотя нѣсколько озадачилъ его сперва чѣмъ-то въ родѣ допроса, однако кончилъ тѣмъ, что весьма ласково съ нимъ обошелся и радушно ему помогъ.

Наконецъ, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, Галичъ прибылъ въ Петербургъ въ 1813 году. Тогда не было необходимостію пріобрѣтать степень магистра или доктора для занятія профессорской каѳедры. Въ замѣнъ этого онъ подвергся строгому испытанію изъ философіи въ конференціи педагогическаго института. Сверхъ того отъ него потребовали диссертаціи, которая должна была служить и нѣкотораго рода программою будущихъ его институтскихъ лекцій или вступленіемъ къ нимъ. Экзаменъ былъ выдержанъ Галичемъ блистательно, а диссертацію его поручено разсмотрѣть профессорамъ Кайданову, Орлаю, Герману и профессору медико-хирургической академіи Велланскому, который, какъ извѣстно, свои физіологическія лекціи подчинялъ философскимъ умозрѣніямъ, исключительно въ духѣ Шеллинговой школы. Первые отозвались о ней съ большими похвалами, особенно былъ доволенъ ею Германъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ по уму, знаніямъ и характеру профессоровъ педагогическаго института, бывшій членомъ академіи наукъ и въ послѣдствіи инспекторомъ въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ. Велланскій же представилъ о диссертаціи особое мнѣніе, въ которомъ между прочимъ говоритъ:

„Диссертація г. Галича показываетъ безпристрастному сужденію почти въ равной степени достоинства и недостатки. Для прозаическихъ читателей имѣетъ она непріятный вкусъ, и строгая логика догматиковъ и сенсуалистовъ не сыщетъ здѣсь никакого удовлетворенія. Содержаніе сочиненія весьма важное, но способъ представленія не соотвѣтствуетъ достоинству онаго. Кому настоящее понятіе о философіи чуждо, тотъ въ каждомъ почти періодѣ сего сочиненія найдетъ причину къ соблазну и посмѣянію повѣданной тутъ истины. Поэтическій духъ свойственъ философіи по одинаковой сущности поэзіи съ философіей; но ежели сію представить въ комическомъ видѣ, то она покажется всякому смѣшною. Здѣсь смѣшано высокое съ низкимъ, важное съ малозначащимъ, тайное съ открытымъ, трудно понимаемое съ удобопонятнымъ, такъ что для подробной оцѣнки предмета нужно бы очистить его отъ таковой смѣси и представить въ сообразнѣйшемъ видѣ“.

Рецензію свою Велланскій заключаетъ слѣдующими словами:

„Впрочемъ изъ сочиненія Галича явствуетъ, что онъ имѣетъ столько же любви, сколько и способности къ философіи. Историческія познанія его въ оной обширны, а существенное содержаніе какъ прежней, такъ и нынѣшней философіи ему весьма извѣстно“.

Упреки, сдѣланные рецензентомъ автору за его изложеніе, понятны и не лишены основанія; рецензентъ требовалъ отъ философіи догма-

тически опредѣленнаго и выдержаннаго характера, между тѣмъ какъ Галичъ, вообще глубоко и поэтически сочувствуя высокимъ ея задачамъ, но своеобразный по своему характеру, не всегда съ точностію придерживался принятыхъ и условленныхъ пріемовъ въ сужденіяхъ о ея частностяхъ. Онъ любилъ свободу мысли и слова, и занятый, повидимому, одними серіозными думами, не стѣснялся въ выраженіяхъ, когда что-нибудь вдругъ поражало его или своею рѣзкостію, или несообразностію, или чѣмъ-нибудь, подходящимъ подъ юмористическую точку зрѣнія. Мы увидимъ, что и въ послѣдствіи, въ періодъ уже полной зрѣлости своего философскаго мышленія, онъ также со стороны своихъ офиціальныхъ судей подвергся порицанію за свой юморъ въ изложеніи философскихъ вопросовъ. Теперь конференція педагогическаго института, признавъ Галича вполнѣ достойнымъ занять каѳедру философіи, о диссертаціи его отозвалась, „что по множеству содержащихся въ ней новыхъ и либо никѣмъ, либо самымъ малымъ числомъ философовъ принятыхъ умозрѣній, ее печатать не слѣдуетъ“, и притомъ положила внушить Галичу, „чтобы онъ при преподаваніи въ россійскихъ училищахъ философскихъ наукъ отнюдь не вводилъ своей системы, а держался бы книгъ, начальствомъ введенныхъ“. Бывшій попечитель Уваровъ, одобривъ это мнѣніе, исходатайствовалъ у министра народнаго просвѣщенія утвержденіе Галича въ должности адъюнктъ-профессора съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ.

Диссертація Галича дѣйствительно должна была удивить и озадачить ученое сословіе. Уже самою формою своею она совершенно отступала отъ принятыхъ правилъ академическаго изложенія. Галичъ выразилъ свои мысли въ видѣ письма къ нѣкоему Агатону, молодому человѣку, жаждущему мудрости, стараясь укрѣпить въ немъ живое чувство къ истинѣ и показать пути, ведущіе къ ней. Такой способъ авторъ избралъ, вѣроятно, потому что онъ предоставлялъ болѣе простора его взглядамъ и фантазіи. Притомъ онъ служилъ указаніемъ на ту внутреннюю душевную связь, какая, по мнѣнію автора, должна соединять юношество, жаждущее знанія, съ его руководителями и наставниками. Сочиненіе это похоже болѣе на пламенный витіеватый диѳирамбъ въ честь истины, нежели на строгую ученую разработку и изложеніе содержанія философіи. Тутъ виденъ умъ, пропитанный всѣми возвышенными идеями, какія возникаютъ изъ умозрительныхъ стремленій человѣческаго духа, когда онъ самъ себя ставитъ источникомъ и мѣриломъ всякаго знанія. Возбуждая въ читателѣ ревность

къ изысканію философскихъ истинъ, авторъ при этомъ опирается преимущественно на нравственное чувство и требуетъ отъ занимающихся философіей прежде всего мужественной силы воли и характера. Не смотря на то, что въ настроеніи его мыслей оказывается, очевидно, вліяніе Шеллинга, въ немъ въ то же время видѣнъ мыслитель, почерпающій живое убѣжденіе и живое слово въ собственномъ умѣ и сердцѣ. Серіозный и нерѣдко выспренній и патетическій ходъ его мышленія не мѣшаетъ ему однако предаваться особенной, ему свойственной какой-то прихотливой игривости ума, наводившей его на самыя оригинальныя, неожиданныя сближенія и соотношенія въ мысляхъ и языкѣ, на что̀, какъ мы видѣли уже, такъ жаловался строгій рецензентъ Галича, Велланскій. Вторая половина его диссертаціи посвящена вся историческому обозрѣнію философіи отъ древнѣйшихъ временъ, начиная съ Индійцевъ, до позднѣйшаго времени. Это, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшая часть его труда. Здѣсь уже является передъ нами строгій, изслѣдующій и критическій умъ съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній. Это обозрѣніе, представляющее ходъ философіи въ сжатыхъ чертахъ, превратилось послѣ въ полную исторію ея, которую Галичъ и издалъ въ свѣтъ [1]).

Здѣсь, можетъ-быть, у мѣста провести нѣкоторую параллель между двумя учеными, которые въ одно и то же время считались у насъ представителями Шеллингова ученія, именно между Велланскимъ и Галичемъ. Оба они были дѣйствительно шеллингисты; но отношенія ихъ къ главѣ школы были весьма различны, и многое, почему одинъ изъ нихъ былъ признаваемъ за односторонняго ея приверженца, основывалось единственно на нѣкоторыхъ изданныхъ имъ книгахъ, а не на точномъ и основательномъ знакомствѣ вообще съ его идеями и характеромъ. Велланскій вполнѣ и безусловно былъ послѣдователемъ Шеллинга. Онъ простодушно и искренно вѣровалъ въ начала своего учителя и считалъ возможнымъ объяснить ими всѣ явленія жизни, рѣшить всѣ вопросы и недоумѣнія человѣческаго ума, не исключая вопросовъ своей науки, требующей совершенно другаго метода и пріемовъ изслѣдованія. Сто̀итъ только прочитать *Пролюзію къ медицинѣ* и *Біологію* Велланскаго, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Въ нихъ содержится не простое и объективное изложеніе ученія, съ кото-

---

[1]) Читатели найдутъ въ приложеніи нѣсколько отрывковъ изъ диссертаціи Галича (см. прилож. II). Въ слѣдующемъ за тѣмъ приложеніи изложены, въ видѣ представленія начальству педагогическаго института, главныя основанія философіи, какъ онъ тогда понималъ ее.

рымъ онъ хотѣлъ бы познакомить любознательные умы, а энергическое провозглашеніе, пропаганда идей, принятыхъ къ сердцу, духъ какого-то сектаторства, исключающій всякое противоположное мнѣніе. Велланскій не только стремится къ истинѣ съ жаркою любовію и вѣрою въ нее, но по обычаю людей, увлеченныхъ чувствомъ и недовольно проницательныхъ, онъ увѣренъ, что уже нашелъ ее. Мало знакомый съ историческимъ движеніемъ философіи или обращавшій на него мало вниманія, неспособный къ критическому анализу, онъ легко и всецѣло предался системѣ, столь обаятельной на первый взглядъ для людей, которые при самомъ рожденіи истины желали бы видѣть ее облеченною въ пурпуръ царственнаго величія и во всемъ блескѣ поэзіи, для людей, которые желаютъ результатовъ прежде, чѣмъ ознакомились съ путями и средствами къ ихъ достиженію, и которымъ наконецъ самая любовь ихъ ко всему прекрасному и возвышенному, при нетвердости анализирующей и контролирующей силы, помогаетъ обольщаться ихъ призраками. Совсѣмъ другое видимъ въ Галичѣ. Раздѣляя со своими соотечественниками наклонность ко всякимъ заимствованіямъ у иностранцевъ, а главное, не находя у себя дома ни матеріаловъ, ни опоры, ни даже традицій философскихъ, сколько-нибудь соотвѣтствовавшихъ требованіямъ мыслящаго человѣчества, онъ естественно долженъ былъ примкнуть къ какой-нибудь школѣ въ классической странѣ философіи, откуда мы и поднесь черпаемъ большую часть нашего научнаго богатства. Подобно Велланскому, и онъ восчувствовалъ на себѣ могучее вліяніе Шеллинговой системы не только потому, что она была новая, но и потому, что она дѣйствительно удовлетворяла въ извѣстной степени и направленіи благороднѣйшимъ требованіямъ его духа. Но у Галича было то, чего недоставало Велланскому: не менѣе его способный сочувствовать всему истинному и высокому въ наукѣ, жизни и человѣчествѣ, онъ въ то же время понималъ еще, что нѣтъ никакой возможности все это истинное и высокое ни подчинить разумѣнію одной какой-нибудь доктрины, ни направить ихъ исключительно по ея началамъ. Онъ обладалъ не одною способностію воспріятія, по которой люди дѣлаются энтузіастами всего, чего угодно, но умомъ твердымъ, испытующимъ, критическимъ, какимъ немногіе изъ нашихъ ученыхъ обладали въ его время. Въ вопросахъ, затрудняющихъ человѣчество искони, онъ, подобно другимъ сильнымъ умамъ, скорѣе могъ остановиться между *да* и *нѣтъ*, чѣмъ произнести то или другое на вѣтеръ съ рьяностію фанатика или недоучившагося школьника. Онъ не былъ энтузіастомъ никакого ученія,

точно также, какъ не уважалъ особенно никакого житейско-практическаго принципа, зная очень хорошо, что одно можетъ измѣниться съ успѣхами науки, а другой потонуть въ водоворотѣ и хаосѣ человѣческихъ страстей, моды и проч. То, чему онъ довѣрялъ вполнѣ, это — законъ нравственнаго достоинства и усовершенствованія человѣка. Въ немъ утвердился духъ истинно философскаго, то-есть, свободнаго мышленія, которое всегда было готово перешагнуть за предѣлы признаннаго имъ самимъ авторитета, и если не пойдти своимъ путемъ далѣе, то по крайней мѣрѣ попытаться заглянуть и въ другія сферы мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что историческое изученіе философіи, которому онъ посвятилъ лучшую часть своихъ усилій и времени, много содѣйствовало къ удаленію его отъ упорнаго догматизма. Въ сравненіи, анализѣ и критической оцѣнкѣ различныхъ системъ онъ пріобрѣлъ ту умственную опытность и тотъ навыкъ основательнаго и безпристрастнаго сужденія, которыя ставятъ каждое положеніе и каждое начало на приличное имъ мѣсто, видятъ взаимную ихъ связь, отношенія, зависимость и не допускаютъ исключительнаго господства ни одного изъ нихъ. Мы часто слышали отъ него слѣдующія слова: „Умъ человѣческій удивительно способенъ гнуться подъ тяжестію собственныхъ пріобрѣтеній, и это ненатуральное положеніе грозитъ ему ежеминутно паденіемъ. Умѣйте найдти центръ тяжести и соразмѣрить ее съ вашими силами, чтобы держаться на ногахъ и идти прямо“. Самое существенное, что Галичъ заимствовалъ у Нѣмцевъ и чему неуклонно слѣдовалъ во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ, это — систематизированіе мыслей. Онъ, по справедливости, считалъ Нѣмцевъ лучшими образцами систематически-научныхъ построеній и примѣромъ ихъ руководствовался не только въ архитектоникѣ цѣлыхъ ученій, но даже въ подробностяхъ, и это подало поводъ критикѣ обвинять его въ излишествѣ дѣленій, подраздѣленій и вообще въ сложности и германизмахъ изложенія.

Сравненіемъ нашимъ двухъ сопоставленныхъ здѣсь лицъ мы вовсе не имѣли въ виду возвысить одно на счетъ другаго. Мы напротивъ того отдаемъ полную справедливость Велланскому за чистоту и твердость его убѣжденій и за послѣдовательность, съ какою онъ проводилъ въ нашу умственную среду принятыя имъ начала, даже за его довѣріе къ отвлеченнымъ истинамъ, обезпечивающимъ воззрѣніямъ ума нашего необходимую широту горизонта и противодѣйствующимъ конечному опошленію въ насъ эмпирическихъ наклонностей. Мы признаемъ, что увлеченія Велланскаго были плодомъ благороднаго стремленія къ исти-

нѣ, и что самая односторонность его понятій заслуживаетъ уваженія: она была результатомъ научной дѣятельности, а не одной слѣпой и лѣнивой готовности думать, какъ думаютъ другіе. Онъ проявлялъ эту дѣятельность не урывками, не механически составленными компиляціями, а цѣлымъ рядомъ систематически соображенныхъ и сознательно усвоенныхъ себѣ мыслей. Тутъ былъ установившійся и выдержанный характеръ, а этимъ, какъ извѣстно, немногіе изъ нашихъ мыслителей и дѣятелей могутъ похвалиться. Но въ дому истины обители многія суть; стремящіеся къ ней могутъ входить въ него съ разныхъ сторонъ въ разныя двери, и каждый устроиваться въ немъ по своему достоинству и роду своихъ заслугъ, не отнимая мѣста у другаго. Противопоставляя другъ другу двухъ нашихъ мыслителей, мы хотѣли этимъ только означить различіе ихъ свойствъ и показать, какими направленіями были движимы дѣятели нашей науки, еще шаткой и не установившейся, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы, по обычаю большей части біографовъ, выставить своего героя сколько возможно въ лучшемъ свѣтѣ.

Курсъ философіи, читанный Галичемъ въ педагогическомъ институтѣ и потомъ съ 1819 года въ университетѣ, заключалъ въ себѣ всѣ части ея, то-есть, логику, психологію, этику и метафизику. Но вскорѣ профессоръ пожелалъ къ этому присоединить и исторію философіи въ объемѣ и духѣ, соотвѣтствующемъ значенію и достоинству университетскаго преподаванія, на что̀ и было получено согласіе начальства. Теоретическую часть науки онъ долженъ былъ согласовать съ требованіями послѣдняго; она была не та, какую предполагалъ онъ въ своей диссертаціи, и какая была читана имъ послѣ нѣкоторымъ любознательнымъ юношамъ и даже зрѣлымъ любителямъ философіи у себя на дому; здѣсь господствовалъ Шеллингъ, тогда какъ академическое преподаваніе, держась въ рамѣ предписанныхъ руководствъ, имѣло характеръ болѣе эклектическій. Въ метафизикѣ онъ руководствовался сочиненіемъ Карпе, коего текстъ съ латинскаго языка студенты сами переводили на русскій. Въ исторіи философіи онъ держался сперва Теннемана, пока не написалъ и не издалъ своей собственной книги, для которой онъ пользовался уже и другими источниками.

Въ 1814 году, Галичъ, оставаясь адъюнктомъ въ педагогическомъ институтѣ, былъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ Царскосельскій лицей. Здѣсь онъ обнаружилъ рѣшительно свою неспособность къ той педагогической дѣятельности, которая лишь подготовляетъ молодыхъ людей къ высшему знанію. Его роль была роль ака-

демическаго преподавателя, излагающаго содержаніе науки во всей ея обширности и полнотѣ, единственно по идеѣ и принципу ея спеціальныхъ требованій. Ему нужны были аудиторія, а не классъ, и слушатели, которыхъ бы онъ могъ руководить въ самостоятельномъ умственномъ трудѣ, а не ученики, коихъ умъ нуждается въ постоянномъ наблюденіи, искусномъ педагогическомъ пособіи и вмѣшательствѣ въ самыя отправленія развивающейся, но еще не укрѣпившейся ихъ мысли. Поэтому, конечно, было ошибкой со стороны лицейскаго начальства избрать такое лицо, какъ Галичъ, для элементарнаго преподаванія латинскаго языка, какъ со стороны послѣдняго было ошибкой взяться за такое дѣло. Вмѣсто педагогическихъ способностей, которыхъ ему не доставало, онъ развернулъ въ лицеѣ свой характеръ, знакомый болѣе съ поэтическою, чѣмъ съ практическою стороной жизни, характеръ общительный, кроткій, въ высшей степени беззаботный, съ значительною долей юмора и ироніи и съ полнымъ нерасположеніемъ къ школьной дисциплинарности. Въ лицеѣ онъ увидѣлъ передъ собою толпу юношей, милыхъ, веселыхъ, нѣкоторыхъ съ замѣчательными дарованіями, но вообще не слишкомъ обременявшихъ себя механизмомъ науки, и тотчасъ понялъ, что ему тутъ трудно будетъ насадить древо познанія латыни. Юноши въ свою очередь примѣтили, что ихъ новый наставникъ болѣе философъ, чѣмъ сколько нужно было для того, чтобы настойчиво занимать ихъ супинами и герундіями, и постарались, въ замѣнъ ихъ, извлечь изъ него другое добро, его теплое сочувствіе къ юношескимъ свѣтлымъ интересамъ жизни. Но какъ они были молодые люди благовоспитанные, то въ отношеніяхъ ихъ къ нему не могло быть ничего грубаго, а тѣмъ болѣе оскорбительнаго для человѣка, высокій умъ и неподдѣльная доброта котораго не могла не дѣйствовать укротительно на пылкія, но еще не успѣвшія испортиться молодыя сердца. Какъ бы то ни было, однако Галичъ былъ плохимъ преподавателемъ латинскаго языка въ лицеѣ, а вмѣсто того очень пріятнымъ собесѣдникомъ лицейскихъ воспитанниковъ, которые весело проводили съ нимъ время иногда за чтеніемъ своихъ стихотвореній, въ свободные часы, ни мало не пугаясь его профессорской осанки, которую они умѣли щадить, а его также не пугая слишкомъ шумною и игривою бесѣдой [1]. „Ну, господа“, — гово-

[1]) Галичъ, живя въ Петербургѣ, для уроковъ пріѣзжалъ въ Царское Село и долженъ былъ, въ промежутокъ времени отъ однихъ классныхъ часовъ до другихъ, оставаться въ лицеѣ, отчего у него была возможность особенно сближаться съ воспитанниками и внѣ классовъ.

рилъ онъ имъ послѣ оживленной далеко не школьной бесѣды, взявъ въ руки Корнелія Непота, — „теперь потреплемъ старика“. И юноши, по возможности, спѣшили удѣлить старику малую толику своего вниманія и времени. Пушкинъ, кажется, особенно полюбилъ молодаго философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ, какъ самъ будущій поэтъ, и притомъ обладалъ многими знаніями, если и не доступными тогдашнему положенію и возрасту автора „Онѣгина“, то не чуждыми его умственнымъ инстинктамъ. Начальство, кажется, однако скоро убѣдилось, что у такого учителя питомцы не выучатся по латыни, и потому Галичъ только годъ съ небольшимъ пробылъ въ лицеѣ. Въ замѣнъ этого ему поручено было преподаваніе философіи въ благородномъ пансіонѣ при институтѣ и университетѣ, а потомъ русскаго языка въ Петропавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ. Но и здѣсь, какъ въ лицеѣ, онъ не могъ сладить съ учительскимъ дѣломъ, не смотря на то, что теперь онъ, повидимому, болѣе прилагалъ къ нему старанія, чѣмъ прежде. Ученики Галича не слушались его и до того своевольничали въ классѣ, что онъ принужденъ былъ оставить заведеніе. Нѣсколько времени онъ содержалъ также пансіонъ, преимущественно для дѣтей изъ казаковъ. Но вѣроятно, и тутъ Галичъ, способный весьма здраво и основательно разсуждать о педагогіи, не много оказалъ успѣховъ въ ея практикѣ.

Въ 1817 году Галичъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессоры и въ этомъ званіи перешелъ и въ новооткрытый въ 1819 году С.-Петербургскій университетъ. Судьба, казалось, была благосклонна къ нему. Она дозволила ему жить и дѣйствовать для идеи и науки, а въ этомъ и состояли всѣ его желанія, какъ и призваніе. Ему не приходило на мысль добиваться чего-нибудь бо̀льшаго; его житейскіе интересы были совершенно поглощены господствовавшими надъ нимъ интересами духа. Трудно было найдти человѣка, который бы, подобно ему, былъ до такой степени преданъ своему дѣлу и такъ мало думалъ о вещахъ, не входившихъ непосредственно въ кругъ его ученой дѣятельности. При этомъ онъ имѣлъ великое утѣшеніе чувствовать, что его идеи не только содѣйствуютъ художественной обработкѣ его самого, но что онѣ не остаются безплодными и для его слушателей. Какъ ни недостаточно у насъ распространены философскія знанія, и какъ ни мало умъ нашъ усвоилъ себѣ навыкъ къ размышленію о предметахъ отвлеченныхъ, однако Галичъ нашелъ лица, готовыя мужественно бороться съ трудностями философскихъ изысканій.

Наука, имъ преподаваемая, видимо возбуждала сочувствіе, а самъ преподаватель внушалъ уваженіе и довѣренность къ себѣ, что мы положительно знаемъ отъ его слушателей, и чему отчасти сами были свидѣтелями. Ученая репутація Галича возрасла и упрочилась особенно съ изданіемъ его *Исторіи философскихъ системъ* въ 1819 году. Сочиненіе это было рѣдкою новостію въ нашей ученой литературѣ. Это не простой переводъ какого-нибудь иностраннаго руководства, урѣзанный и сокращенный всячески, въ родѣ Бруккеровой исторіи философіи 1788 г., не компиляція, механически сплоченная изъ одного или нѣсколькихъ авторовъ, чѣмъ, большею частію, обходились наши творцы ученыхъ и учебныхъ книгъ; это трудъ глубоко свѣдущаго въ своемъ дѣлѣ ученаго, который пользовался не однимъ, а многими источниками и пособіями, но пользовался ими съ критическою разборчивостію и пониманіемъ духа каждаго изъ нихъ, какъ и духа своей науки, и который обсуживалъ и излагалъ великія явленія человѣческой мысли съ безпристрастіемъ честнаго и добросовѣстнаго историка и съ проницательностію даровитаго мыслителя [1]). Оригинальный способъ выраженія его нерѣдко озадачиваетъ читателя; но строгость ученаго метода, отчетливость и точность въ опредѣленіяхъ и поясненіи важнѣйшихъ пунктовъ каждой излагаемой имъ системы, обиліе указаній на источники и пособія, наконецъ, постоянное обращеніе взора на сущность и величіе рѣшаемой хотя и не рѣшимой человѣчествомъ, задачи, — все это отнимаетъ у критика смѣлость строго осуждать автора за индивидуальность, отражающуюся въ нѣкоторыхъ пріемахъ его мысли и языка. Мы даже готовы признать эту индувидуальность, при соблюденіи качествъ, сейчасъ нами указанныхъ, за нѣкоторое новое достоинство: она даетъ намъ чувствовать, что мы имѣемъ дѣло

---

[1]) На русскомъ языкѣ есть еще въ позднѣйшее время изданныя двѣ исторіи философіи — архимандрита Гавріила, въ шести частяхъ, 1839 и 1840 года, и очерки исторіи философіи Надеждина, 1837 года. Но эти сочиненія явились въ свѣтъ уже послѣ *Исторіи философскихъ системъ* Галича. Отдавая полную справедливость знаніямъ почтеннаго отца Гавріила, нельзя однако не сказать, что книгѣ его не достаетъ выдержанности ученаго характера — единства общей руководящей мысли и критической обработки матеріаловъ. Притомъ въ составленіи ея видна какая-то поспѣшность и небрежность въ изложеніи. Иное въ объясненіи разныхъ ученій, безъ всякой видимой причины, опущено, другое представлено въ слишкомъ поверхностномъ видѣ. Что касается до сочиненія Надеждина, то оно гораздо болѣе подходитъ подъ условія ученаго труда; но слѣдуя во всемъ Рейнгольдту, авторъ не проявилъ въ немъ нисколько самостоятельной мысли.

съ писателемъ, на характерѣ коего школа и школьная ученость не успѣли стереть слѣдовъ его выразительной натуральной физіономіи. Разумѣется, достойной критической оцѣнки такой книги, какъ *Исторія философскихъ системъ* Галича, нельзя было ожидать отъ нашей литературы въ тогдашнее время, когда и теперь большею частію мы не въ состояніи ни одного произведенія ученаго или литературнаго анализировать въ духѣ истины и науки, не вмѣшивая сюда своихъ маленькихъ пристрастій и страстей, особенно претензій крохотнаго самолюбія, готоваго оскорбиться всѣмъ, что изобличаетъ желаніе мыслить и писать не по нашему вкусу и видамъ. Какъ бы то ни было, а книга Галича въ свое время нашла себѣ читателей и почитателей въ средѣ лицъ, которыхъ онъ первый посвящалъ въ тайны исторіи человѣческой мысли, а потомъ и въ кругу другихъ любителей просвѣщенія.

Между тѣмъ какъ нашъ ученый съ большимъ трудомъ, но не безъ успѣха, воздѣлывалъ едва тронутую у насъ почву высшаго знанія, между тѣмъ какъ онъ простодушно вѣрилъ, что расширеніемъ предѣловъ этого знанія онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ своихъ товарищей, честно исполняетъ свой долгъ предъ отечествомъ, — въ это самое время надъ мѣстомъ, гдѣ лелѣялись эти мечты, надъ С.-Петербургскимъ университетомъ, собиралась грозная туча. Она должна была поразить только-что возникшій университетъ неожиданнымъ ударомъ, отъ котораго не скоро ему пришлось оправиться, а бѣднаго Галича отбросить отъ предназначеннаго ему пути далеко въ сторону, даже до архива въ коммиссаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства, какъ увидимъ далѣе.

Въ половинѣ 1821 года въ ученомъ сословіи университета и въ кругахъ къ нему близкихъ начали носиться слухи о какихъ-то перемѣнахъ по учебной части, о новыхъ, составленныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, программахъ и т. п. Было что-то зловѣщее въ этихъ слухахъ, какъ въ глухомъ шумѣ начинающейся бури. Тогдашній, недавно опредѣленный послѣ С. С. Уварова исправляющимъ должность попечителя Руничъ былъ видимо и сильно чѣмъ-то озабоченъ. Его подвижная, суетливая натура, впечатлительная, одержимая пылкимъ желаніемъ чѣмъ бы то ни было и во что бы то ни стало отличиться передъ высшимъ начальствомъ, теперь находилась въ особенно тревожномъ состояніи. Частыя сношенія его съ нѣкоторыми двусмысленными университетскими личностями, отбираніе у студентовъ тетрадей, кое-какія сказанныя имъ слова о неудовлетворитель-

номъ состояніи, въ какомъ онъ засталъ университетъ по вступленіи своемъ въ должность, все возбуждало въ университетской средѣ опасенія, что новый начальникъ приготовляетъ какіе-то новые порядки, которые, какъ извѣстно, не всегда бываютъ лучшіе. Никто однако не питалъ ни малѣйшаго подозрѣнія о возможности того, чему предстояло случиться. И вдругъ, къ неописанному изумленію и ужасу университета, на него, какъ камень съ воздушной высоты, упало обвиненіе ни болѣе, ни менѣе, какъ въ безбожіи и революціонныхъ разрушительныхъ замыслахъ. Исправлявшему должность попечителя было предписано произвести о томъ тщательнѣйшее изслѣдованіе и отыскать виновныхъ для поступленія съ ними по всей строгости законовъ. Такое столь неожиданное, какъ и тяжкое обвиненіе, сдѣлавшееся вскорѣ извѣстнымъ публикѣ, не могло не встревожить и не взволновать ея. Всѣ спрашивали съ недоумѣніемъ другъ друга: достовѣрно ли это печальное открытіе? И неужели люди солидныхъ свойствъ и лѣтъ, столько времени преподававшіе науку въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, люди съ неукоризненною репутаціей, и какъ граждане, и какъ ученые, — неужели они могли пуститься на такое отчаянное дѣло обучать юношество безвѣрію и проповѣдывать революцію? Всѣ съ нетерпѣніемъ желали узнать, на какихъ данныхъ основана подобная рѣшительная увѣренность, выросшая до энергическаго оффиціальнаго преслѣдованія.

Событіе, къ которому мы теперь пришли, было многозначительнаго свойства не для одного С.-Петербургскаго университета; оно составляетъ важный и поучительный эпизодъ въ исторіи всего нашего умственнаго развитія и образованія. Поэтому, конечно, настоящее мѣсто его въ этой исторіи, а не въ монографіи, имѣющей цѣлію сообщить свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ одного лица. Но судьба изображаемой нами личности такъ тѣсно связана съ этимъ событіемъ, что умолчать о немъ мы считаемъ совершенно невозможнымъ. Съ другой стороны, оно имѣетъ такой видъ явленія чрезвычайнаго, что коснувшись его, невольно чувствуешь необходимость вдуматься въ него внимательнѣе и глубже, а слѣдовательно, и остановиться на немъ долѣе. Мы такъ мало еще успѣли уяснить себѣ перемѣны и явленія нашего внутренняго быта, что не должны считать лишнимъ никакихъ покушеній для разъясненія ихъ теряющагося въ догадкахъ и толкахъ смысла. Поэтому мы просимъ читателя не посѣтовать на насъ за отступленіе, не только ведущее въ даль отъ главной нашей задачи, но и начинающееся, повидимому, слишкомъ издалека.

Дѣло С.-Петербургскаго университета, сколько само по себѣ оно ни знаменательно по духу своему и сопровождавшимъ его обстоятельствамъ, было только симптомомъ того потрясенія, которое въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія испытала система нашего образованія, дотолѣ казавшаяся опредѣленно установившеюся, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ. Потрясеніе это невольно должно было возбудить сомнѣніе въ достоинствѣ и годности стремленій, руководившихъ нами со времени Петра Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ породить вопросъ: на какихъ же началахъ должна опираться интеллектуальная жизнь народа, прожившаго уже столько вѣковъ и носящаго въ себѣ явные признаки будущности долговѣчной и прогрессивной? Не слѣдовало ли уже намъ, опираясь, вмѣстѣ съ крайними славянофилами, на ученіи о національной самобытности, отрѣшиться отъ всего иноземнаго и создать даже свою науку? Но жребій былъ брошенъ: Россія должна быть державой европейскою, или что̀ все равно, одною изъ дѣятельныхъ силъ въ системѣ и историческихъ судьбахъ человѣчества, — вотъ что̀ не подлежало сомнѣнію. Мысль эта, вопреки всѣмъ поборникамъ исключительной національности, не смотря ни на какія особенности нашей общественной и политической организаціи, не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, на долговременное отчужденіе наше отъ Европы, инстинктивно пробивалась сквозь всѣ препятствія и заявляла себя въ разныя эпохи нашей исторіи, пока наконецъ не выразилась опредѣлительно и рѣзко въ геніѣ Петра Великаго и въ его реформѣ. Но что̀ значитъ быть или сдѣлаться европейскою державою? Значитъ ли это — усвоить себѣ за одинъ разъ выработанныя вѣками учрежденія Европы, ея обычаи, формы ея быта? Такъ могло казаться въ началѣ, когда мы еще не въ состояніи были сколько-нибудь сознательно представить себѣ ни того, что̀ такое Европа въ своемъ внутреннемъ обще-человѣческомъ значеніи, ни того, что̀ такое мы сами, какъ нравственная и умственная индивидуальность, ни того, въ какомъ именно смыслѣ и въ какихъ предѣлахъ должно совершиться наше объединеніе съ нею. Насъ поразила и увлекла сценическая, такъ сказать, наружность великолѣпнаго зрѣлища образованности и цивилизаціи, ихъ готовые продукты, и этотъ родъ эстетическаго увлеченія не заключалъ въ себѣ еще ничего предосудительнаго. Онъ на первый разъ все-таки доказывалъ, по крайней мѣрѣ, нашъ изящный вкусъ, наше тайное сочувствіе къ началамъ, коихъ зародыши мы носили въ себѣ. Не вдругъ могло прійдти время для разумной оцѣнки и полнаго пониманія той творческой силы, тѣхъ внутреннихъ пружинъ, ко-

торыя дали бытіе чудному зрѣлищу, столько насъ плѣнившему. Надобно однако же понять, въ чемъ состоитъ эта сила, и гдѣ настоящій центръ движенія, долженствовавшаго увлечь и насъ въ свою сферу и дать намъ характеръ народа европейскаго. Сила эта есть не иное что, какъ присущее Европѣ стремленіе ума человѣческаго къ развитію, коего предѣловъ никто усмотрѣть не можетъ, почему и называютъ его безпредѣльнымъ, къ развитію, коего глубочайшимъ выраженіемъ и непосредственнымъ результатомъ, при напутствующей его неизмѣнно идеѣ истины, служитъ наука. На каждой стадіи пути, который наука проходитъ, она слагаетъ жатву добытыхъ ею идей и началъ, и отдавъ ихъ вѣку на его потребы, идетъ далѣе, куда зоветъ ее всесильное и невѣдомое намъ предназначеніе нашей природы. И Европѣ ввѣрено Провидѣніемъ воздѣланіе науки и миссія распространенія ея со всѣмъ, что̀ отъ нея происходитъ, повсюду, даже „до послѣднихъ земли“. Поэтому цивилизація Европы и наука одно и то же. Все, въ чемъ человѣкъ полагаетъ найдти свое благо или чѣмъ упрочить его, всѣ напряженныя усилія его ума и воли, самыя откровенія генія, все имѣетъ цѣну, достоинство и заслугу только тогда, когда во главѣ его стоитъ руководящая идея истины; истина же не дается во власть ни слѣпому чувству, ни случаю, а дѣлается доступною только продолжительнымъ и упорнымъ изысканіямъ, опытамъ и стремленіямъ, поддерживающимъ другъ друга преемственно и послѣдовательно въ теченіе вѣковъ, — и только такимъ образомъ проясненная, доказанная и доведенная до степени возможной очевидности, она проливаетъ свое сіяніе на самыя отдаленныя, какъ и самыя близкія стороны и отношенія человѣческой жизни и дѣятельности. Наука — это міръ въ его законахъ и человѣкъ въ его разумѣ и судьбахъ. Слѣдуетъ ли изъ этого однако, что мы допускаемъ всемогущество науки и въ довершеніи этихъ судебъ? Нѣтъ: всемогущество принадлежитъ одному Провидѣнію. Самая безпредѣльность, въ которую вовлечены и человѣкъ, и наука, полагаетъ неодолимое препятствіе къ удовлетворенію нашихъ личныхъ требованій, нашихъ завѣтныхъ желаній, и не дозволяетъ намъ успокоиться ни на одной стадіи заповѣданнаго намъ шествія. Но для этого открыты человѣку другіе пути, которые независимо отъ истины объективной, познаваемой, приводятъ его къ истинѣ, укорененной и чувствуемой въ его совѣсти и сердцѣ. Мы только вѣримъ въ абсолютную необходимость науки, выражающуюся въ вѣчныхъ и всеобщихъ требованіяхъ и законахъ нашего духа, нашей разумности, вѣримъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наука

одна въ состоянiи изъ существа, способнаго быть человѣкомъ, сдѣлать человѣка дѣйствительнаго, и злу, которое онъ обреченъ терпѣть на землѣ и поползновенъ дѣлать, способна противупоставлять наибольшiя преграды, какъ и надѣлять его возможно большею мѣрою благъ.

Итакъ, вопросъ науки, Европою рѣшаемый, не есть ея мѣстный вопросъ, но всеобщiй, существенный и всеобъемлющiй вопросъ человѣчества. Мы называемъ его всеобъемлющимъ не только потому, что онъ относится ко всѣмъ людямъ, но потому, что въ немъ сосредоточены всѣ другiе вопросы — политическiе, соцiальные, экономическiе, нравственные, сосредоточено все, чего разумное и удовлетворительное рѣшенiе можетъ обезпечиваться одною истиной. Понятно, что одно участiе въ его рѣшенiи съ какой бы то ни было стороны даетъ народу право быть народомъ европейскимъ, и слѣдовательно, народомъ всемiрнымъ. Эта космополитическая идея ни мало однако не посягаетъ на своеобразное бытiе народа, на его нацiональность. Безъ этого своеобразiя развѣ можетъ быть мыслимъ народъ? Различiе нацiональностей, какъ силъ, опирающихся на опредѣленные и твердые центры, есть необходимое условiе раскрытiя всего содержимаго въ человѣческомъ духѣ. То, что̀ называютъ всемiрною образованностiю, есть капиталъ, слагающiйся изъ многихъ и разнообразныхъ вкладовъ, лишь бы эти вклады были изъ чистаго серебра и золота, а не изъ фальшивой монеты.

Когда Петръ Великiй широко распахнулъ передъ нами двери въ Европу, намъ надлежало уже принять за непреложный догматъ главныя послѣдствiя этого историческаго шага, а въ числѣ этихъ послѣдствiй первое мѣсто занимала наука. Не само русское общество, а государство — и въ этомъ состояла его величайшая заслуга — стоявшее во главѣ новаго движенiя, поспѣшило признать науку. Но весьма естественно, что сперва оно признало ее преимущественно для себя. Оно смотрѣло на науку, какъ на одно изъ орудiй, долженствующихъ по его указанiю, и разумѣется, при его пособiи, содѣйствовать его политическому возвышенiю и могуществу. Петръ Великiй понималъ, конечно, науку иначе, когда основывалъ академiю; Екатерина II понимала ее иначе, когда стремилась устроить систему народнаго образованiя. Но въ собственномъ, истинномъ и глубокомъ смыслѣ постигалъ значенiе науки для человѣчества и для своего народа тотъ, кто заложилъ у насъ самое зданiе ея — Ломоносовъ. Этимъ объясняются и его энергическое дѣятельное участiе въ основанiи высшаго ея органа, Московскаго уни-

верситета, и его стремленіе поставить науку во главѣ умственнаго движенія общества, и его патріотическое рвеніе сдѣлать ее достояніемъ русскаго ума, въ силы коего онъ справедливо вѣрилъ, потому что зналъ ихъ и совмѣщалъ въ себѣ, и его упорный антагонизмъ противъ иностранцевъ, желавшихъ присвоить себѣ и закрѣпить за собою монополію науки въ Россіи, и его благородно-горделивое сознаніе своего достоинства въ кругу людей высшаго званія, преклонявшихся въ лицѣ его передъ могуществомъ великой нравственной силы, и наконецъ, та свобода духа, которую онъ первый у насъ осуществилъ въ себѣ, и безъ которой могутъ употребляться имена и составляться программы наукъ, но не будетъ самой науки. Въ Ломоносовѣ совершился у насъ актъ уже не государственнаго, а національнаго признанія и усвоенія науки, актъ, который долженъ былъ послужить началомъ настоящаго, внутренняго преобразованія и обновленія Россіи. Это было только начало, но начало, полное великихъ послѣдствій.

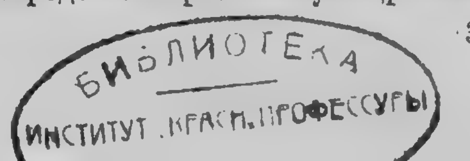
Могло ли однако новое начавшееся движеніе развиться безпрепятственно? По закону всякой силы, домогающейся и достойной успѣха, ей надлежало окрѣпнуть въ борьбѣ; и вотъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ моментовъ послѣдней мы видимъ въ событіи, относящемся къ исторіи С.-Петербургскаго университета. Это не была борьба съ государственными преградами: государство само, какъ мы сейчасъ сказали, вызвавшее новое движеніе, обязанное ему своими лучшими успѣхами и блескомъ, было напротивъ того его опорой и охранителемъ. То не была борьба и съ обществомъ: общество врожденными ему наклонностями и инстинктами вовлекалось неудержимо и быстро въ потокъ новыхъ идей. Это была борьба съ тѣми темными силами, которыя, какъ роковой неизбѣжный продуктъ страстей человѣческихъ и эгоизма, таятся во всякомъ порядкѣ вещей, и коихъ роль задерживать и обращать, по возможности, вспять всякое естественное развитіе жизни, все разумное, что̀ хочетъ и стремится сдѣлать шагъ впередъ къ лучшему для всѣхъ, на сколько это позволено сомнительнымъ жребіемъ вещей человѣческихъ. Всегда и вездѣ являются люди, готовые стать подъ знамя этихъ силъ, не потому, чтобъ они сознательно хотѣли поддерживать зло — этого не бываетъ въ человѣческой натурѣ — но потому, что они лишены вкуса ко всему свѣтлому и великому и способны только къ грубому и пошлому пониманію вещей. А между тѣмъ на ихъ долю часто выпадаетъ, по прихоти судьбы, возможность дѣлать много хорошаго и дурнаго, и тутъ-то и не оказывается у нихъ ни столько ума и образованія, чтобы въ сложныхъ вопросахъ, подлежащихъ ихъ рѣ-

шенію, отличить одно отъ другаго, ни столько душёвной силы, чтобы признать надъ собою власть другихъ, болѣе разумныхъ руководящихъ началъ, чѣмъ тѣ, которыя тупо и неловко они признали за лучшія и вѣрныя. И къ сожалѣнію, эти люди вовлекаютъ въ свои виды и дѣлаютъ своими пособниками и такія силы, которыя не для того назначены, и которымъ никакъ не приходилось бы быть орудіями чужихъ дурныхъ страстей и нелѣпыхъ замысловъ. Но такъ бывало часто и будетъ и впредь, вѣроятно потому, что иначе быть не можетъ. Обстоятельства въ жизни человѣческой обыкновенно слагаются такимъ образомъ, что въ нихъ всегда можно найдти оружіе и на защиту, и на пораженіе истины; борьба во имя ея можетъ на время принять опасный для нея характеръ, понадобятся даже, и можетъ-быть, падутъ жертвы, и людямъ робкимъ и недальновиднымъ можетъ показаться въ эти зловѣщія минуты, что дѣло истины проиграно, тогда какъ оно только затруднено... Такъ было у насъ съ дѣломъ науки. Враждебныя ей обстоятельства существовали въ самомъ ходѣ вещей, и между прочимъ то, что̀ сроднило насъ съ нею, наше сближеніе съ западною Европой, страннымъ образомъ послужило и точкой опоры для нападеній на нее. Въ теченіе прошедшаго столѣтія связи наши съ западною Европой становились тѣснѣе и тѣснѣе. Начало нынѣшняго столѣтія скрѣпило ихъ общими страданіями, которыя разносилъ повсюду одинъ изъ опасныхъ и бѣдственныхъ геніевъ исторіи, слѣдуя за своею кровавою звѣздой; XII-й годъ освятилъ ихъ жертвами, принесенными Россіей для избавленія Европы отъ его славы и тираніи. Увлеченные силой этихъ связей, мы во многихъ случаяхъ смѣшивали необходимое для насъ въ общихъ видахъ Европы съ тѣмъ, отъ чего уклониться намъ слѣдовало и по чувству своего національнаго достоинства, и по внушенію своихъ интересовъ и потребностей. Многія изъ стремленій, тревогъ и опасеній, возникавшихъ въ средѣ европейскихъ народовъ вслѣдствіе ихъ національныхъ и историческихъ особенностей, вызывавшія и соотвѣтствовавшую имъ дѣятельность правительствъ, были намъ совершенно чужды. Какъ первыя до насъ не касались, такъ и вторая не могла имѣть у насъ мѣста; иначе духъ заимствованія переходилъ бы уже свои законные предѣлы. Западная Европа уже долгое время выдерживаетъ процессъ перерожденія, коего исходъ и послѣдствія принадлежатъ, можетъ-быть, весьма отдаленному будущему. Германія, близкая намъ по многимъ причинамъ, около двадцатыхъ годовъ сдѣлалась особенно поприщемъ волненій. Для подавленія ихъ прибѣгли къ мѣрамъ репрессивнымъ, и какъ

духъ либеральный проявлялся преимущественно въ образованныхъ классахъ, а центромъ высшаго образованія были университеты, то репрессивныя мѣры, разливавшіяся потокомъ по всей странѣ, должны были, конечно, охватить и эти святилища науки. Все это — и то, что̀ возбуждало умы къ волненію, и усилія, которыми думали его утишить, все это составляло домашніе счеты Нѣмцевъ. Казалось бы, что намъ не было никакого дѣла ни до того, что̀ происходило въ средѣ ихъ, ни до того, какъ дѣйствовали тамъ люди власти. Наша общественность не была на столько развита, чтобы въ ней могли родиться разныя утонченности, дѣлающія умы слишкомъ требовательными и взыскательными въ вопросахъ соціальныхъ и политическихъ; да и самые эти вопросы или мало ей были доступны, или вовсе недоступны, и главное, чужды. Словомъ, въ ней не заключалось ничего такого, что̀ могло бы въ данный моментъ возбуждать опасенія за судьбу ея или быть поводомъ къ какимъ бы то ни было общимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Нашимъ юнымъ университетамъ не изъ чего было почерпать стихій къ возбужденію общественныхъ страстей; они, какъ могли и какъ умѣли, трудились надъ распространеніемъ въ отечествѣ высшихъ знаній, чистая наука была единственною цѣлью ихъ, и они нуждались скорѣе въ поощреніи, нежели въ угрозахъ и полицейскихъ стѣсненіяхъ. Но духъ подражанія, помимо всѣхъ этихъ реальныхъ данныхъ, совершенно абстрактно захотѣлъ усвоить себѣ и въ отношеніи къ университетамъ мѣры, имѣвшія по крайней мѣрѣ наружный логическій видъ въ другой средѣ. Наши подражатели иноземнымъ правительственнымъ образцамъ, не обращавшіе никакого вниманія на нужды и условія своей страны, сильно однако ошибались въ существенномъ элементѣ самаго вопроса, возбудившаго ихъ соревнованіе. Они направили свои удары на науку, чему могли только удивляться образцы ихъ, да развѣ радоваться враги наши, которымъ было тогда, какъ и теперь, не по сердцу утвержденіе нашего могущества на прочныхъ умственныхъ и нравственныхъ основахъ. Хотя университеты въ Германіи претерпѣвали гнетъ принятой въ ней антилиберальной системы, однако вовсе не наука была предметомъ преслѣдованій. Вопросъ, возбуждавшій борьбу, стоялъ тамъ на почвѣ политической; преслѣдуемы были идеи и тенденціи, выходившія изъ самой жизни и отношеній между элементами и силами, давно и не разъ приходившими въ столкновеніе въ своемъ историческомъ ходѣ; идеи эти и тенденціи носились, такъ-сказать, въ воздухѣ, ихъ вдыхали въ себя молодые умы не на школьной скамьѣ, а вездѣ, гдѣ могло оказываться недовольство су-

ществовавшимъ порядкомъ вещей, — и если въ наукѣ находились черты, повидимому, совпадавшія съ ихъ стремленіями, то это происходило вовсе не изъ того, что наука хотѣла стоять за одно съ общимъ броженіемъ умовъ, а изъ ея собственнаго логическаго движенія, направленнаго совсѣмъ въ другую сторону и къ другимъ цѣлямъ, помимо тревожныхъ и измѣнчивыхъ волненій дня. Если высшія административныя лица подстерегали вездѣ и даже въ университетахъ замыслы, казавшіеся имъ, по ихъ соображеніямъ, вредными, и старались ихъ уничтожить, то все-таки не думали нападать на науку. Это было бы дѣломъ чудовищнымъ. Какой бы критикѣ ни подлежали ихъ дѣйствія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но все же, по крайней мѣрѣ, главныя изъ административныхъ лицъ не были до такой степени невѣжды, чтобы можно было обвинять ихъ въ томъ, будто они хотѣли погрузить въ варварство страну, вопреки всѣмъ требованіямъ здраваго смысла, усиліямъ столькихъ поколѣній, нуждамъ общества и законамъ самой необходимости, или что̀ все равно, подорвать въ корнѣ цивилизацію Европы.

Все здѣсь изложенное, мы полагаемъ, достаточно разъясняетъ то, изъ какого источника преимущественно возникло у насъ реакціонное движеніе противъ науки, и какихъ свойствъ оно было. Не опираясь ни на какой мѣстный вызовъ, оно имѣло характеръ подражательный и вмѣстѣ совершенно отвлеченный и потому было важною ошибкой однихъ виновниковъ его и преступленіемъ другихъ. Замѣчательно, что оно вовсе не было въ согласіи съ видами правительства, и прежде, и тогда, и послѣ, постоянно выражавшаго полное сочувствіе и уваженіе къ наукѣ. Тѣмъ не менѣе движеніе это угрожало съ разу опрокинуть всю нашу послѣпетровскую исторію и какъ будто готовилось изгладить изъ памяти народной всѣ уже совершившіеся факты нашей молодой гражданственности. Казалось, нужно было явиться чрезвычайнымъ силамъ, чтобы задумать такой страшный переворотъ въ цѣлой системѣ нашего образованія. А между тѣмъ тутъ не было ничего похожаго на подобныя силы. Это не было даже дѣломъ какой-нибудь усилившейся организованной партіи, которая бы посредствомъ этого движенія захотѣла утвердить за собою преобладающее вліяніе въ обществѣ. Надъ реакціоннымъ замысломъ трудились нѣсколько лицъ бюрократическаго свойства, одержимыхъ желаніемъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и во что бы то ни стало добиться высокаго положенія въ странѣ, — лицъ, стоявшихъ далеко отъ центра правительственной власти, но посредствомъ разныхъ ухищреній и дер-

зости пріобрѣвшихъ вдругъ значительный вѣсъ въ управленіи. Съ помощью общихъ мѣстъ, почерпнутыхъ изъ тогдашней іереміады о разрушительномъ духѣ времени и проч., обильно расточавшихся передъ тѣми, у кого была въ рукахъ дѣйствительная власть, они успѣли обратить на себя ихъ вниманіе, какъ ревностные охранители умственной чистоты и цѣломудрія народа. Все это было похоже болѣе на интригу, чѣмъ на серіозное предпріятіе, и намъ теперь могло бы показаться дѣломъ болѣе смѣшнымъ, чѣмъ опаснымъ для образованности. Но для современниковъ оно было полно тревогъ и тяжкихъ опасеній, и мы не имѣемъ права считать неважнымъ то, что̀ радовало или печалило нашихъ отцовъ.

Успѣху началъ, враждебныхъ наукѣ и разуму въ эпоху, о которой мы разсуждаемъ, сильно содѣйствовала идея, овладѣвшая многими умами, идея слабая по своей внутренней несостоятельности и могучая, когда она, съ помощью фантазіи, успѣетъ укрѣпиться въ тѣхъ таинственныхъ убѣжищахъ сердца, гдѣ вѣчно роятся тревожныя думы о нашемъ неразгаданномъ жребіи. Отрѣшившаяся отъ всѣхъ законовъ дѣйствительности и наполняя душу одними обаятельными грезами, она совершенно лишаетъ ее способности къ трезвой и правильной дѣятельности. Мы говоримъ о мистицизмѣ. Участіе, какое онъ принималъ въ обстоятельствахъ, нами излагаемыхъ, было столь значительно, что мы позволяемъ себѣ коснуться здѣсь нѣсколько вообще свойствъ мистическаго направленія, которое, конечно, какъ явленіе психологическое, хотя и странное, заслуживаетъ изученія. Извѣстно, что наука не произноситъ — потому что и не въ состояніи произнести — послѣдняго слова о нашихъ будущихъ судьбахъ, да она не предъявляетъ и притязанія на то, а духъ человѣческій между тѣмъ жаждетъ успокоительнаго отвѣта на вопросъ: что̀ же я въ этомъ безконечномъ мірозданіи, и чѣмъ суждено мнѣ сдѣлаться? Умъ положительный и точный избѣгаетъ этого вопроса, зная, что онъ не найдетъ на него удовлетворительнаго отвѣта ни въ самомъ себѣ, ни въ опытахъ вѣковъ; благочестивое сердце находитъ полное обезпеченіе своей будущности въ довѣріи къ Божественному Промыслу и всѣ свои недоумѣнія разрѣшаетъ тихою покорностью Его святой волѣ, вѣря, что она можетъ повелѣть и сама исполнить только то, что̀ благо и разумно. Но есть души страстныя, поэтическія, которыя не только покоряются въ чувствѣ смиренія, но хотятъ вкушать и плоды своей покорности, и притомъ немедленно, если можно — теперь же. Они отвергаютъ знаніе возможное и доступное для человѣка и ищутъ такого, которое еслибъ

и было возможно, то ни къ чему не послужило бы при настоящихъ условіяхъ его бытія. Для нихъ не существуетъ строгихъ и всевластныхъ законовъ дѣйствительности, которую они презираютъ за ея упорную неподатливость ни на что, кромѣ исполненія этихъ законовъ; для нихъ не существуетъ и путей, которыми разумъ доходитъ до извѣстнаго рода удостовѣреній или уничтожаетъ удостовѣренія мнимыя, кажущіяся. Въ разумѣ они видятъ своего врага, такъ какъ онъ не легко поддается какимъ бы то ни было иллюзіямъ или обольщеніямъ чувства и фантазіи. У насъ они даже заклеймили его особымъ позорнымъ словомъ: „лжеименнаго". Минуя его, они на крыльяхъ фантазіи возносятся въ высшія сферы и вступаютъ тамъ въ непосредственное общеніе съ міромъ духовнымъ. И здѣсь-то, въ союзѣ съ сверхъестественными силами, они находятъ удовлетвореніе своимъ пламеннымъ чувствованіямъ и надеждамъ и думаютъ предвкушать тѣ небесныя радости, какихъ, конечно, ни разумъ съ своею наукой, ни скромная простодушная вѣра, чувствующая себя обязанною подчиняться условіямъ сего дольняго міра, дать не могутъ. Изъ этого-то поэтическаго настроенія, стремящагося не только творить самые отважные идеалы, но созерцать и осязать ихъ, образуется мистическое настроеніе, сопровождающее въ разныхъ видахъ всѣ фазисы человѣческаго развитія отъ древняго неоплатонизма и ѳеургіи до восторженностей г-жи Гійонъ, грезъ Розенкрейцеровъ или духовидѣнія Сведенборга, до спиритизма и верченія столовъ нашего времени включительно. Бываютъ эпохи, особенно благопріятствующія усиленію и распространенію мистическихъ воззрѣній. Это эпохи великихъ общественныхъ бѣдствій и катастрофъ, когда, повидимому, самыя крѣпкія, созданныя человѣкомъ основы нравственнаго и общественнаго порядка и убѣжденій колеблятся, рушатся и погребаютъ въ обломкахъ своихъ и идеи, и людей. Дѣйствительность тогда получаетъ самый непривлекательный видъ. Все, что поражало своимъ величіемъ и блескомъ, пресмыкается въ прахѣ; что считалось достовѣрнымъ, оказывается сомнительнымъ и несостоятельнымъ предъ глазами ума, какъ будто утратившаго на время вѣру въ самого себя и въ истину. Пылкимъ поэтическимъ душамъ остается одно — бросить землю, упитанную кровью и слезами, и въ другихъ сферахъ искать спасенія своимъ завѣтнымъ думамъ и чаяніямъ невыработавшагося, да и недосягаемаго совершенства. Конечно, въ этомъ нѣсколько строптивомъ и нисколько не помогающемъ дѣлу отчужденіи отъ дѣйствительности, какова она ни есть, не оказывается наклонности къ умственному и всякому другому труду, на

который обреченъ, и къ которому обязанъ человѣкъ, ни мужества, верховнѣйшей изъ добродѣтелей, приличныхъ ему въ обстоятельствахъ, въ какія онъ вовлекается на землѣ. Но тутъ предстоитъ соблазнъ невозмутимаго счастья, и люди забываютъ, что созданію, составляющему едва замѣтную частицу великаго цѣлаго, по милости коего оно только и существуетъ, прежде всего подобаетъ, такъ-сказать, узнать волю этого цѣлаго, а затѣмъ разумно подчиниться ей.

Упражненіе въ мистическомъ созерцаніи само по себѣ невиннаго свойства. На него можно смотрѣть, какъ на естественный симптомъ чувства, глубоко уединившагося въ самомъ себѣ и свои пристрастія считающаго за мѣрило истины. Вообще мистицизмъ, какъ субъективное настроеніе духа, стремящагося вознестись надъ превратностями земной доли, не лишенъ нѣкоторой своего рода возвышенности. Но одно грубое невѣжество или злоумышленіе противъ успѣховъ ума человѣческаго и образованія можетъ сдѣлать изъ него приложеніе подобное тому, какое сдѣлали изъ него реакціонеры. Извлекши изъ него лучшій его элементъ, высокій религіозно-христіанскій принципъ, и обставивъ его суемудрыми толкованіями, они усиливались подчинить его вмѣшательству и господству всѣ интересы знанія и умственнаго развитія, вопреки духу божественнаго основателя христіанской церкви, сказавшаго: „Воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови“. Они не понимали, какъ глубоко сами оскорбляютъ религіозно-христіанскій принципъ, не замѣчали, что отъ ихъ грубаго и неразумнаго прикосновенія онъ терпѣлъ такое же пораженіе, какъ и наука, на мѣсто коей они его ставили, что перенесенный въ сферу умственныхъ опытовъ и знанія, онъ теряетъ свою неземную чистоту, и дѣлаясь орудіемъ чуждыхъ ему цѣлей, становится отвѣтственнымъ за такія дѣла и намѣренія, кои несовмѣстимы ни съ его сущностью, ни съ достоинствомъ: онъ призванъ не производить знаніе, а дополнять его тѣмъ, что̀ не есть знаніе, но что̀ выше всякаго знанія. Подчинивъ ему, такъ-сказать, противъ его воли науку, они предписали ей, если можно такъ выразиться, режимъ и правила поведенія, совершенно извращавшіе ея задачи и методъ. Они захотѣли распоряжаться самымъ ея содержаніемъ, то исключая изъ него стихіи существенныя и основныя, то замѣняя ихъ плодами своего собственнаго изобрѣтенія и воззрѣній; словомъ, кощунствуя и издѣваясь надъ дѣломъ всего человѣчества, они на мѣсто науки ставили свою выдумку и дѣлали изъ нея нѣчто столь чудовищное, что ея никто не узнавалъ даже изъ тѣхъ, на комъ лежала обязанность знать ее.

Грустное зрѣлище представляется всегда, когда важныя общественныя дѣла попадаютъ въ руки или безсовѣстныхъ, или скудоумныхъ, или малообразованныхъ дѣятелей. Конечно, міръ управляется не ими, хотя многіе изъ нихъ готовы думать иначе, и послѣдствія ихъ дѣяній вмѣсто того, чтобы доставить имъ радость исполнившихся надеждъ, обращаются противъ нихъ же самихъ и дѣлаютъ ихъ предметомъ посмѣянія и презрѣнія. Однако для чести человѣческихъ обществъ и даже для блага многихъ, если не всѣхъ, желательно было бы, чтобъ эти люди ничего не значили въ обществѣ, такъ какъ они ничего не значатъ въ своихъ способностяхъ и характерѣ. Независимо отъ всякаго существеннаго безпорядка, причиняемаго ими, есть что-то оскорбительное для человѣческаго достоинства видѣть, какъ безсмысленность и суетность распоряжаются вещами тамъ, гдѣ слѣдуетъ дѣйствовать уму и дарованіямъ.

Между подвизавшимися на поприщѣ омраченія и стѣсненія русской мысли и русскихъ умовъ, самое видное, если не главное, мѣсто занимаетъ бывшій попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, членъ главнаго правленія училищъ, извѣстный, и даже слишкомъ извѣстный, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. О немъ мы будемъ говорить ниже. Такъ какъ вопросы, занимавшіе этихъ людей, вращались въ сферѣ народнаго образованія, то естественно ихъ усилія были устремлены на пріобрѣтеніе вліянія въ управленіи этою частію. Министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія былъ тогда князь А. Н. Голицынъ. Въ послѣдствіи на него пали упреки въ допущеніи зла, свирѣпствовавшаго въ Казанскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ. Разумѣется, какъ одинъ изъ государственныхъ органовъ и глава извѣстной части управленія, онъ подлежитъ отвѣтственности предъ общественнымъ мнѣніемъ и потомствомъ за все дурное, что̀ дѣлалось въ сферахъ его власти. Общественное мнѣніе и потомство, соразмѣряя послѣдствія съ важнымъ значеніемъ правительственнаго поста, не спрашиваютъ, какъ текли дѣла по бюрократической рутинѣ, но что̀ существеннаго, жизненнаго занимающій его внесъ въ организмъ государства, такъ какъ постъ его былъ государственный. Это историческая оцѣнка высшихъ общественныхъ дѣятелей. Но кромѣ исторической, есть для нихъ еще оцѣнка психологическая и нравственная. Если поступковъ ихъ нельзя приписать однимъ низкимъ побужденіямъ мелкаго честолюбія, желанію достигнуть высшихъ степеней власти, жаждѣ денегъ, и если, не смотря на всѣ обаянія почестей и благъ житейскихъ, въ ихъ сердцѣ теплится живое человѣческое

чувство вѣры въ нравственныя истины, любовь къ людямъ и отечеству, то исторія, не смотря на ихъ ошибки, не произнесетъ надъ ними слишкомъ строгаго приговора, потому что все-таки въ нихъ выражается одна изъ утѣшительныхъ, прекрасныхъ сторонъ человѣческой натуры. Исторія назоветъ ихъ дѣятелями честными, хотя и заблуждавшимися, а это не мало для людей, облеченныхъ властію, и которыхъ власть обыкновенно портитъ, очерствляя ихъ душу. Не выносить своего величія — увы! — есть жребій многихъ изъ великихъ міра сего. Князь Голицынъ, подобно большей части нашихъ общественныхъ дѣятелей, не получилъ въ юности того строгаго и прочнаго образованія, которое оказывается для нихъ необходимымъ въ послѣдствіи, когда судьба или ихъ дарованія призовутъ ихъ къ высшей государственной дѣятельности. Но начавъ службу свою при Екатеринѣ II и продолжая ее во все царствованіе императора Александра I, вблизи ихъ, посреди событій то блестящихъ для Россіи, то потрясавшихъ и измѣнявшихъ міръ, онъ прошелъ школу весьма трудную и назидательную. При его счастливыхъ способностяхъ, при воспріимчивомъ, гибкомъ и наблюдательномъ умѣ, она должна была поставить его на высоту обширныхъ государственныхъ видовъ и идей, а также сообщить ему, вмѣстѣ съ знаніемъ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ, нѣкоторую манеру и тактъ, отличающіе высшихъ правительственныхъ дѣятелей. Онъ любилъ и могъ размышлять много, не чуждаясь даже предметовъ отвлеченныхъ, которыхъ обыкновенно боятся умы ограниченные, способные мыслить только по востребованію наставшаго случая и полагающіе найдти отвѣтъ на всѣ вопросы нуждъ и жизни человѣческой въ опытѣ дня и привычкахъ рутины. Это была личность, выработавшаяся по нравственнымъ образцамъ стиля тонкаго и изящнаго. Но отличительными свойствами и самымъ виднымъ свойствомъ его была рѣдкая доброта душевная. Это могутъ подтвердить всѣ лично и хорошо его знавшіе, и между прочими и авторъ настоящей монографіи, обязанный его прекрасному сердцу даже возможностію дѣятельности, плодомъ коей служатъ и эти написанныя имъ страницы [1]).

---

[1]) Авторъ, въ началѣ юности своей, имѣлъ счастіе небольшимъ своимъ сочиненіемъ обратить на себя вниманіе князя А. Н. Голицына, и по его желанію, былъ вызванъ въ Петербургъ въ 1824 году, въ концѣ министерскаго поприща князя. Не смотря на свою провинціальную неуклюжесть и неразвитость, авторъ былъ принятъ княземъ съ невыразимымъ добродушіемъ, обласканъ имъ, ободренъ, удостоенъ самаго теплаго вниманія къ его внѣшнему и умственному состоянію и наконецъ для довершенія его крайне недостаточнаго образованія помѣщенъ въ

Несмотря на то, что въ особѣ князя Голицына сохранилась нѣкоторая сановитость вельможъ Екатерининской эпохи, не было человѣка, столь сообщительнаго и доступнаго для всѣхъ, какъ онъ, столь способнаго привести въ забвеніе все, чѣмъ онъ былъ выше другихъ, столь искренняго въ своемъ благорасположеніи, столь простаго и чуждаго всякой аффектаціи, расчитанной на извѣстное впечатлѣніе и пріобрѣтеніе популярности. Съ перваго слова его, сопровождаемаго обыкновенно тонкою и вмѣстѣ добродушною улыбкой, вы уже чувствовали на себѣ вліяніе той сердечной теплоты, которая заставляетъ всякаго радоваться, когда въ кабинетѣ государственнаго сановника онъ находитъ человѣка. Въ немъ было нравственное настроеніе, которое, очищая сердце отъ грубаго и пошлаго эгоизма, возводитъ человѣка до высокихъ убѣжденій гражданина и патріота. Онъ былъ искренне и глубоко преданъ государю и отечеству; онъ любилъ Россію, какъ истинный Русскій и вмѣстѣ какъ такой государственный человѣкъ, который на каждой новой ступени своего возвышенія видитъ одно новое обязательство служить отечеству ревностнѣе и лучше. Князь Голицынъ былъ религіозенъ; находились люди, не вѣрившіе въ искренность этой религіозности. Они полагали, что государственному человѣку какъ будто не свойственно быть искреннимъ въ чемъ бы то ни было. Вѣроятно, это происходило отъ той пошлой мысли, усвоенной себѣ маленькими умами и маленькими душами, что міръ не можетъ быть управляемъ иначе, какъ съ помощью различныхъ ухищреній и обаяній, то извращающихъ, то скрывающихъ истину. Въ какой степени Голицынъ былъ мистикомъ, мы не знаемъ. Говорили, между прочимъ, въ доказательство его мистическаго направленія, что онъ пе-

---

университетъ. Пока не упрочилось нѣсколько его положеніе, князь заботился о его матеріальныхъ нуждахъ, и въ послѣдствіи, при его содѣйствіи, ему назначено было отъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ примѣръ другимъ (тогда еще не было стипендій), денежное пособіе для окончанія университетскаго курса, такъ какъ онъ не пожелалъ вступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ. До какой степени простиралась, можно сказать, отеческая заботливость князя о молодомъ человѣкѣ, ничѣмъ не заслужившемъ его благорасположенія, между прочимъ видно изъ того, что кромѣ всегдашняго къ нему свободнаго доступа въ случаѣ надобности, ему велѣно было, особенно въ началѣ, разъ въ каждыя двѣ недѣли являться къ князю, чтобы быть, такъ-сказать, постоянно на его глазахъ, и какъ выражался князь, не затеряться въ огромномъ городѣ. Подробности изложеннаго здѣсь, не лишенныя нѣкоторой своего рода занимательности, сохранены въ воспоминаніяхъ автора, съ которыми онъ намѣренъ, если позволятъ обстоятельства, со временемъ познакомить публику.

ревелъ съ французскаго языка первыя главы извѣстной въ то время ультра-мистической книги Дютуа, подъ заглавіемъ: *Божественная философія.* Правда ли это, намъ также неизвѣстно. Извѣстно, что онъ былъ главою и покровителемъ библейскихъ обществъ; но заботиться о распространеніи въ обществѣ книгъ Священнаго Писанія, особенно Евангелія, не значило еще вовсе быть мистикомъ. Повторяемъ, основываясь на свидѣтельствѣ лицъ, близко его знавшихъ, и отчасти на собственныхъ нашихъ наблюденіяхъ, — князь Голицынъ былъ религіозенъ искренно и притомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; въ этомъ состояло различіе его отъ тѣхъ лицъ, которыя, къ несчастію, воспользовались его чувствованіями, чтобы на нихъ утвердить свою систему ретрограднаго движенія.

Но какъ же могло случиться, что человѣкъ съ такими свойствами попустилъ нѣсколькимъ личностямъ распоряжаться умственными интересами своего отечества къ явному ихъ вреду? Князю Голицыну было ввѣрено попеченіе о столь же трудныхъ, какъ и важныхъ вопросахъ управленія, о вопросахъ умственныхъ, вопросахъ идей и притомъ въ такой странѣ, гдѣ они не были поставлены въ явномъ свѣтѣ, и гдѣ, такъ-сказать, ощупью надлежало искать на нихъ отвѣта. Единственная сила, могущая направлять дѣйствія администраціи и предохранять ее отъ ошибокъ какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, это — сила общественнаго мнѣнія, и когда она еще недостаточно зрѣла или лишена вліянія, тогда всякому ловкому и предпріимчивому авантюристу не трудно бываетъ овладѣть для своихъ своекорыстныхъ цѣлей тѣми пунктами общественнаго движенія, гдѣ предначертываются и соображаются мѣры хотя бы то съ самыми лучшими общеполезными видами. Князь Голицынъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ высокомѣрныхъ людей, которые думаютъ, что единственно въ ихъ индивидуальномъ умѣ заключается вся устрояющая и распорядительная мудрость; но онъ былъ подготовленъ къ принятію проектовъ и предположеній, которыхъ онъ никакъ не могъ бы допустить по убѣжденію, а допускалъ только какъ *вынужденную необходимость.* Главная его ошибка состояла въ томъ, что онъ обращалъ излишнее вниманіе на ходъ вещей въ западномъ европейскомъ мірѣ и тѣмъ уклонился отъ правильнаго воззрѣнія на ходъ ихъ въ мірѣ русскомъ. Его взгляды и понятія развились и созрѣли подъ вліяніемъ событій, волновавшихъ современную ему Европу, а эти событія приводили въ смущеніе многихъ и легко могли подѣйствовать на государственнаго человѣка, стоявшаго, такъ-сказать, на стражѣ движенія и

умственной безопасности своего народа. Неудивительно, что бывъ лицемъ отвѣтственнымъ предъ государемъ, отечествомъ и своею совѣстію въ важномъ управленіи, на него возложенномъ, и глубоко чувствуя свою отвѣтственность, онъ пришелъ къ мысли о необходимости предохранить свое отечество отъ тѣхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ золъ, какихъ свидѣтелемъ онъ былъ въ западной Европѣ, тѣмъ болѣе, что вообще вопросъ о направленіи, какое должно принять наше образованіе, и безъ того не могъ не занимать наши государственныя власти, такъ какъ имъ оно было обязано почти всѣми своими начатками. Вопросъ этотъ по справедливости долженъ былъ сдѣлаться предметомъ важнѣйшихъ правительственныхъ соображеній и источникомъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ одна другой системъ и плановъ. Россіи извинительнѣе было, чѣмъ какой-либо другой странѣ, впадать здѣсь въ колебанія и недоумѣнія. Исторгнутая изъ тихой пристани, гдѣ, подобно громадному кораблю, она привыкла стоять неподвижно на якорѣ старины, и брошенная внезапно въ безпредѣльный океанъ историческаго всеобщаго движенія, безъ компаса и вѣрной карты, хотя и послушная рулю, она естественно должна была попадать въ разныя и противоположныя теченія, измѣнять нерѣдко свой курсъ и перевѣрять свои вычисленія, и во всемъ этомъ встрѣчались естественно и неизбѣжно ошибки. Мы не могли, подобно другимъ народамъ, находить опоры ни въ общественномъ мнѣніи, еще не выработавшемся и не пріобрѣвшемъ достаточной силы, ни въ традиціяхъ прошедшаго, гдѣ бы заключались указанія и залоги будущаго.

Во всемъ этомъ однако не было никакого повода ополчаться противъ науки; напротивъ того, и положеніе вещей, и вопіющія наши потребности совершенно повелѣвали поддерживать ее всѣми возможными способами, какъ силу, въ которой Россія находила опору значенія, пріобрѣтеннаго ею въ системѣ европейскихъ державъ, и какъ источникъ всякаго народнаго преуспѣянія. Никакая ошибка, никакая вредная случайность не были бы для Россіи столь пагубными, какъ ретроградное направленіе съ упадкомъ науки, еслибъ оно установилось и пошло далѣе по пути, указанному реакціонерами. Князь Голицынъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ этого намѣренія; онъ только не оцѣнилъ вполнѣ того участія, которое принимала и принимаетъ наука въ развитіи и возвышеніи всей гражданственности вообще, и нашей въ особенности, а не оцѣнилъ его вполнѣ, потому что мало былъ знакомъ съ наукою, а слѣдовательно, и съ условіями ея существованія.

Его образованіе не имѣло строгаго научнаго характера, хотя и заключало въ себѣ тѣ идеи, которыми богаты такъ-называемые по свѣтски образованные люди. Но послѣднее не можетъ замѣнить перваго ни въ какихъ вопросахъ, имѣющихъ всеобщее общественное или государственное значеніе. Тутъ важны не одни правила и предписанія науки, которыя останутся безплодными, если ихъ вздумаютъ примѣнять безразсудно, неумѣстно или несвоевременно; важна внутренняя сила истины, въ наукѣ живущая, отвлекающая умы отъ всякой лжи преднамѣренной и непреднамѣренной; важны сообщаемое ею, и ею одною, здравое, точное и ясное пониманіе вещей и отстраненіе привычныхъ, но ни на чемъ не основанныхъ мнѣній; наконецъ, важенъ въ ней тотъ животворный, образующій и преобразующій духъ, который, дѣйствуя неощутительно и незамѣтно на всего человѣка, воздѣлываетъ въ немъ, такъ-сказать, почву для благороднѣйшихъ и общеполезнѣйшихъ стремленій и дѣйствій.

При обстоятельствахъ и недостаткахъ, какіе мы сейчасъ видѣли, прекрасныя качества князя Голицына не предохранили его отъ пагубнаго вліянія лицъ, умѣвшихъ вкрасться въ его довѣренность, воспользоваться одними и усыпить по крайней мѣрѣ другія. Главнымъ виновникомъ распоряженій, вредныхъ для университетовъ и науки, исходившихъ въ то время отъ министерства народнаго просвѣщенія, общественное мнѣніе признало М. Л. Магницкаго. Въ архивахъ министерства находятся неопровержимыя доказательства справедливости такого обвиненія. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи дѣло о ревизіи Казанскаго университета, которую Высочайше поручено было произвести генералу Желтухину. Магницкій, хотя посредственно, однако игралъ такую важную роль въ судьбѣ С.-Петербургскаго университета и въ судьбѣ профессора Галича, что мы не можемъ не попытаться обозначить здѣсь его характеръ хоть нѣкоторыми чертами такъ, какъ онѣ представляются намъ въ документахъ и въ воспоминаніяхъ людей, лично его знавшихъ. Магницкій выдвигался замѣтно изъ толпы рядовыхъ лыдей; онъ принадлежалъ къ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыя надѣлены способностями, недостаточно великими, чтобы предпринимать и совершать дѣла высшаго историческаго значенія, и однако на столько замѣчательными, чтобы не довольствоваться одною ролью простыхъ исполнителей въ средѣ общественной и служебной. Худо, если при этихъ сомнительныхъ правахъ или полуправахъ на чрезвычайный и блестящій жребій, они лишены нравственныхъ вѣрованій и самообладанія. Ихъ судьба — разжигаться вѣчно

желаніями, коихъ ни умѣрить, ни удовлетворить они не въ силахъ. При сознаніи въ себѣ нѣкоторыхъ неоспоримыхъ достоинствъ и силъ, они до того становятся невоздержны въ своихъ требованіяхъ и самообожаніи, что готовы отважиться на все, лишь бы доказать людямъ существованіе въ себѣ высшихъ качествъ и свое право на превосходство предъ ними, а за тѣмъ въ нихъ начинается такое смѣшеніе и путаница стремленій, идей, проектовъ, что тутъ совершенно исчезаютъ уже всякія благія цѣли, которыя они любятъ выставлять на показъ, исчезаютъ всякое правдивое убѣжденіе и ясное пониманіе того, что̀ должно, и что̀ возможно, пока наконецъ они не очутятся лицемъ къ лицу или съ несказанною нелѣпостью, или съ преступленіемъ. Это личности ненормальныя. Конечно, и въ нихъ выполняется извѣстный законъ природы; но при видѣ того, что̀ они производятъ, и того, что̀ они терпятъ нерѣдко сами, невольно входитъ въ голову вопросъ: зачѣмъ они, и хорошо ли дѣлаетъ общество, что иногда попускаетъ ихъ вторгаться въ высшую сферу дѣятельности, гдѣ ничего, кромѣ безпорядка, они произвести не могутъ? Это тѣ печальныя и жалкія честолюбія, которыя желаютъ во что бы то ни стало показать свѣту, что и они способны управлять имъ; но за невозможностію открыть настоящіе и приличные къ тому способы, они или пишутъ злые памфлеты, обрекающіе на вѣчный позоръ все, что̀ дѣлается не по ихъ идеямъ, или предъявляютъ свои проекты, по которымъ, если бы было сдѣлано то, чего они хотятъ, то и свѣтъ пересталъ бы существовать. Случается однако, и къ сожалѣнію, нерѣдко, что изъ среды треволненій общественныхъ, гдѣ имъ бы и слѣдовало потонуть, какъ какимъ-то мимолетнымъ, хотя и блестящимъ призракамъ, случается, говоримъ, что счастливая волна выброситъ ихъ на какую-нибудь высоту, гдѣ они располагаются сіять и освѣщать пути другимъ, конечно, не надолго, однако и не безъ вреда для путниковъ, неосторожно ввѣряющихся коварному указанію.

По свидѣтельству людей, знавшихъ лично Магницкаго, онъ отличался многими обаятельными качествами. Съ прекрасною наружностію вообще, съ оживленною и выразительною физіономіей лица онъ соединялъ даръ живописнаго слова и обращенію своему усвоилъ вполнѣ манеры лучшаго общества. Не мудрено, что обращеніе это, приправленное значительною долею ума смѣтливаго, гибкаго, то поражающаго смѣлостію своею, то вкрадчиваго и способнаго искусно примѣняться къ лицамъ и обстоятельствамъ, умѣвшаго притомъ легкія

свои знанія или полузнанія выдавать за нѣчто глубокое и важное,— не мудрено, говоримъ, что при этихъ средствахъ онъ скоро снискалъ благорасположеніе не только людей свѣтскихъ, но и людей болѣе серіозныхъ, дѣловыхъ, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ общественныхъ. Значитъ, Магницкій въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ могъ уже и имѣлъ право думать о всевозможныхъ успѣхахъ въ жизни и блестящей служебной карьерѣ; онъ и думалъ о нихъ. Какое бы мѣсто онъ ни занималъ по службѣ, онъ не могъ остаться не замѣченнымъ, а бывъ разъ замѣченъ, онъ обыкновенное служебное или бюрократическое честолюбіе тотчасъ замѣнялъ честолюбіемъ высшаго рода. Это было естественно. Дарованія его, дѣйствительно, были такого свойства, что съ ними можно было разчитывать не на одно повышеніе чиномъ, но на вліяніе, на власть болѣе могучую и существенную, чѣмъ власть въ чиновной средѣ, и скоро онъ вообразилъ, что и на высшемъ государственномъ посту онъ могъ бы сіять, какъ звѣзда первой величины. Все это не заключало еще въ себѣ большой бѣды. Но достойно сожалѣнія то, что при своихъ покушеніяхъ на обширныя предпріятія онъ имѣлъ весьма грубыя и пошлыя понятія объ обязанностяхъ и отвѣтственности того высокаго положенія, котораго добивался, что подъ фосфорическимъ блескомъ его ума и знаній скрывались самыя невѣжественныя воззрѣнія на существенные вопросы науки, просвѣщенія, народнаго развитія, что онъ думалъ насильственно и произвольно распоряжаться умственными сокровищами своего отечества, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о его потребностяхъ, ни о его исторической роли и стараясь преградить ему пути къ лучшей и высокой будущности. Наконецъ, главное, достойно сожалѣнія то, что человѣкъ съ такими сомнительными достоинствами и съ такими несомнѣнными пороками нашелъ способъ и возможность свои проекты, достойные дома умалишенныхъ, примѣнять на практикѣ.

Слѣдуетъ ли однако изъ всего этого выводить заключеніе, что пружины, двигавшія дѣйствіями Магницкаго, были однимъ преднамѣреннымъ обманомъ, что всѣ руководившія имъ идеи онъ самъ не признавалъ истинными и считалъ только орудіями для достиженія своихъ личныхъ цѣлей? Подобное заключеніе было бы большою психологическою ошибкою. Магницкій дѣйствовалъ не одними административными способами, а и убѣжденіями, имѣвшими вѣсъ и силу въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, не лишенныхъ ни достаточнаго ума, ни добрыхъ чувствованій. Нельзя убѣждать другихъ, не бывъ самъ убѣжден-

нымъ, не бывъ увѣреннымъ тѣмъ или другимъ образомъ въ истинѣ своихъ убѣжденій. Какъ бы ни были эгоистичны побужденія нашихъ дѣяній, но человѣкъ имѣетъ такую непреодолимую потребность, уважая самого себя, уважать истину, что онъ не въ силахъ сознательно отъ нея отречься и способенъ скорѣе, въ ослѣпленіи ли страстей, или нелѣпыхъ ученій, признать заблужденіе за истину, чѣмъ обойдтись безъ нея. Нѣтъ сомнѣнія, что Магницкій не вѣрилъ самъ многому изъ того, что̀ онъ предлагалъ; но иному онъ вѣрилъ, и это-то послѣднее, при всей своей несостоятельности, давало видъ искренности приводимымъ имъ причинамъ и силу его вліянію. Такъ, напримѣръ, онъ могъ вѣрить, что съ его тайными, честолюбивыми замыслами не несовмѣстна общая польза. Подъ прикрытіемъ этой мысли онъ, по свойству своего пылкаго духа, могъ шагъ за шагомъ идти къ самымъ неслыханнымъ и крайнимъ мѣрамъ въ своемъ управленіи и въ своей системѣ и наконецъ вообразить, что даже и то, чему онъ не вѣрилъ, послужитъ въ послѣдствіи къ общей пользѣ. Такимъ образомъ, смѣшавъ честное съ безчестнымъ и не слишкомъ строго контролируя себя, онъ очутился наконецъ весь на сторонѣ послѣдняго, потому что нельзя служить въ одно время двумъ господамъ; онъ забылъ, что условная честность ничѣмъ не лучше, если не хуже, полной безчестности. Тутъ видѣнъ крайній недостатокъ качества, которымъ вообще страдаетъ наше время, недостатокъ характера. На сторону зла онъ не могъ склониться сознательно и безусловно, потому что это несовмѣстно съ человѣческою природой; — на сторону добра, потому что это было противно его интересамъ, и можетъ-быть, потребовало бы отъ него нѣкоторыхъ жертвъ. Надобно было прибѣгнуть къ компромиссу, а извѣстно, чѣмъ оканчиваются подобныя сдѣлки: изъ нихъ-то и выходятъ самые дурные люди и самые дурные администраторы.

Намъ неизвѣстно, какъ Магницкій успѣлъ сблизиться съ княземъ Голицынымъ, подъ начальство коего поступилъ въ качествѣ члена главнаго управленія училищъ и исправляющаго должность попечителя Казанскаго университета. Говорятъ, что онъ ѣздилъ постоянно въ его домовую церковь и тамъ благоговѣйно съ колѣнопреклоненіемъ молился на видномъ мѣстѣ, такъ что не могъ не обратить на себя вниманія князя. Какъ бы то ни было, а онъ успѣлъ овладѣть довѣріемъ министра, вѣроятно, въ тѣ тяжелые моменты, когда этотъ государственный человѣкъ недоумѣвалъ, какими средствами предотвратить въ своемъ отечествѣ разливъ пагубныхъ идей, наводнявшихъ Западъ. Маг-

ницкій съ обыкновенною своею проницательностію понялъ тотчасъ, что онъ можетъ оказать ему важную услугу, приведя занимающіе его вопросы въ определенныя формулы и начертавъ цѣлый планъ административныхъ мѣръ, которыя должны были, по его мнѣнію, установить наше образованіе на твердыхъ началахъ и спасти его отъ вліянія чуждыхъ разрушительныхъ ученій. Затѣмъ ему, какъ творцу этого плана, нетрудно было тѣснѣе сблизиться съ министромъ, захватить часть его власти въ свои руки и управлять, съ ея помощію, ходомъ событій по своей волѣ. Всѣ симпатіи министра влекли его къ принципамъ религіознымъ. Понимая духъ христіанства во всемъ его величіи и чистотѣ, онъ естественно ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій отъ его вліянія на нравственную и умственную сторону человѣка. Онъ думалъ, что мыслительныя силы человѣка, при озареніи его высшимъ свѣтомъ, яснѣе будутъ видѣть пути, ведущіе къ истинѣ. Но онъ не имѣлъ намѣренія извращать логику разума и подчинять его дѣйствія церковной дисциплинѣ и уставамъ, не думалъ, чтобы разуму отъ непосредственнаго откровенія свыше слѣдовало ожидать рѣшенія тѣхъ задачъ, которыя сама божественная премудрость предоставила собственнымъ его усиліямъ и возложила на его отвѣтственность. Еще менѣе было въ характерѣ министра дѣйствовать гоненіемъ: онъ былъ слишкомъ человѣчественъ и просвѣщенъ для этого. Но его можно было встревожить, испугать, представивъ ему, что наука и просвѣщеніе у насъ точно также, какъ на Западѣ, злоупотребляютъ своими правами, что онѣ несомнѣнно находятся въ заговорѣ съ западными растлѣвающими ученіями, что онѣ готовы посягнуть и уже посягнули на ниспроверженіе существующаго порядка вещей и вѣры. Такъ Магницкій и поступилъ, и на этомъ устрашеніи основавъ свою систему мистическо-религіознаго образованія, началъ дѣйствовать съ энергіей, достойною лучшаго дѣла. Въ одно и то же время однимъ актомъ онъ и открывалъ зло, и каралъ его, и противопоставлялъ несокрушимыя преграды дальнѣйшему его распространенію. Онъ не давалъ, такъ-сказать, опомниться министерству, не безъ изумленія, и можетъ-быть, не безъ тайнаго страха, смотрѣвшему на этотъ административный ураганъ, несшійся съ такою быстротой и яростію по едва начавшей у насъ воздѣлываться нивѣ науки. Можно съ достовѣрностію сказать, что оно не ожидало такого удивительнаго рвенія и такой поспѣшности, и что на нѣкоторое время оно уступило какъ бы невольно ходу событій. Главные подвиги свои Магницкій совершилъ, какъ извѣстно, въ Казанскомъ университетѣ, куда былъ посланъ съ чрез-

вычайными полномочіями, сперва для обревизованія его, а потомъ для управленія имъ въ качествѣ попечителя. Университетъ этотъ испыталъ всѣ ужасы превращенія изъ учебной корпораціи въ какую-то аскетическую общину, гдѣ, какъ въ трапистскихъ монастыряхъ, можно было примѣнительно къ наукѣ, ко всякой мысли и ко всякому проявленію живой силы человѣческаго духа, произносить только memento mori. „Лжеименный“ разумъ былъ изгнанъ оттуда съ позоромъ, и все, какъ въ преподаваніи, такъ и въ надзорѣ за учащимися, должно было покориться буквѣ Писанія или толкованіямъ, какія давалъ ему Магницкій. Ревизія Желтухина, о которой мы упоминали, заключаетъ въ себѣ изумительныя подробности о тогдашнемъ состояніи и управленіи университета. Мы не пишемъ біографіи Магницкаго и потому не намѣрены излагать эти подробности. Желающіе могутъ отчасти ознакомиться съ ними въ монографіи г. Ѳеоктистова, гдѣ приведены между прочимъ весьма характеристическія черты Магницкаго изъ инструкціи, данной директору Казанскаго университета, инструкціи, составленной самимъ исправлявшимъ должность попечителя безъ всякаго участія лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ науки и преподаванія. Извѣстно, что произволъ человѣческій, ничѣмъ не сдерживаемый, можетъ простираться далеко за предѣлы права, законности и здраваго смысла; но въ Магницкомъ этотъ ничѣмъ не сдерживаемый произволъ превзошелъ самые отважные порывы насилія. На все, что люди считаютъ неприкосновеннымъ и священнымъ для себя, на истину, мысль, чувство долга, на убѣжденіе, на все онъ положилъ оковы инструкцій и предписаній, требовавшихъ одного: безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать офиціальную науку, офиціальную добродѣтель, офиціальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ онъ установляетъ цѣлую страшную систему лжи и лицемѣрія. Развратъ не могъ быть глубже и плачевнѣе, и къ нему-то въ состояніи были привести идеи и дѣйствія Магницкаго и подобныхъ ему. Трудно повѣрить, чтобы самъ главный виновникъ такого противоестественнаго извращенія вещей, Магницкій, считалъ возможнымъ превратить его въ систему. Можетъ-быть, подражая французскимъ террористамъ для совершенія какого-то неслыханнаго переворота, онъ хотѣлъ въ кругу своей дѣятельности отмѣнить только на время истину и здравый смыслъ. Честолюбіе его однако простиралось далѣе своего круга. Казанскій университетъ былъ только преддверіемъ поприща, которымъ желалъ онъ овладѣть. Другіе университеты должны были подвер-

гнуться, по его плану, такимъ же радикальнымъ измѣненіямъ, какъ и тотъ, который непосредственно былъ ввѣренъ его управленію. Но надобно было прежде убѣдить правительство въ ихъ злокозненности и преступныхъ замыслахъ, чтобы доказать необходимость исправительныхъ мѣръ и реформы. Находясь въ Петербургѣ по званію члена главнаго правленія училищъ, Магницкій обратилъ свое вниманіе и на здѣшній университетъ. Не бывъ его начальникомъ, онъ не могъ распоряжаться въ немъ лично; но онъ скоро нашелъ гибкое и послушное орудіе своихъ замысловъ въ исправлявшемъ должность попечителя этого университета Руничѣ. Нѣкоторые, судя по тому, какъ Руничъ дѣйствовалъ въ университетѣ, считали его злымъ человѣкомъ; это несправедливо: онъ вовсе не былъ золъ. Собственно говоря, самъ по себѣ, въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, онъ былъ ничѣмъ, а могъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ, смотря по тому, въ чьи руки или подъ чье вліяніе онъ попадалъ. Это было то, что выражаютъ словомъ „легкій человѣкъ", то-есть, въ высшей степени поверхностный, шаткій, способный на многое, какъ орудіе, и ни на что, какъ самостоятельный дѣятель. Онъ имѣлъ одну способность — показать на нѣсколько минутъ передъ людьми, не очень взыскательными, что имѣетъ способности, и этимъ онъ былъ обязанъ нервической подвижности своего языка. Ему нельзя было ввѣрить никакого серіознаго дѣла. Такъ, онъ взялъ на себя распоряженія по постройкѣ зданій для университета, помѣщавшагося въ полуразвалинахъ противъ казармъ Семеновскаго полка, и принялъ изъ казны на свою отвѣтственность значительную сумму денегъ. Кончилось тѣмъ, что деньги пропали изъ-подъ его рукъ, неизвѣстно какъ и неизвѣстно куда, а университетъ остался еще надолго въ тѣхъ же развалинахъ съ единственнымъ памятникомъ экономическихъ распорядковъ строителя, десятками тремя бочекъ извести, которыя долго загромождали мѣсто, назначавшееся для университетскаго сада, и тоже куда-то въ послѣдствіи исчезли. Маленькій и тощій умъ его былъ въ безпрерывномъ движеніи. Онъ былъ похожъ на наѣздника, дѣлающаго разные довольно живописные скачки, размахивающаго по воздуху копьемъ или саблею, готоваго мгновенно броситься въ одну сторону и ускакать въ другую, не подчиняясь никакимъ условіямъ правильнаго строя. Чего именно Руничъ добивался, неизвѣстно. Вѣроятно, его соблазнялъ примѣръ Магницкаго, и ему хотѣлось также отличиться, играть видную роль на открытой для всѣхъ сценѣ. Онъ былъ надѣленъ значительною долею тщеславія. Въ его небольшой довольно неопрят-

ной прихожей висѣла таблица съ означеніемъ дней и часовъ, когда онъ могъ принимать ректора университета, когда профессоровъ, чиновниковъ своей канцеляріи и постороннихъ посѣтителей, точно какъ будто онъ занималъ постъ, не допускавшій никакого изъятія изъ обыкновеннаго порядка занятій. Между тѣмъ у его министра, князя Голицына, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе его обремененнаго дѣлами, во всякое время можно было получить аудіенцію, кромѣ часовъ, когда онъ готовился ѣхать съ докладомъ къ Государю. Одному молодому человѣку, при вступленіи въ университетъ, онъ совѣтовалъ учиться по гречески, и для удостовѣренія, что это не такъ трудно, онъ привелъ въ-примѣръ себя. „Вотъ, сказалъ онъ ему, я, не смотря на множество важныхъ занятій моихъ, въ пять или шесть мѣсяцевъ успѣлъ на столько въ греческомъ языкѣ, что могу свободно читать на немъ какого угодно автора“.

Изслѣдованіе, имѣвшее цѣлію доказать, что С.-Петербургскій университетъ полонъ нечестія, и что науки, въ немъ преподаваемыя, ведутъ къ безбожію и революціи, началось въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1821 года. 3-го числа этого мѣсяца, по предписанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ чрезвычайное засѣданіе университетской конференціи явился Руничъ въ качествѣ предсѣдателя, въ сопровожденіи ближайшаго сотрудника своего и единомышленника, директора университета и благороднаго университетскаго пансіона, Кавелина. Съ торжествующимъ видомъ, какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь радостномъ событіи, въ напыщенныхъ выраженіяхъ, гдѣ расточено было не мало общихъ мѣстъ патріотическаго и нравственнаго свойства, Руничъ объявилъ собранію, какъ о дѣлѣ, уже дознанномъ, что въ университетѣ господствуютъ зловредныя разрушительныя ученія съ явнымъ намѣреніемъ преподавателей поколебать алтари и троны, и въ заключеніе назвалъ четырехъ главныхъ виновниковъ, ординарныхъ профессоровъ — исторіи: *Раупаха*, статистики *Германа*, экстраординарнаго профессора философіи *Галича* и адъюнкта статистики *Арсеньева*. Основаніемъ для этого обвиненія служили выписки изъ тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, разсмотрѣнныя главнымъ правленіемъ училищъ, гдѣ присутствовалъ также и Руничъ. Могли ли студенческія записки, не просмотрѣнныя, не провѣренныя и не исправленныя самими профессорами, не сопровождаемыя наконецъ удостовѣреніемъ, что въ нихъ содержатся точь въ точь ихъ собственныя мысли, могли ли эти записки, да еще не записки вполнѣ, а выхваченные изъ нихъ отрывки служить достаточнымъ поводомъ къ под-

нятію въ университетской средѣ бури и къ убѣжденію, что тутъ идетъ дѣло о ниспроверженіи религіи и о государственной измѣнѣ? Объ этомъ, кромѣ обвиняемыхъ профессоровъ и нѣкоторыхъ другихъ разсудительныхъ и честныхъ членовъ конференціи, никто не спрашивалъ. И что же существеннаго, главнаго содержалось въ цитируемыхъ бумагахъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь фразъ и неточныхъ выраженій, доказывавшихъ спѣшную и вовсе неокончательную работу составителей? Это были общія положенія науки въ томъ видѣ, какъ она успѣла ихъ выработать въ современномъ образованномъ мірѣ, положенія, естественныя и обыкновенныя для всякаго непредубѣжденнаго и просвѣщеннаго ума, знакомаго съ ея духомъ, требованіями и историческимъ движеніемъ [1]). Надобно было имѣть крайне ограниченныя понятія о вещахъ или намѣренно закрывать глаза предъ истиною, чтобы находить злоумышленіе тамъ, гдѣ дѣло шло о научныхъ вопросахъ и ихъ рѣшеніи, которое въ дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи науки могло измѣниться, но котораго никто не имѣлъ ни права, ни возможности измѣнить, кромѣ ея самой. Въ этомъ заключается ея природная автономія, ея логическая свобода, и посягать на нихъ значило посягать на ея существованіе и дѣлать невозможными и самыя тѣ блага, какихъ отъ нея домогаются. Понятно, что находясь на извѣстной низшей степени умственнаго развитія, можно считать самую науку ненужною, излишнею, какъ то и бываетъ у народовъ варварскихъ; но разъ признавъ ея необходимость и требуя ея услугъ, надобно уже допустить и ея опыты, признать и необходимость ея способовъ, ея правъ, собственно ей принадлежащихъ, то-есть, принявъ извѣстное начало, надобно принять и его неизбѣжныя послѣдствія. Безумно обращаться съ наукою такъ, какъ обращаются дикіе съ своими кумирами, благоговѣющіе передъ ними, когда все совершается по ихъ желаніямъ, и разбивающіе ихъ, когда молитвы ихъ не бываютъ услышаны. Все это, разумѣется, не могло помѣститься въ умѣ нашихъ реакціонеровъ; обвинительные пункты профессорамъ Раупаху, Герману, Арсеньеву и Галичу исключительно были составлены на основаніи выписокъ изъ студенческихъ тетрадей. Желая во что бы то ни стало убѣдить высшее начальство въ существованіи зловредныхъ замысловъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и представить

---

[1]) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, собранные профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ. См. *Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія* за 1866 годъ. Здѣсь приведены выписки изъ студенческихъ тетрадей.

для этого новыя удостовѣренія, Руничъ не пренебрегъ и другими средствами, употреблявшимися обыкновенно при производствѣ дѣлъ въ темныя времена — обѣщаніями, угрозами и тайными внушеніями лицамъ, болѣе или менѣе отъ него зависѣвшимъ. Изъ нихъ нѣкоторыя потомъ и были взысканы опозорившею ихъ навсегда милостію Рунича, давшаго имъ мѣста и награды за угодливость ему и предательство. Сцены, происходившія въ засѣданіяхъ конференціи 3-го, 4-го и 7-го ноября, могли бы показаться, особенно въ настоящее время, невѣроятными, если бы не были засвидѣтельствованы очевидцами и офиціальными документами. Руничъ являлся тутъ не агентомъ правительства, обязаннымъ узнать и довести до свѣдѣнія его истину, а какимъ-то неограниченнымъ властителемъ, для котораго единственною истиною были уже заранѣе составленныя имъ рѣшенія. Онъ съ какимъ то неистовствомъ предавался удовольствію изливать свою ярость, обвинять и угрожать. Ему хотѣлось, повидимому, одного — навести на всѣхъ присутствовавшихъ страхъ и съ помощію его вынудить у однихъ признаніе въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ, у другихъ безотчетное согласіе на свои мнѣнія. Тутъ были пренебрежены не только закономъ предписанныя при изслѣдованіяхъ правила и условія, но и всякое приличіе, всякое уваженіе къ мѣсту и къ власти, именемъ которой распоряжался предсѣдательствовавшій. Не только не окончивъ еще изслѣдованія, но даже не приступивъ къ нему, и между тѣмъ считая уже совершенно доказаннымъ, что обвиняемые профессора суть настоящіе враги религіи и государства, онъ не стѣснялся въ обращеніи съ ними. Людей почтенныхъ, членовъ высшей ученой корпораціи, занимавшихъ въ службѣ почетныя мѣста и носившихъ въ обществѣ почетное имя, людей, оказавшихъ уже наукѣ и образованію значительныя услуги, онъ осыпалъ недостойными укоризнами, требовалъ отъ нихъ немедленнаго признанія въ винѣ, подвергавшей ихъ жестокому уголовному наказанію, и лишалъ ихъ возможности защищаться. На скромныя ихъ требованія дать имъ время придти въ себя отъ такихъ неожиданныхъ моральныхъ истязаній и возможность отвѣчать противъ обвинительныхъ пунктовъ или, по крайней мѣрѣ, сообразить, въ чемъ именно ихъ обвиняютъ, — онъ возражалъ угрозами и не счелъ неприличными словъ директора университета Кавелина, который, въ порывѣ усердія, выразилъ желаніе призвать жандармовъ и заставить обвиняемыхъ отвѣчать между обнаженными палашами. Не смотря на всѣ эти ужасы, Раупахъ, Германъ и Арсеньевъ вели себя съ большимъ достоинствомъ, и это въ Руничѣ, требовав-

шемъ немедленнаго и безусловнаго признанія во всемъ, что̀ онъ ни вымышлялъ на нихъ возводить, возбуждало еще большее озлобленіе.

Но что̀ дѣлала конференція? Къ чести ея надобно сказать, что если у однихъ членовъ малодушіе оковало умъ и уста и помѣшало имъ выразить какимъ бы то ни было образомъ свой протестъ противъ такого явнаго насилія, а другіе изъ гнусныхъ своекорыстныхъ разчетовъ раболѣпно и подобострастно предъ нимъ склонялись, то нашлись также лица, которыя съ прискорбіемъ смотрѣли на все происходившее, и на сколько позволяло имъ ихъ положеніе, возвышали честно свой голосъ въ пользу гонимыхъ своихъ собратій и старались противодѣйствовать явному беззаконію. Имена ихъ слѣдуетъ сохранить въ лѣтописяхъ университета, какъ людей мужественныхъ, которые въ обстоятельствахъ трудныхъ умѣли сохранить свое нравственное достоинство и остались вѣрными чести и правотѣ, не смотря на личную угрожавшую имъ опасность; это были профессора: математики *Чижовъ*, химіи *Соловьевъ*, астрономіи *Вишневскій*, зоологіи *Ржевскій*, греческой словесности *Грефе*, правъ *Лодій*, политическихъ наукъ *Балугіянскій*, восточныхъ языковъ *Шармуа* и *Деманжъ*, адъюнктъ-профессора *Радловъ* и *Плисовъ* и неизвѣстно почему присутствовавшій въ конференціи директоръ С.-Петербургскихъ училищъ *Тимковскій*. Поведеніе этихъ лицъ во время производившихся допросовъ возбуждало величайшее негодованіе Рунича. На дѣланныя ими скромныя и почтительныя замѣчанія по поводу непристойныхъ выходокъ его и на выраженное ими несогласіе подтвердить рѣшительные его приговоры о мнимой преступности обвиняемыхъ, онъ не стѣснялся отвѣчать рѣзкими и обидными словами и кончилъ тѣмъ, что началъ явно подозрѣвать ихъ въ злоумышленіи. „Тутъ что-то кроется“, сказалъ онъ въ одномъ изъ засѣданій: „это крючки, уловки, ябедничество, наконецъ заговоръ“. И потомъ: „Что̀ это значитъ, гдѣ я? Такъ ли всегда производятся въ конференціи совѣщанія?“ Что эти слова не были минутною вспышкою раздражительности, доказывается тѣмъ, что онъ повторилъ ихъ въ донесеніи своемъ министру. Тамъ, съ необыкновеннымъ самодовольствомъ изображая свои подвиги по поводу изобличенія виновныхъ, онъ говоритъ, что это стоило ему неимовѣрныхъ усилій, такъ какъ вообще почти вся конференція видимо благопріятствовала преступникамъ.

Наконецъ, на эту бурную сцену вызванъ былъ Галичъ. Главнымъ поводомъ къ обвиненію его служила изданная имъ *Исторія философскихъ системъ*. Обвинительный пунктъ былъ формулированъ вопросомъ:

Излагая разныя системы философовъ, зачѣмъ онъ ихъ не опровергъ? Нѣкоторые изъ членовъ конференціи осмѣлились замѣтить, что онъ не обязанъ былъ дѣлать это, какъ историкъ, что еслибъ онъ это сдѣлалъ, то онъ уже излагалъ бы не науку, не исторію человѣческихъ мыслей, а свои собственныя мнѣнія. Это не подѣйствовало. Руничъ уподобилъ книгу Галича тлетворному яду или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, забывъ, что тѣ, для которыхъ излагалась исторія философіи, были не дѣти, а взрослые люди, и Русскіе, сколько-нибудь уже образованные, а не дикіе. „Я самъ, говорилъ Руничъ, если бы не былъ истиннымъ христіаниномъ, и если бы благодать свыше меня не осѣнила, я самъ не отвѣчаю за свои поползновенія при чтеніи книги Галича“. Потомъ обратился онъ къ самому автору и вмѣсто того, чтобы потребовать отъ него объясненія, прямо безъ дальнихъ околичностей, началъ обвинять его въ безбожіи, измѣнѣ государю и отечеству и наконецъ, сказалъ: „Вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой церкви, безбожнаго Канта Христу, а Шеллинга Духу Святому“. Всѣ эти изліянія чувствованій, переполненныя общими нравоучительными мѣстами о благонравіи, о повиновеніи начальству и проч. не были поддержаны ни ссылкою на опасныя и предосудительныя мѣста книги и вообще никакими доводами, изъ коихъ бы слѣдовала необходимость говорить такимъ образомъ съ лицемъ, давно уже оставившемъ пеленки дѣтской морали. Наконецъ, Галичу велѣно было удалиться въ другую комнату и написать тамъ, подъ надзоромъ адъюнкта Рогова, свой отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ былъ написанъ скоро и состоялъ изъ слѣдующихъ немногихъ словъ: *Сознавая невозможность опровергнуть предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія.* Когда бумага была прочитана предсѣдателемъ, и Галичъ опять былъ введенъ въ собраніе, произошла сцена, исполненная необычайнаго комическаго паѳоса. Руничъ не обратилъ вниманія на ироническую двусмысленность выраженія: *сознавая невозможность* и остановясь только на послѣднихъ словахъ фразы, въ которыхъ онъ видѣлъ желанное признаніе въ винѣ, растворенное, повидимому, раскаяніемъ, обратилси къ Галичу и воскликнулъ съ восторгомъ: „Послѣ этого могу ли я бросить въ васъ камень“ и заключилъ его въ свои объятія. Съ обычнымъ своимъ велерѣчіемъ онъ увѣрялъ собраніе, что въ этомъ явно совершилось чудесное дѣйствіе благодати Божіей, что въ эту самую ми-

нуту она коснулась сердца Галича, что только слѣпотствующій умъ того не видитъ, что пастырь овецъ подъялъ и эту блуждавшую овцу на рамена свои и несетъ уже въ домъ Израилевъ. На это, говорятъ, Галичъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ возразилъ: „Не овцу, ваше превосходительство, а барана или паче козлище". Затѣмъ Руничъ началъ требовать отъ Галича, чтобъ онъ издалъ вновь свою исторію философскихъ системъ и въ предисловіи своемъ торжественно описалъ бы свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименномъ разумѣ основаннаго. Галичъ во все время дѣланнаго ему допроса не произнесъ ни одного слова, кромѣ — если вѣрить преданію — сдѣланной имъ поправки въ словахъ Рунича объ овцѣ. Онъ также отвѣчалъ молчаніемъ и на нелѣпое требованіе издать вновь свою книгу съ отреченіемъ отъ самой книги. Вѣроятно, Руничъ счелъ это молчаніе за согласіе, потому что въ донесеніи своемъ министру онъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, обѣщанномъ авторомъ.

Поведеніе Галича въ засѣданіи конференціи, по свидѣтельству лицъ, въ немъ участвовавшихъ, отличалось особеннымъ характеромъ, который былъ совершенно согласенъ съ его свойствами. Онъ не обнаруживалъ ни смущенія, ни желанія отразить наносимые ему удары. Увидѣвъ во всемъ происходившемъ въ университетѣ дѣлѣ какую-то роковую необходимость и чувствуя, что ему не одолѣть враждебныхъ силъ, онъ, кажется, принялъ систему полной покорности судьбѣ и рѣшился ждать спокойно всего, что̀ случится. Потому онъ ничего и не возражалъ, не покушался объясненіями направить умы присутствовавшихъ въ свою пользу, — словомъ, рѣшился принять положеніе совершенно пассивное. Тѣ, которые были свидѣтелями происходившаго и которымъ былъ извѣстенъ характеръ Галича, считали поведеніе это весьма естественнымъ; но другіе, особенно лица, не принадлежавшія къ университету, не одобряли даннаго имъ отвѣта на обвинительные пункты и думали, что ему, подобно другимъ обвиняемымъ, надлежало настаивать на одномъ, что̀, безъ сомнѣнія, сознавала его совѣсть, то-есть, на своей невинности. Трудно однако судить, до какой степени былъ вѣренъ или невѣренъ его взглядъ на свое положеніе, и въ какой мѣрѣ въ эти минуты согласовался онъ съ его господствовавшими наклонностями и практическимъ настроеніемъ его духа. Извѣстно, что онъ былъ врагомъ всякой житейской тревоги, всякихъ внѣшнихъ какихъ бы то ни было помыкательствъ, могшихъ отвлекать его отъ главной и единственной задачи его жизни. Это, въ строжайшемъ смыслѣ, былъ человѣкъ кабинета и человѣкъ идей. Потому

весь шумъ, поднятый въ университетѣ, возбуждалъ въ немъ одно желаніе, чтобы все это скорѣе кончилось, чтобъ его оставили въ покоѣ и не мѣшали ему думать. Онъ вѣрилъ, что право на мысль принадлежитъ ему неотъемлемо и безспорно, и что никакая сила не можетъ лишить его этого права. Въ этомъ философъ нашъ нѣсколько ошибался. Онъ зналъ людей, но не на столько, чтобы видѣть, какъ многіе изъ нихъ удивительно способны дѣлать зло, не смущая даже своей совѣсти, если оно покажется имъ полезнымъ, нужнымъ или будетъ согласно съ ихъ предразсудками, только бы дана имъ была на то возможность. Онъ забылъ, что въ крайнихъ случаяхъ они могутъ посягнуть даже на его право мыслить, и если не въ силахъ будутъ лишить его этого права, то найдутъ средства сдѣлать его до того безсильнымъ, что заставятъ самый умъ усомниться въ себѣ. Ему впрочемъ вскорѣ и напомнили объ его ошибкѣ, сообщивъ подъ рукою, что приговоръ о немъ уже готовъ, что въ случаѣ его упорства, онъ будетъ офиціально признанъ сумасшедшимъ, и какъ въ книгѣ своей и жизни онъ былъ не чуждъ нѣкоторой оригинальности, то такая угроза, судя по тому, что̀ происходило тогда въ университетѣ, легко могла бы осуществиться. Конечно, онъ хотѣлъ не только мыслить, но и хотѣлъ, чтобъ его считали существомъ мыслящимъ, и неудивительно, что онъ рѣшился наконецъ заботу о своей судьбѣ предоставить самой судьбѣ.

Мы не излагаемъ исторіи С.-Петербургскаго университета, а потому не находимъ нужнымъ слѣдить далѣе за ходомъ событій, которыхъ мы здѣсь коснулись на столько, сколько требовалось нашимъ предметомъ. Извѣстно, что слѣдствіе, произведенное Руничемъ, поступило на разсмотрѣніе высшихъ властей. Ожидаемыхъ Магницкимъ и Руничемъ результатовъ однако не послѣдовало. Высшія правительственныя власти посмотрѣли на вопросы, возбужденные ими, съ точки зрѣнія болѣе возвышенной, болѣе человѣчественной и государственной. Они, конечно, не могли одобрить ни началъ, ни мѣръ, изобрѣтенныхъ отчаянными ретроградами и столь явно противорѣчившихъ общимъ видамъ и стремленіямъ правительства, всему, что̀ оно уже сдѣлало для просвѣщенія народа, наконецъ, вопіющимъ и великимъ потребностямъ послѣдняго. Потому они не могли осудить и лицъ, дѣйствовавшихъ въ пользу науки подъ гарантіями правительства и въ духѣ системы, обнимавшей новую гражданственность Россіи. Общество, съ своей стороны, выражало, какъ могло, свое изумленіе, негодованіе и ужасъ при видѣ насилій и произвола, допущенныхъ въ С.-Петер-

бургскомъ университетѣ и угрожавшихъ и другимъ. Да и самое министерство народнаго просвѣщенія начало, кажется, тяготиться тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, въ которое были поставлены вещи изувѣрною ревностью его агентовъ. Все это повело къ тому, что преслѣдуемые профессоры вышли, такъ-сказать, помятыми, но живыми и не изувѣченными изъ рукъ инквизиціоннаго трибунала, и наука, нуждающаяся въ поддержкѣ и охраненіи, особенно тамъ, гдѣ она не успѣла еще пустить глубоко корней, конечно, не могла не потерпѣть на первое время, однако она спасена была въ принципѣ. Фактъ испытанія, которому она подвергалась, доказалъ, что для страны, ее принявшей по внѣшнему возбужденію, уже наступило время внутренняго и сознательнаго съ нею сочетанія. Конечно, послѣ всего случившагося, профессора Раупахъ, Германъ и другіе не могли уже продолжать свою дѣятельность въ университетѣ, отъ чего послѣдній лишился лучшихъ силъ своихъ и влачилъ печально свое существованіе до самаго вступленія въ министерство графа Уварова. Но всѣ эти лица опредѣлены были немедленно къ другимъ должностямъ и только выиграли въ служебномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Германъ получилъ мѣсто инспектора въ двухъ женскихъ заведеніяхъ, Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ; Арсеньеву дана была каѳедра исторіи и статистики въ инженерномъ училищѣ, и вскорѣ потомъ онъ удостоенъ былъ званія наставника по этимъ предметамъ при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, нынѣ достославно царствующемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ; Плисовъ, поступившій во второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества, въ послѣдствіи былъ сдѣланъ сенаторомъ. Куницынъ, бывшій профессоромъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, хотя и не принадлежалъ къ министерству народнаго просвѣщенія, однако также не избавился отъ гоненій Магницкаго и Рунича за свою книгу: *Естественное право;* въ послѣдствіи онъ получилъ въ управленіе департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Раупахъ не захотѣлъ остаться въ Россіи и выѣхалъ за границу.

Но въ то время, когда опальнымъ профессорамъ такимъ образомъ даны были новыя, достойныя ихъ назначенія, что̀ сталось съ нашимъ профессоромъ философіи? Куда было дѣть философа, рѣшительно ни на что болѣе негоднаго, какъ преподавать философію? Каѳедры философіи нигдѣ въ кругу министерства не существовало, кромѣ университета. Но конечно, и самъ Галичъ не захотѣлъ бы остаться тамъ преподавателемъ этой науки послѣ всего происшедшаго. Однакожь за

что̀ было и осудить на голодную смерть человѣка, виноватаго только тѣмъ, что посвятивъ себя избранной имъ наукѣ, онъ исключительно предался ей одной? Итакъ, начальствомъ было рѣшено оставить его при университетѣ, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ употребленъ при случаѣ для какой-нибудь нефилософской службы, сохранивъ за нимъ жалованье по званію экстраординарнаго профессора и казенную квартиру. На основаніи этого рѣшенія онъ былъ помѣщенъ въ домѣ, принадлежавшемъ университету въ 7-й линіи Васильевскаго острова, гдѣ нынѣ находится Ларинская гимназія.

Итакъ, у Галича было жилище съ отопленіемъ, хотя весьма скромное, и содержаніе еще болѣе скромное. Но цѣль, которой были посвящены всѣ труды его и жизнь, и для которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ, университетское преподаваніе философіи, оказалась теперь для него недостижимою. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Если философія должна составлять необходимую часть высшаго образованія и у насъ, какъ вездѣ, гдѣ уважаются полнота, всеобъемлемость и логическая свобода науки, то конечно, никто въ свое время столько, какъ Галичъ, не въ состояніи былъ руководить юношество въ строгомъ, послѣдовательномъ, методическомъ ея ученіи и дать мыслямъ его серіозное направленіе. Онъ предполагалъ вовсе отказаться отъ метафизики и вообще отъ всякой философской догматики, которымъ никогда искренно не сочувствовалъ, и которыя въ началѣ входили въ его курсъ, потому только что онъ недовольно еще укрѣпился на своей каѳедрѣ, чтобы совершенно измѣнить данную ему програму. Намѣреніе его было, ознакомивъ своихъ слушателей съ логикой и психологіей, развивать ихъ философскую мыслительность историко-критическимъ способомъ. Поэтому главнымъ предметомъ своимъ онъ считалъ исторію философіи, которую намѣренъ былъ закончить обозрѣніемъ современныхъ философскихъ ученій Англіи и Франціи и полнымъ изложеніемъ Шеллингова ученія, какъ послѣдняго акта въ движеніи философской мысли въ Германіи до Гегеля. Всему этому не суждено было совершиться, и Галичъ принужденъ былъ свою ученую дѣятельность сосредоточить въ кабинетѣ. Плодомъ этой дѣятельности были изданныя имъ въ разное время сочиненія, которыя слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи, — одни, написанныя или случайно, или ради увеличенія средствъ существованія, и другія, обработанныя вслѣдствіе внутренней потребности автора говорить съ своими современниками, сколько позволяли обстоятельства, о предметѣ, составлявшемъ задачу его жизни. Къ первымъ принадлежатъ: *Теорія краснорѣчія*

для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, 1830 года; *Логика, изложенная по Клейну,* 1831 года; *Лексиконъ философскихъ предметовъ,* 2 выпуска, 1847 года, не конченный, и *Русскіе синонимы,* также не доконченные. Къ произведеніямъ втораго рода относятся: *Опытъ науки объ изящномъ,* 1825 года; *Черты умозрительной философіи,* родъ компендіума Шеллингова ученія, 1829 года, и *Картина человѣка,* 1834 года. Но самый задушевный трудъ, на который Галичъ употребилъ болѣе четырнадцати лѣтъ, твореніе обширное по объему и глубокомысленное по содержанію, была *Философія исторіи человѣчества,* сдѣлавшаяся, какъ увидимъ ниже, по особенной роковой случайности, поводомъ къ бѣдственному перевороту въ духѣ Галича.

Между тѣмъ какъ нашъ философъ въ кабинетныхъ занятіяхъ по возможности старался найдти замѣну преподавательской ученой дѣятельности, нѣкоторые изъ прежнихъ его слушателей и другіе любознательные молодые люди упросили его читать имъ у себя на дому курсъ Шеллинговой философіи, на что̀ за умѣренный предложенный ему гонорарій онъ охотно согласился, удовлетворяя тѣмъ своей привычкѣ къ преподаванію, а также необходимости что-нибудь прибавить къ скудному своему содержанію. Такимъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ въ квартирѣ у Галича образовалась маленькая аудиторія человѣкъ изъ десяти или двѣнадцати. Начальство знало про это, и хотя нѣкоторые ревностные и благонамѣренные оберегатели общественныхъ нравовъ и офиціальныхъ порядковъ не преминули войдти къ нему съ доносомъ, однако, зная образъ мыслей и духъ ученія экс-профессора, оно рѣшилось смотрѣть сквозь пальцы на его философскія бесѣды. Чтенія Галича то прерывались, то возобновлялись опять, смотря по накоплявшемуся числу желавшихъ. Эти случайныя, прерывистыя занятія весьма немного служили къ улучшенію и обезпеченію матеріальнаго его быта, и онъ, бывъ человѣкомъ женатымъ, терпѣлъ часто тяжкія нужды или, какъ онъ выражался, уязвленія этихъ малыхъ житейскихъ насѣкомыхъ, скорбей, мѣшавшихъ ему сидѣть въ кабинетѣ за своими учеными работами и отдыхать. Къ этому присоединилась новая невзгода: въ 1837 году, по причинѣ послѣдовавшихъ въ университетѣ преобразованій, онъ былъ вовсе изъ него уволенъ, при чемъ, разумѣется, у него отняли и его жалованье; для полученія же пенсіона онъ не выслужилъ еще узаконеннаго срока. Положеніе Галича по истинѣ было плачевно. Умственные интересы, которымъ онъ призванъ былъ служить, которымъ ввѣрилъ свою жизнь, трудъ, и честь, оказались для него не существующими. Судьба,

въ своей безпощадной ироніи, какъ будто бы захотѣла посмѣяться и надъ его общественнымъ призваніемъ, которое оказалось тщетнымъ, и надъ собственнымъ его легковѣріемъ, и затѣмъ бросила его на жертву обманутымъ надеждамъ и нищетѣ. Если съ первыми онъ могъ еще кое-какъ справляться силами своего духа, то съ другою трудно было бы ему бороться безъ сторонней помощи. Къ счастію, помощь эта была ему оказана. Нѣкоторые изъ его учениковъ, достигшіе видныхъ степеней по службѣ, имѣвшіе значительныя связи, приняли въ судьбѣ его горячее участіе и соединили свои усилія, чтобы пристроить его къ мѣсту, гдѣ пользуясь порядочнымъ содержаніемъ, онъ не былъ бы обремененъ излишнею офиціальностью и массою непривычныхъ ему дѣлъ. Въ 1838 году имъ удалось помѣстить его при одномъ изъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ переводчикомъ съ языковъ нѣмецкаго, французскаго и польскаго, а спустя годъ потомъ, по ходатайству И. Д. Якобсона, нынѣ члена совѣта военнаго министерства, онъ былъ опредѣленъ начальникомъ архива при провіантскомъ департаментѣ. Это послѣднее назначеніе было великимъ благодѣяніемъ для Галича. Съ нимъ соединялось жалованье, которое даже превышало его нужды, около 5.000 руб. асс.; онъ притомъ имѣлъ возможность посвящать бо̀льшую часть своего времени ученымъ занятіямъ. Съ чувствомъ какого-то самодовольства онъ часто повторялъ, что благодаря Бога, своимъ внѣшнимъ благосостояніемъ онъ обязанъ ученикамъ своимъ. „Отъ нихъ не стыдно принять помощь“, говорилъ онъ: „они мнѣ родные, насъ соединяетъ союзъ идей. И есть же въ идеяхъ этихъ какая-нибудь сила, когда вотъ и такой неискусный ловецъ, какъ я, уловляю ими сердца моихъ ближнихъ и становлюсь предметомъ ихъ любви и попеченій“.

Не смотря на эти благопріятныя обстоятельства въ жизни нашего философа, все-таки странно какъ-то было видѣть его засѣдавшимъ вмѣсто профессорской аудиторіи въ архивѣ провіантскаго департамента и изучавшимъ не творенія великихъ мыслителей и наставниковъ человѣчества, а заголовки и описи канцелярскихъ дѣлъ о поставкѣ для арміи муки, крупъ и проч. Галичъ самъ очень простодушно посмѣивался надъ своимъ положеніемъ. „Вотъ куда я попалъ, говорилъ онъ, въ пріятельскомъ кругу, — въ общество мышей и крысъ, съ которыми долженъ вести войну ради обезпеченія казенныхъ бумагъ. Но это, я думаю, будетъ легче, нежели вести войну съ гонителями наукъ и просвѣщенія“. Не всегда однакожъ такъ равнодушно онъ отзывался о своемъ положеніи. Случалось, хотя рѣдко, что такая нелѣпая игра

судьбы, какой онъ сдѣлался жертвою, исторгала изъ устъ его жалобы, подобныя слѣдующей: „Горька участь человѣка, говорилъ онъ, когда духъ его сознаетъ, что онъ можетъ дѣлать больше, чѣмъ рыться въ канцелярскихъ бумагахъ и пресмыкаться въ архивной пыли, хотя и получаетъ за то жалованье. Горекъ хлѣбъ, когда его даютъ тебѣ изъ состраданія, и отказываютъ въ томъ, на какой ты имѣешь право“. Но потомъ, ободрясь, онъ продолжалъ: „Что же впрочемъ? Не все ли равно ѣсть хлѣбъ, спеченый въ одной или въ другой печи, лишь бы совѣсть говорила, что онъ не краденый“.

Галичъ свыкся наконецъ съ архивною своею участію. Ознакомившись съ порядкомъ храненія дѣлъ, онъ являлся туда въ опредѣленное время для общаго надзора, подробности же оставались на рукахъ его помощниковъ. Начальство было имъ довольно и даже наградило его одинъ разъ чиномъ статскаго совѣтника, а другой разъ единовременною денежною выдачей. Такъ періодъ кризисовъ и неожиданныхъ потрясеній въ безмятежномъ пріютѣ архива, повидимому, для него кончился, и дни его должны были течь своею чередою тихо, обозначаясь только зрѣлыми плодами мысли и знанія. Но такое состояніе было непродолжительно; оно было для него только отдыхомъ. Основываясь на опытахъ жизни, можно допустить, что бываютъ личности, къ которымъ судьба особенно неблагосклонна, личности, къ которымъ горе привязывается, какъ вѣрный другъ, за которыми слѣдуетъ оно неотступно, искушая и дразня ихъ терпѣніе и мужество, пока не одолѣетъ ихъ окончательно. Примѣромъ тому можетъ служить именно Галичъ. Вотъ что опять произошло съ нимъ. Онъ любилъ проводить лѣто за городомъ, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, въ одномъ изъ существовавшихъ тогда домиковъ, замѣненныхъ нынѣ казармами. Отправляясь туда по обыкновенію на лѣто, онъ оставлялъ свою квартиру подъ охраненіемъ дворника и замка. Въ одно изъ такихъ лѣтнихъ пребываній на дачѣ, если не ошибаемся, въ 1839 или 1840 году, въ домѣ, гдѣ находилась его квартира въ Измайловскомъ полку, случился пожаръ. Нѣсколькихъ часовъ достаточно было, чтобы превратить въ пепелъ и домъ, и все имущество Галича, а главное, его библіотеку, состоявшую изъ отборныхъ сочиненій по части философіи, права и исторіи, и его рукописи. Ничего не зная о постигшемъ его несчастіи, онъ пріѣхалъ изъ Царскаго Села, чтобы запастись нѣкоторыми книгами, и вдругъ, къ невыразимому своему ужасу, видитъ на мѣстѣ своего жилища обгорѣлыя трубы и кучи золы. Мы видѣли, что жизнь его была надѣлена

достаточнымъ количествомъ скорбей; онъ переносилъ ихъ съ достоинствомъ и великодушіемъ мужа и философа, никогда не теряя веселаго расположенія духа и едва позволяя себѣ на минуту иногда усомниться въ необходимости постигшаго его зла. Но это внезапное бѣдствіе было глубоко и неисцѣлимо. Ему жаль было не имущества своего, его сокрушила потеря библіотеки, а болѣе всего невознаградимая утрата двухъ совершенно оконченныхъ его сочиненій: *Всеобщаго права* и *Философіи исторіи человѣчества* [1]). Они были, особенно послѣдняя, любимыми созданіями его ума, окончанію которыхъ онъ радовался, какъ радуется земледѣлецъ при видѣ собранной имъ благоуспѣшной жатвы, которыя онъ думалъ передать потомству, какъ первый опытъ обширнаго умственнаго труда въ своемъ отечествѣ, достойный его и себя, наконецъ, какъ удостовѣреніе предъ обществомъ, что одно грубое невѣжество могло считать его идеи и ученіе опасными. Въ пеплѣ, который теперь лежалъ передъ нимъ, были погребены драгоцѣннѣйшіе интересы его мысли и сердца, честь его имени, все богатство знанія, науки, съ такимъ трудомъ и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ не устоялъ противъ великости этого зла, душевныя силы его до того были потрясены, что онъ не могъ уже остаться прежнимъ Галичемъ и началъ мало по малу превращаться въ другаго человѣка — въ человѣка столь же честнаго, незлобиваго, даже умнаго, какимъ былъ и прежде, но уже безъ гордаго сознанія своего человѣческаго достоинства, безъ величаваго ореола мысли, озарявшей его личность; онъ опустился, палъ нравственно, началъ пить.

Галичъ — пьяница: несовмѣстимыя понятія для тѣхъ, которые лично его знали! Такая измѣна благороднымъ задачамъ и принципамъ, такой переходъ отъ неукоризненнаго по чистотѣ своей образа жизни, отъ изящества мысли и поступковъ, къ нравственной нечистотѣ и вони трактира, гдѣ онъ началъ часто проводить время, — что̀ это такое? Малодушіе, посмѣяніе надъ вѣрою въ человѣка, оправданіе Мефистофеля, который при видѣ нашей превозносящейся силы нравственной лукаво глумится, говоря: „Подождемъ — такъ или иначе, а ты сунешь носъ свой въ грязь?“ Все это невыразимо грустно. Однако всетаки чѣмъ объяснить эту психологическую метаморфозу? Какъ могъ дойдти Галичъ до такого самоуниженія? Зная его очень хорошо, мы,

---

[1]) Мы видѣли у него въ кабинетѣ эти сочиненія, начисто переписанныя его рукою въ нѣсколькихъ огромныхъ тетрадяхъ. Они были уже готовы для представленія въ цензуру.

кажется, не ошибемся, если скажемъ, что это былъ смертный приговоръ, произнесенный имъ надъ самимъ собою, самоуничтоженіе, медленное, но твердо предпринятое. Онъ не хотѣлъ или не могъ прибѣгнуть къ насильственному радикальному средству, но прибѣгнулъ, повидимому, сознательно къ медленной отравѣ, какою безсознательно такъ многіе у насъ губятъ себя. „Дѣти моей мысли умерли", говорилъ онъ намъ въ задушевной дружеской бесѣдѣ: „жизнь моя потеряла цѣль и смыслъ. Мнѣ пора также умереть. Я слишкомъ старъ, чтобы снова начинать погибшее дѣло, а только дѣломъ можно жить. Жить безъ дѣла — запрещаютъ разумъ и совѣсть".

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы согласиться съ подобною, отчасти софистическою, отчасти сентиментальною, діалектикой. Извѣстно, что привилегія мыслить больше и лучше другихъ сопряжена съ значительною отвѣтственностію, и отвѣтственность эта простирается не на однѣ мысли, но и на дѣла. Что̀ можетъ быть допускаемо и извиняемо въ другихъ низшихъ сферахъ жизни, здѣсь не должно имѣть ни мѣста, ни оправданія, какъ скоро оно противно заповѣди, правамъ, достоинству мысли просвѣщенной и расширенной. Должно полагать также, что если роковыя случайности жизни не зависятъ отъ нашей воли и нашей предусмотрительности, то это самое даетъ уже намъ возможность примиряться до нѣкоторой степени съ неуспѣхомъ и неудачами нашихъ намѣреній. Да наконецъ вообще, кажется, не слѣдуетъ намъ слишкомъ возвеличивать въ собственныхъ глазахъ нашихъ важность того, что̀ мы дѣлаемъ или задумали сдѣлать, по нашему мнѣнію, наилучшаго: вѣдь все на свѣтѣ имѣетъ относительную цѣну. Все это хорошо, и вѣроятно, приходило на умъ нашему философу, которому во всякомъ случаѣ приличнѣе было снести новое горе, какъ онъ сносилъ прежнее, нежели унижать свою разумность и свое человѣческое достоинство предъ самимъ собою и предъ другими мыслящими существами, что̀, безъ сомнѣнія, составляло самое худшее горе. Но не въ оправданіе, а въ объясненіе печальнаго переворота, послѣдовавшаго во внутренней его жизни, мы можемъ сослаться на исключительность его призванія. Эти исключительныя или спеціальныя призванія имѣютъ то свойство, что если, съ одной стороны, сознаніе какого-либо изъ нихъ составляетъ нашу силу и условіе всякаго важнаго и достославнаго дѣла, то съ другой, оно дѣлаетъ насъ односторонними и ослабляетъ въ насъ тѣ силы, которыя нужны для удовлетворенія другихъ потребностей жизни и долга. Такъ все изобличаетъ и смиряетъ нашу гордость, и если въ одномъ случаѣ мы находимъ ей поощреніе, то

въ другомъ причину къ горькому разочарованію, — и пусть же на падшаго брата бросить камень тотъ, кто не имѣетъ на себѣ грѣха!

Вещественныя нужды, обременившія Галича послѣ пожара, уничтожившаго все его убогое достояніе, были немедленно облегчены дѣятельною помощью нѣкоторыхъ изъ его учениковъ. Освѣдомясь о постигшемъ его горѣ, они тотчасъ собрали между собою нѣкоторую сумму (1.400 руб.) и чрезъ одного изъ его почитателей, хотя и не бывшаго его ученикомъ и ему лично вовсе незнакомаго, вручили ему эти деньги такъ, что онъ не зналъ и не узналъ никогда, отъ кого онѣ присланы. Покойный Н. И. Гречъ далъ ему на время квартиру въ своемъ домѣ. А затѣмъ онъ продолжалъ жить жалованьемъ, получаемымъ на службѣ при архивѣ.

Послѣднія шесть или семь лѣтъ жизни Галича, послѣ поразившей его катастрофы, представляются какимъ-то исключеніемъ изъ того, что его прежде занимало и одушевляло. Матеріальное его положеніе не пострадало. Лицо, доставившее ему мѣсто и съ нимъ безбѣдное содержаніе, продолжало ему покровительствовать. Слабость, которой предавался Галичъ, была не замѣчаема; службѣ она также не вредила, потому что онъ упалъ не до такой степени, чтобы не могъ исполнять нетрудныхъ своихъ обязанностей или бы компрометировалъ начальство своимъ поведеніемъ. Но кабинетъ его, лишенный своихъ сокровищъ, книгъ и рукописей, не былъ уже для него святилищемъ, гдѣ приносились имъ чистыя жертвы наукѣ. Вмѣстѣ съ другимъ такимъ же отставнымъ ученымъ и горемыкою, какъ самъ, удаляясь куда-нибудь въ уединенный трактиръ, чаще всего на Крестовскій островъ, онъ упражнялся съ нимъ постоянно въ игрѣ на биліардѣ и въ поддержаніи въ себѣ пріятнаго расположенія духа немногими, но частыми возліяніями баснословному богу веселія. Онъ рѣдко уже сталъ являться въ общество тѣхъ людей, съ которыми прежде любилъ бесѣдовать, и которые сами любили его бесѣду, полную оригинальнаго ума и неистощимаго веселаго юмора. Онъ не былъ навязчивъ и не хотѣлъ смущать своихъ друзей видомъ своей скорби и вообще своимъ измѣнившимся видомъ. Однако когда кому-нибудь изъ нихъ случалось съ нимъ встрѣтиться, онъ старался всегда облечься въ остатки своего прежняго скромнаго, но всегда нѣсколько величаваго достоинства. По временамъ онъ возвращался къ прежнимъ своимъ кабинетнымъ занятіямъ, но болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ желанія продолжать прежнюю свою ученую дѣятельность. Къ этому именно періоду его жизни принадлежатъ *Словарь философскихъ предметовъ* и *Словарь русскихъ синонимовъ*,

составленные имъ по соглашенію со Смирдинымъ и оба не конченные. Это были остатки когда-то богатаго запаса знаній. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ даже нѣсколько статей, не лишенныхъ философской занимательности. Но словарь синонимовъ не выполняетъ своей задачи: это не объясненіе словъ въ филологическомъ смыслѣ, а психологическое опредѣленіе понятій.

Къ довершенію несчастія Галича, онъ дòма не находилъ ничего, чтò сколько-нибудь могло бы его утѣшать и поддерживать. Онъ былъ женатъ; но женитьба его, еще во время профессорства, только прибавила новую тяжесть къ бремени, положенному на него судьбою. Какого происхожденія была его жена, неизвѣстно. Извѣстно только то, что она была очень дурна собою, очень необразованна и очень зла. Она принадлежала къ разряду тѣхъ грубыхъ, неуклюжихъ существъ человѣческой породы, которыя, повидимому, напрасно носятъ на себѣ имя женщины; природа какъ бы въ противорѣчіе самой себѣ лишила ее всѣхъ женскихъ высокихъ качествъ — кротости, любви, граціи, умственныхъ, вѣрныхъ и тонкихъ инстинктовъ. Что она ни мало не сочувствовала ни идеямъ, ни характеру своего мужа, это еще можно было ей простить по крайней ея необразованности, и это могло и не зависѣть отъ нея. Для человѣка, принужденнаго жить съ нею, это составляло бы только отрицательное зло, которое слѣдовало сносить терпѣливо тому, кто самъ былъ виноватъ, сдѣлавъ подобный неразборчивый выборъ. Но въ ней господствовала положительная сторона дурнаго нрава, желаніе поработить себѣ человѣка, которому она была обязана и своимъ именемъ, положеніемъ въ обществѣ, и хлѣбомъ. Знакомые ставили ей въ заслугу и достоинство то, что она усердно надзирала за бѣльемъ и платьемъ мужа, починяла и то, и другое, и даже сама шила ему халаты и сюртуки. Но все это было болѣе слѣдствіемъ скаредной скупости, чѣмъ настоятельной надобности, особенно въ то время, когда жалованья Галича было весьма достаточно для всякихъ домашнихъ нуждъ. Но за всѣ добровольныя лакейскія услуги она требовала платы непомѣрной, полнаго повиновенія ея деспотизму и капризамъ. Она дѣлала ему почти ежедневно бурныя сцены, такъ что онъ нерѣдко принужденъ былъ бѣжать изъ собственнаго дома и ожидать гдѣ-нибудь на улицѣ или у своихъ пріятелей, пока буря утихнетъ, и онъ будетъ имѣть возможность возвратиться въ свой кабинетъ, къ мирнымъ занятіямъ. Онъ никому не жаловался на свое домашнее горе, но сосѣди и знакомые видѣли и знали, съ какимъ терпѣніемъ онъ несъ на себѣ и этотъ крестъ, пока могъ находить

облегченіе въ обработкѣ и совершеніи своихъ завѣтныхъ ученыхъ трудовъ. Дѣтей у него, къ счастію, не было.

Между тѣмъ Галичъ наконецъ успѣлъ своимъ невоздержаніемъ разстроить совершенно свое здоровье. Онъ не обладалъ большими физическими силами, былъ средняго роста, довольно тощъ, безъ признаковъ однако болѣзненной худобы; но его тѣлосложеніе отличалось какою-то особенно счастливою гармоніей органовъ и отправленій, обѣщавшею ему, при умѣренномъ и правильномъ образѣ жизни, маститую и здоровую старость. Въ 1848 году посѣтила Петербургъ холера, и между тысячами обреченныхъ ей жертвъ въ Галичѣ нашла она готовую для себя добычу. Въ началѣ весны, какъ обыкновенно, онъ переѣхалъ въ Царское Село, чтобы провести тамъ лѣто. И не смотря на то, что онъ не принималъ никакихъ предосторожностей противъ опаснаго и безпощаднаго врага и продолжалъ свой образъ жизни, холера не вдругъ поразила его. Цѣлое лѣто онъ провелъ съ обычною своею беззаботностію, какъ бы забытый ею, и уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, 9-го числа, когда она, повидимому, начала ослабѣвать, почувствовалъ первые припадки болѣзни и хотя въ жестокихъ, но непродолжительныхъ страданіяхъ скончался того же дня. Ему было около 65 лѣтъ. Посреди всеобщей паники, произведенной эпидеміей, всякій заботился о себѣ; ученики, почитатели и друзья Галича, разсѣянные въ разныхъ частяхъ Петербурга или въ его окрестностяхъ, спустя уже нѣсколько дней узнали о его кончинѣ; никто изъ нихъ не сопровождалъ его до могилы; одна жена своими поздними, и вѣроятно, не очень сердечными воплями нарушала тишину скромной процессіи до кладбища, да одинъ изъ его бывшихъ семинарскихъ товарищей, простой, незначительный человѣкъ, учитель какого-то уѣзднаго училища въ Петербургѣ, но любившій Галича безкорыстною братскою любовію, бросилъ горсть земли на его гробъ,— и вмѣсто надгробной рѣчи, описывая намъ, между прочимъ, кончину философа, заключилъ свое описаніе слѣдующими теплыми словами: „Миръ праху твоему, достойнѣйшій труженикъ науки и любитель просвѣщенія, глубокій мыслитель и искатель истины, кроткій, какъ агнецъ“....

Что касается до нравственнаго характера Галича, который бы намъ хотѣлось также объяснить читателямъ, то онъ уже проглядываетъ отчасти и въ описаніи его жизни. Тѣмъ не менѣе въ дополненіе къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить еще нѣкоторыя

черты, не лишенныя, можетъ-быть, психологическаго интереса. Личность Галича, въ нѣкоторомъ смыслѣ, была личностію типическою. Онъ могъ служить, между прочимъ, примѣромъ того, до какой степени исключительное господство умозрительной способности въ состояніи ослабить въ человѣкѣ другія силы духа и сдѣлать его неспособнымъ къ какой бы то ни было практической дѣятельности. Вѣроятно, этому не мало содѣйствовала и самая возвышенность вопросовъ, рѣшеніемъ коихъ занимались и занимаются люди съ подобнымъ направленіемъ. Все, не входящее въ сферу этихъ вопросовъ, имъ кажется мелочнымъ и не стоющимъ того, чтобы наполнить ими кратковременную жизнь нашу въ подрывъ ея благороднѣйшимъ умственнымъ интересамъ; они забываютъ однако, что то, что̀ они считаютъ мелочнымъ и не заслуживающимъ вниманія, получаетъ совсѣмъ другой характеръ отъ связи съ вопросами, въ какіе погружается ихъ мысль, что оно перестаетъ быть пошлымъ, облагороживается, возвышается, — да и вообще матеріалы, содержаніе жизни не отъ насъ зависятъ, но отъ насъ зависитъ положить на каждой ихъ части печать разумности и человѣческаго достоинства. Въ теоріи они и не отвергаютъ этого; но въ примѣненіи все-таки какая-то внутренняя центробѣжная сила влечетъ ихъ вдаль, и имъ отрадно летать орлинымъ полетомъ въ поднебесье, куда не достигаютъ снизу шумъ и тревоги житейскія, отчего они и разучиваются наконецъ ходить, какъ слѣдуетъ, на твердой почвѣ. Можно бы, повидимому, такое одностороннее настроеніе духа поставить въ упрекъ философскому самовоспитанію и образованію; но подобный упрекъ былъ бы крайне несправедливъ. Умозрительная сторона не есть исключительная или единственная въ философіи; ей свойственны разные виды. Отъ внутренняго расположенія или наклонностей лица зависитъ направить себя къ такой или иной ея сторонѣ, и философія точно также въ этомъ не виновата, какъ и всякая другая наука, въ которой изучающій ее усвоилъ себѣ преимущественно или исключительно одинъ изъ господствующихъ въ ней элементовъ. Въ противномъ случаѣ чистая математика могла бы подлежать такому же упреку. Именно Галичъ былъ ученымъ специалистомъ, устремившимъ всецѣло свои мысли на изученіе и разработку одного изъ такихъ элементовъ философіи, и неудивительно, если его умственныя силы, дѣйствовавшія успѣшно въ одной сферѣ, по мѣрѣ того какъ онъ отдалялся отъ другихъ, оказывались несостоятельными или мало состоятельными въ сихъ послѣднихъ. При всемъ томъ, Галичъ не былъ мечтателемъ-фанатикомъ или педантомъ-спеціалистомъ, зарывшимся въ свои книги и бу-

маги, чуждымъ понятій и интересовъ, двигавшихъ пружинами событій мірскихъ. Напротивъ, онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ наблюдательности, любилъ общество, вникалъ въ современный ходъ вещей, слѣдилъ за текущею литературой, охотно читая романы, повѣсти и стихотворенія, словомъ, онъ по всему, казалось, былъ человѣкомъ жизни; но все, что являлось въ жизни, онъ переводилъ тотчасъ на идеи, мыслилъ о жизни, но никакъ не могъ извлечь изъ опытовъ ея ни убѣжденій, ни знанія, ни умѣнья проявить свои мысли въ чемъ-нибудь, кромѣ книгъ. Онъ могъ говорить о всякомъ житейскомъ дѣлѣ умно и разсудительно въ общихъ видахъ или съ общей точки зрѣнія, но сдѣлать порядочно ни одного такого дѣла, не смотря на чистыя свои намѣренія, онъ не былъ въ состояніи. Въ размышленіи о дѣлахъ, въ писаніи сочиненій, въ чтеніи лекцій истощался весь запасъ его нравственныхъ силъ, такъ что для всего остальнаго у него не оставалось ни предпріимчивости, ни мужества, ни воли. И натиску враждебныхъ обстоятельствъ онъ могъ противопоставлять одно терпѣніе, а не усилія и мѣры защиты. Онъ былъ врагомъ всякой искусственной напряженности поведенія и всякихъ крайностей. Ровное, естественное, спокойное движеніе силъ, какъ въ самомъ себѣ, такъ и внѣ себя, было для него самымъ вожделѣннымъ состояніемъ, хотя и зналъ онъ, какъ оно было трудно достижимо. Его неизмѣнная кротость, добродушіе, мягкосердечіе дѣлали его совершенно неспособнымъ наносить людямъ и малѣйшее огорченіе; но самъ онъ былъ открытъ со всѣхъ сторонъ для нападеній, если бы кому вздумалось ихъ дѣлать: не смотря на свой умъ и знаніе людей, ихъ общихъ нравовъ, ихъ отношеній, гдѣ эгоизмъ играетъ такую важную, если не главную роль, въ частности, въ сношеніяхъ своихъ со всякимъ отдѣльнымъ лицемъ онъ былъ довѣрчивъ, какъ настоящее дитя. Не было также человѣка менѣе его способнаго выставлять въ благопріятномъ свѣтѣ свои ученыя достоинства, свои заслуги, или упорно отстаивать свое мнѣніе, единственно потому что оно было его. Всякая полемика была ему противна; онъ шелъ своимъ путемъ въ жизни и въ наукѣ, считая его за лучшій и удобнѣйшій для себя и не мѣшалъ никому идти своимъ. Онъ любилъ общество, но являлся только въ кругу людей ему близкихъ, и здѣсь видѣли его всегда веселымъ, оживленнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ не любилъ разговоровъ, отягченныхъ ученостію и сужденіями о предметахъ, о которыхъ можно размышлять только въ тиши кабинета. „Пріятельская бесѣда, говорилъ онъ, не то, что трудъ; это отдыхъ. Пусть собирающіеся

вмѣстѣ для удовольствія играютъ, если угодно, хоть въ мячъ. Но странно было бы, вмѣсто легкаго шара, начиненнаго воздухомъ, перебрасываться камнями, которыми неравно угодишь кому-нибудь и въ лобъ". „Еще и то надобно помнить, говорилъ онъ также, что кто въ обществѣ ищетъ только разсѣянія своей скуки и потому часто приноситъ ее туда съ собою, тому лучше оставаться дома и скучать одному. Положимъ, что мы въ правѣ ожидать отъ пріятелей нашихъ участія въ нашихъ скорбяхъ; но для изъявленія его есть другое мѣсто, и существуютъ другіе пріемы, а собраніе для простой бесѣды, или, какъ говорится, для препровожденія времени, не есть лазаретъ, куда приходятъ больные дурнымъ расположеніемъ духа лѣчиться. Всякій, являющійся туда, есть вкладчикъ, который обязанъ внести свою лепту въ общій капиталъ невинныхъ удовольствій, и никому не слѣдуетъ искать себѣ удобства на чужой счетъ". Галичъ не былъ краснорѣчивъ; онъ говорилъ тихо, спокойно, безъ увлеченія и аффектацій. Тѣмъ не менѣе рѣчи его были очень занимательны по своей оригинальности, по своему юмору и ироніи, составлявшимъ отличительныя черты его ума. Слушая его, вы убѣждались, что этотъ человѣкъ, такъ удалявшійся, повидимому, отъ серіознаго тона, готовый останавливаться на мелочахъ, мѣтитъ гораздо дальше того, что высказываетъ, и если бы не было извѣстно его добродушіе, то можно бы усомниться, не подшучиваетъ ли онъ, подобно древнему мастеру ироніи, Сократу, надъ своими собесѣдниками. Этого однако никто не боялся; всѣ знали, что въ его остроумныхъ, мѣткихъ выходкахъ нѣтъ никакихъ частныхъ примѣненій, и что все въ этихъ выходкахъ относится къ общему его міросозерцанію и къ общимъ взглядамъ на людей и на ихъ страсти и отношенія.

Самое видное, наиболѣе выдающееся качество въ характерѣ Галича была любовь его къ наукѣ. Онъ любилъ ее не потому, что она вмѣнялась ему въ обязанность, вошла ему въ привычку или доставляла ему извѣстное положеніе въ обществѣ, а потому что вполнѣ чувствовалъ себя призваннымъ къ ней, и только къ ней одной, и потому любовь его была безграничная и глубокая. Онъ и обращался съ наукою честно и благоприлично. Имѣя дѣло съ такою изъ ея отраслей, гдѣ мысль находитъ широкій просторъ, и гдѣ, повидимому, допускается такъ много гипотетическаго, онъ не позволялъ себѣ ни легкихъ произвольныхъ гаданій, ни малѣйшаго отступленія отъ условій строгаго научнаго метода. Основательное всестороннее знакомство съ источниками его науки на древнихъ классическихъ языкахъ и почти

на всѣхъ новѣйшихъ языкахъ Европы доставляло ему богатыя пособія для тщательной разработки своего предмета, для точныхъ сравненій, повѣрки выводовъ и проч. И даже тогда, когда онъ излагалъ своимъ слушателямъ Шеллингово ученіе съ признаками своей симпатіи къ нему, онъ, какъ мы видѣли уже, слишкомъ былъ далекъ отъ того, чтобы скрѣплять сообщаемыя имъ идеи словами въ такомъ родѣ: „Это не подлежитъ разбору и пересмотру, потому что учитель такъ сказалъ". Соблюдая строгую связь и отчетливость въ своемъ мышленіи, онъ требовалъ того же и отъ своихъ учениковъ и особенно настаивалъ на томъ, чтобъ они привыкали къ постоянству и выдержанности въ трудахъ мысли. „Я предупреждаю васъ, господа, говорилъ онъ часто въ началѣ своихъ чтеній, что предметъ нашъ очень отвлеченнаго свойства и можетъ показаться вамъ сухимъ и непривлекательнымъ, хотя тѣмъ не менѣе онъ составляетъ важную часть въ системѣ человѣческаго образованія. Его нельзя одолѣть иначе, какъ продолжительнымъ, послѣдовательнымъ умственнымъ трудомъ. О насъ, Русскихъ, идетъ молва, что мы большіе мастера присвоивать себѣ результаты чужаго мышленія и чужой ученой разработки и безъ дальнихъ околичностей доводить ихъ даже до крайностей, вовсе не заботясь о томъ, какимъ путемъ трудныхъ изысканій и опытовъ они достигнуты. А вѣдь могло бы случиться что идя сами этимъ путемъ, мы достигли бы совершенно другихъ результатовъ, такъ какъ на немъ безпрестанно попадаются повороты то въ ту, то въ другую сторону и разные неожиданныя встрѣчи, и мы, находясь въ необходимости заглядывать въ лицо встрѣчнымъ и поперечнымъ сопутникамъ и противопутникамъ и знакомясь съ ними, могли бы пріобрѣтать много такого, чего никакъ не добудешь отъ разказчиковъ или взявшихся быть нашими вожатыми". Въ юношахъ, прилѣпившихся къ нему ради науки, онъ никакъ не хотѣлъ видѣть поклонниковъ своей особы, ни приверженцевъ своихъ идей. Облекшись въ скромное достоинство представителя науки, онъ уже не заботился ни о какихъ другихъ аттрибутахъ и украшеніяхъ и былъ совершенно чуждъ всякихъ личныхъ притязаній, всякихъ посягательствъ на возбужденіе такихъ чувствованій и идей, какія не изъ науки истекаютъ. Онъ вовсе не годился ни для снисканія шумной популярности, ни для пропаганды.

Обратимся къ характеристикѣ направленія и главныхъ свойствъ, какими отличался Галичъ въ сферѣ своей науки. Философія имѣла у насъ два рода дѣятелей. Одни, бывъ призваны офиціально къ пре-

подаванію философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣли въ виду единственно внѣшнюю, техническую ея сторону. Обязанные передавать ее своимъ слушателямъ по данной имъ программѣ и руководствамъ, они не проникались живою мыслью и духомъ своей науки; забота ихъ исключительно обращена была на то, чтобы матеріалы ея и содержаніе, каковы бы они ни были, представить въ рамахъ установившейся и требуемой научно-философской формы. Другіе, вообще понимавшіе задачу науки глубже и серіознѣе, не довольствовались этимъ безжизненнымъ философскимъ формализмомъ и стремились посредствомъ новыхъ ученій дать ей характеръ, болѣе соотвѣтственный требованіямъ развивающейся мысли, и связать ее съ другими великими интересами духа. Подобныя покушенія начали обнаруживаться въ нашей ученой и умственной средѣ, конечно, въ позднѣйшее время. Но какъ бы то ни было, философія постоянно составляла часть нашего научнаго образованія. Эта философія, какъ наука, начинается у насъ съ возвращеніемъ Россіи Кіева. Въ тамошней академіи, устроенной по образцу западныхъ учебныхъ заведеній, она преподавалась наравнѣ съ другими науками, входившими въ высшій учебный курсъ; она составляла въ немъ особый классъ, непосредственно слѣдовавшій за классами риторики и піитики и предшествовавшій изученію богословія. Тутъ во всей своей силѣ господствовала средневѣковая схоластика, и единственнымъ наставникомъ философіи признаваемъ былъ Аристотель. Въ 1682 въ Москвѣ образовалась по тѣмъ же самымъ началамъ, какъ и въ Кіевѣ, Славяно-Греко-Латинская академія, въ уставѣ коей положено было преподавать философію *разумительную, естественную и нравную*. Въ семинаріяхъ, возникшихъ потомъ, она также составляла необходимую часть учебнаго курса. Такимъ образомъ настоящее начало философіи у насъ положено было въ духовныхъ заведеніяхъ, которыя и въ послѣдствіи оставались главными ея разсадниками. Имъ болѣе всего и обязаны мы внесеніемъ въ нашу мыслительность философскаго элемента, и если тутъ преобладала еще та формальная сторона науки, о которой мы сейчасъ говорили, то все-таки нельзя никакъ отрицать и въ этой недостаточной философіи важной образовательной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ услуги, оказанной ею нашему просвѣщенію. Не возбуждая и не развивая новыхъ идей, она помогала лучше управляться съ тѣми, какія уже существовали въ умахъ.

Съ теченіемъ времени въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ положенная въ основаніе Аристотелевская схоластика уступила мѣсто Лейб-

нице-Вольфіанской философіи, руководителями коей были у насъ сперва Христіанъ Баумейстеръ, а потомъ Винклеръ, ничѣмъ не уступавшій Баумейстеру и ничѣмъ его не превосходившій. Въ кругъ свѣтскаго образованія философія вошла у насъ съ основаніемъ Московскаго университета. Первыми ея профессорами изъ Русскихъ были Аничковъ и Брянцевъ. Оба они строго держались Вольфа. Но тамъ же послѣ нихъ преподавалъ нѣкоторое время философію (1804—1810 года) вызванный изъ-за границы нѣмецкій ученый, пользовавшійся въ своемъ отечествѣ заслуженною извѣстностію, Буле. Онъ старался дать философіи болѣе живое направленіе, знакомя своихъ слушателей съ современными ему ученіями въ Германіи. Не владѣя однако русскимъ языкомъ, онъ истощался въ добросовѣстныхъ, но тщетныхъ усиліяхъ. Слушатели его не понимали туманно выраженныхъ положеній о самыхъ трудныхъ вопросахъ философіи [1]). Вообще этой наукѣ, какъ особому учебному предмету, въ Московскомъ университетѣ не счастливилось. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія И. И. Давыдовъ возбудилъ было къ ней живое сочувствіе не столько сущностію дѣла, сколько своею личностію, такъ какъ онъ пользовался тогда въ Москвѣ репутаціей даровитаго и краснорѣчиваго преподавателя. Но онъ успѣлъ прочесть только одну вступительную лекцію (1826 года), выразивъ въ пышныхъ словахъ высокое значеніе Шеллингова ученія.....

Замѣчательно однако, какъ велика наклонность мысли человѣческой простираться далѣе всяческихъ преградъ, противопоставляемыхъ ей извнѣ. Когда ей недостаетъ широкаго открытаго пути, она незамѣтно прокладываетъ себѣ тропинки въ сторонѣ или проселочными дорогами пробирается къ тому, чего ей сильно хочется, и въ чемъ она видитъ свое добро. Гони ее въ дверь, она влетитъ въ окно или даже пролѣзетъ въ щель. Съ закрытіемъ каѳедры философіи въ университетѣ, умы, жаждущіе ея ученій, лишились средствъ удовлетворить своей потребности; но скоро представился имъ другой къ тому способъ. Между членами университета находился одинъ изъ даровитѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ, Павловъ. Онъ занималъ каѳедру сельскаго хозяйства; при этомъ онъ обладалъ обширными философскими познаніями. Онъ преподавалъ также физику и

---

[1]) За то же они и отплатили ему слѣдующею эпиграммой:

Господинъ профессоръ Буле,
Ты намъ строилъ чорта въ стулѣ.

такимъ образомъ могъ переходить, какъ это ни казалось необыкновеннымъ въ одномъ и томъ же лицѣ, отъ Теэра къ Шеллингу и Окену, которыхъ идеи усвоилъ себѣ, бывъ за границею. Чтенія его, проникнутыя этими идеями, особенно въ 1823 году возбуждали всеобщій восторгъ въ Московской публикѣ; аудиторія его была всегда переполнена слушателями, между которыми находились не только молодые люди, но и почтенные мужи. Впрочемъ Павлова недолго занимали философскія умозрѣнія; получивъ отъ правительства порученіе заняться устройствомъ земледѣльческаго хутора, онъ обратился исключительно къ практической части своей ученой спеціальности, сельскаго хозяйства, что̀ продолжалось до самой смерти, постигшей его въ 1840 году. Въ первые годы царствованія императора Александра I возникли, какъ извѣстно, два новые университета, въ Харьковѣ и въ Казани, и философіи открылось новое поприще. Въ Харьковѣ на нѣкоторое время она явилась даже въ неожиданномъ блескѣ съ профессоромъ Шадомъ, но съ нимъ быстро и померкла. Шадъ былъ отличный ученый и урожденный философъ. Онъ преподавалъ философію на латинскомъ языкѣ, въ духѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ ученій, написалъ и издалъ въ 1812 году логику, а въ 1814 году естественное право, но вскорѣ за тѣмъ былъ удаленъ за границу. Не смотря на многозначительное достоинство лекцій Шада, надобно полагать, что онѣ не много содѣйствовали философскому образованію въ Харьковскомъ юношествѣ. Главнымъ препятствіемъ для Шада, какъ и для профессора Буле, безъ сомнѣнія, было незнаніе русскаго языка, что̀, при новости самихъ идей, дѣлало чтенія ихъ мало доступными слушателямъ. Преподаваніе философіи въ Казани до двадцатыхъ годовъ ознаменовалось, кажется, только изданіемъ въ свѣтъ въ 1813 году курса одного изъ бездарнѣйшихъ послѣдователей Канта, Снеля, въ переводѣ Лубкина и Кондырева.

Съ двадцатыхъ годовъ вообще въ литературѣ нашей и молодомъ учащемся поколѣніи возбудилось вдругъ стремленіе къ философской мыслительности. Разумѣется, это внезапное движеніе въ началѣ было похоже болѣе на смутное броженіе идей, чѣмъ на стройную дѣятельность мысли; но оно доказывало, что въ нашу умственную среду вторгся новый элементъ, что этотъ элементъ вышелъ изъ нѣдръ философіи, и что такъ или иначе умы взалкали пищи, какой дотолѣ они мало находили въ нашей наукѣ. Явились періодическія изданія съ философскими стремленіями, каковы напримѣръ, *Мнемозина*, позже *Московскій Вѣстникъ*, *Телескопъ*. Все философское, что̀ заключалось

въ этихъ изданіяхъ и что проникло въ молодые умы, конечно, было занесено изъ Германіи. Но не однимъ случайно попавшимъ въ среду нашу идеямъ надобно приписать это новое настроеніе мыслей: преимущественно оно было слѣдствіемъ новаго духа, возникшаго въ преподаваніи философіи въ школахъ. Естественный ходъ умственнаго развитія, несмотря на его недавнее пробужденіе у насъ, на заимствованный и подражательный его характеръ и на разныя другія неудобства, привелъ всетаки лучшіе умы наши къ воззрѣніямъ на науку вообще, и на философію въ особенности, болѣе согласнымъ съ духомъ и внутреннимъ значеніемъ послѣднихъ. На каѳедрѣ философской начали появляться лица, которыхъ не могла уже удовлетворить одна систематика и Вольфіанскій формализмъ, лица, не только хорошо знакомыя съ новымъ движеніемъ и требованіями науки въ Германіи, но и способныя самостоятельно ихъ обсуживать. И они, конечно, заимствовали главныя положенія, идеи науки и цѣлыя системы изъ чужихъ источниковъ; но это заимствованіе не было уже однимъ простымъ механическимъ копированіемъ извѣстныхъ учебниковъ, а было сознательнымъ, живымъ принятіемъ того, что они считали за важнѣйшее и лучшее. Конечно, это былъ родъ эклектизма; но и разумный эклектизмъ былъ уже важнымъ шагомъ впередъ. Онъ предполагаетъ и критическій взглядъ на философскія ученія, и убѣжденіе въ томъ, что слѣдуетъ или чего не слѣдуетъ допускать въ собственныхъ понятіяхъ. Да эклектизмъ едва-ли и не есть самый приличный способъ философствованія для тѣхъ, которые недавно явились на поприще науки и не на столько еще богаты ея опытами, не на столько еще успѣли развернуть творческія силы своего ума, чтобы, такъ-сказать, отъ своего имени, предъявить міру самостоятельно начатое и доконченное зданіе своихъ убѣжденій. Имъ предстоитъ еще осмотрѣться и укрѣпиться въ области, куда они нѣсколько опоздали войдти. Впрочемъ и нѣтъ никакой бѣды оставаться на нѣкоторое время эклектиками, лишь бы этотъ путь избранъ былъ свободно и добросовѣстно. Какъ бы ни вѣровали мы въ свои умственныя силы, а все-таки приходится прежде учиться, а потомъ уже учить другихъ.

Мы видѣли, что изученіе философіи началось и преимущественно продолжалось въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ нихъ же возникъ и обновляющій ее духъ, и именно въ академіяхъ С.-Петербургской и Московской. Первымъ реформаторомъ философіи въ Петербургской академіи является *Феслеръ,* вызванный изъ-за границы въ 1809 году первоначально для преподаванія еврейскаго языка. На-

чальство академическое, замѣтивъ изъ представленныхъ имъ трудовъ особенное философское направленіе, поручило ему преподаваніе философіи. Феслеръ былъ человѣкъ съ обширными и разнообразными свѣдѣніями, но въ то же время и съ необыкновенно пылкимъ воображеніемъ, которое слишкомъ далеко увлекало его въ высшія сферы умозрѣній. Онъ принялъ за основаніе своихъ лекцій идеи Шеллинга. Идеи эти сами по себѣ заключали уже возможность мистическаго настроенія, которому, какъ извѣстно, не былъ чуждъ и самъ виновникъ ихъ въ позднѣйшее время. Феслеръ предупредилъ его на этомъ пути. Роковое и соблазнительное положеніе, что высочайшія истины постигаются единственно посредствомъ *умственнаго созерцанія,* вовлекло Феслера въ лабиринтъ умозаключеній и идеаловъ, для выхода изъ котораго на настоящій дѣйствительный свѣтъ трудно было найти Аріаднину нить. Неудивительно, что его ученіе встрѣтило сильнаго противника въ умномъ, просвѣщенномъ архіепископѣ Рязанскомъ Өеофилактѣ [1]). Въ замѣчаніяхъ своихъ, представленныхъ имъ на конспектъ Феслера, онъ энергически возсталъ противъ всякой идеалистической односторонности и доказывалъ, что изъ системы, опирающейся на одни такъ-называемыя врожденныя идеи и отвергающей свидѣтельство чувствъ

---

[1]) Преосвященный Өеофилактъ отличался значительнымъ философскимъ образованіемъ, доказательствомъ чему, между прочимъ, служитъ переведенное подъ его руководствомъ студентами Александро-Невской духовной академіи сочиненіе Ансильйона: *Эстетическія разсужденія*, изд. 1813 года. Книга эта между разными то схоластическими, то легкими, у Французовъ заимствованными понятіями о предметахъ изящнаго была у насъ свѣтлымъ явленіемъ въ свое время. Переводъ ся отличался прекраснымъ, новымъ, правильнымъ и яснымъ языкомъ. *Эстетическія разсужденія* замѣчательны еще тѣмъ, что послужили поводомъ къ полемикѣ между знаменитымъ Филаретомъ, бывшимъ тогда ректоромъ академіи, и преосвященнымъ Өеофилактомъ. Филаретъ слишкомъ строго осуждалъ нѣкоторыя мысли въ этихъ трактатахъ, находя ихъ противорелигіозными. Надобно отдать справедливость Өеофилакту, что онъ отражалъ эти нападенія съ большимъ искусствомъ, умомъ и тонкостію, защищая философію отъ возводимыхъ на нее нареканій. Кромѣ переведенныхъ имъ самимъ и изданныхъ: *Утѣшеній философіи* Боэція (Спб., 1794 года), *Врачества отъ унынія и отчаянія* (Калуга, 1805), *и начало противъ безвѣрія* Камюзе (Калуга, 1806), ему же принадлежитъ еще одинъ переводъ чрезвычайно замѣчательной книги съ англійскаго языка подъ названіемъ *Созерцаніе христіанства*, въ которой божественныя истины христіанства съ необыкновенною силою и убѣдительностію изъясняются и доказываются изъ чистаго разума. Она напечатана въ 1803 году съ дозволенія св. синода и нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость. Авторъ ея, бывшій членомъ англійскаго парламента, — *Женингсъ,* родившійся въ 1704 и умершій въ 1787 году.

и опыта, нельзя извлечь никакихъ существенныхъ и вѣрныхъ истинъ. Слѣдствіемъ этого протеста было то, что Феслеръ долженъ былъ оставить каѳедру философіи. Въ академіи въ преподаваніи философіи настала реакція; положено было возвратиться къ Вольфу и Винклеру. Но какъ всякая реакція, направленная вдругъ и противъ злоупотребленія новой вещи, и противъ ея сущности, сдѣлавшейся потребностію времени, она не могла быть продолжительна и должна была уступить тому, что̀ въ новомъ было справедливаго и полезнаго. Заступившій мѣсто Феслера профессоръ фонъ-Хорнъ объявилъ, что онъ приметъ въ руководители Винклера не иначе, какъ съ правомъ подвергать его строгой критикѣ, такъ какъ вообще Вольфіанская школа, послѣ сдѣланныхъ наукою успѣховъ, оказывается во многомъ несостоятельною [1].

Не смотря на весьма кратковременное свое пребываніе въ академіи, Феслеръ успѣлъ возбудить въ умахъ академическаго юношества новыя философскія идеи, которыя не пропали даромъ; ими одушевились многіе изъ его слушателей, и когда иные изъ нихъ сами сдѣлались наставниками, то поспѣшили познакомить съ ними и своихъ учениковъ. Вотъ что̀ говоритъ одинъ изъ даровитѣйшихъ питомцевъ Московской духовной академіи, покойный Н. И. Надеждинъ, въ одной изъ своихъ неизданныхъ записокъ, которую онъ намъ передалъ при своей жизни:

„Я учился у учениковъ Феслера и знаю, какой энтузіазмъ возбуждало въ нихъ одно воспоминаніе, одно имя великаго учителя. Дѣйствительно, то немногое, что̀ онъ успѣлъ сообщить имъ, было исполнено такой жизни, облито такимъ свѣтомъ, что душа, чувствующая потребность и силу мыслить, естественно должна была покориться непреодолимому магическому очарованію.

„Я самъ испыталъ это, продолжаетъ Надеждинъ; какимъ отраднымъ воздухомъ облегчилась юношеская грудь моя, когда я услышалъ благодатное изреченіе: ratio non rationatus, то-есть, умъ не состоитъ въ умозаключеніяхъ, или, другими словами, философія, наука ума, не есть искусство бодаться силлогизмами. А это въ первый разъ у насъ было сказано Феслеромъ. Онъ же первый заговорилъ, и заговорилъ языкомъ пламеннаго восторженнаго одушевленія, о блаженномъ ясновидѣніи истины чрезъ внутреннее око ума, о созер-

---

[1]) Фонъ-Хорнъ былъ адъюнктъ-профессоромъ по части богословскихъ наукъ въ Геттингенѣ. Въ 1807 году его вызвали въ Россію для занятія въ Дерптскомъ университетѣ каѳедры богословія и церковной исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ и философію религіи, а въ 1810 году былъ опредѣленъ профессоромъ философіи въ Александро-Невскую духовную академію (см. Исторію этой академіи г. Чистовича).

цаніи всего въ безусловномъ единствѣ вѣчной и безпредѣльной идеи Божества, о высокомъ достоинствѣ нашей души, носящей и сознающей въ себѣ образъ этой идеи".

Въ отзывѣ этомъ слышится живое юношеское увлеченіе. Онъ, конечно, не доказываетъ правильнаго хода философскихъ изученій, гдѣ, повидимому, преобладали болѣе лиризмъ, субъективное начало чувства, чѣмъ трезвое и отчетливое изслѣдованіе истины; но онъ тѣмъ замѣчателенъ, что свидѣтельствуетъ объ усиленномъ рвеніи, съ какимъ молодое учащееся поколѣніе готово было устремиться на новый путь умственной дѣятельности.

Въ Московской духовной академіи дѣйствительно также совершился важный переворотъ въ преподаваніи философіи. Сперва Баумейстеръ и Винклеръ были смѣнены, и мѣсто ихъ заступилъ Карпе. Потомъ выступили на сцену новые молодые преподаватели, каковы Кутневичъ и Голубинскій. Не столь восторженные и односторонніе, какъ Феслеръ, гораздо умѣреннѣе и отчетливѣе его, они тѣмъ не менѣе возбуждали въ слушателяхъ своихъ горячее сочувствіе къ философіи, особенно Голубинскій, съ необыкновеннымъ искусствомъ, знаніемъ и критическою разборчивостію объяснявшій между прочимъ Канта, Фихте и Шеллинга. По свидѣтельству Надеждина, духъ философскаго мышленія сильно овладѣлъ тогда умами академическихъ юношей.

„Невозможно вообразить, говоритъ онъ, какое одушевленіе, какая, можно сказать, страсть къ философіи господствовала тогда въ уединенныхъ стѣнахъ Сергіевской лавры; когда я поступилъ въ студенты академіи въ 1810 году, тамъ уже находились цѣлые переводы (въ рукописи) Кантовой „Критики чистаго разума", „Эстетики" Буттервека, Шеллинговой „Философіи религіи", и т. п., — переводы, которые жадно списывались юношами, собранными изъ разныхъ концевъ неизмѣримой Россіи".

Въ 1833 году появилась книга, которая служила новымъ доказательствомъ, что философская мыслительность не только пробуждалась у насъ, но и начала пріобрѣтать болѣе твердости и своеобразія. Книга эта была *Введеніе въ философію* отца Ѳеодора Сидонскаго. Цѣль автора какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала потребностямъ нашей умственной среды, при началѣ въ ней философскаго движенія, — среды, нуждавшейся въ твердой постановкѣ основныхъ началъ философіи, опредѣленіи ея задачъ и указаніи способовъ къ ихъ рѣшенію. Существеннѣйшее достоинство названнаго нами сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ, совѣтуясь съ воззрѣніями великихъ учителей прежняго времени и ему современныхъ, подвергаетъ вопросы тѣ всестороннему

изслѣдованію и рѣшаетъ ихъ, какъ мыслитель самостоятельный, глубоко проникающій въ предметы, ясно дающій себѣ отчетъ въ каждой своей мысли и столь же ясно выражающій ее для другихъ. Книга отца Θ. Сидонскаго была важнымъ явленіемъ въ нашей философской литературѣ. Академія Наукъ оцѣнила достоинство ея и увѣнчала полною Демидовскою преміей.

Между лицами, содѣйствовавшими у насъ распространенію философскаго образованія, Галичъ безспорно занималъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Мы видѣли, что новое возбужденное движеніе въ области философіи преимущественно направлялось по пути, открытому Шеллингомъ. Цѣну ученія этого обширнаго, выспренняго ума, совмѣщавшаго въ себѣ Платона, Джіордано Бруно, Спинозу, время опредѣлило. Проблемы, которыя онъ старался разрѣшить, остались не разрѣшенными у него, какъ и у его предшественниковъ, равно какъ у наслѣдовавшаго за нимъ первенство въ наукѣ Гегеля; вѣроятно, онѣ останутся такими и навсегда. Да дѣло и не въ этомъ. Не нужно быть ни отчаяннымъ скептикомъ, ни матеріалистомъ, чтобъ убѣдиться въ несостоятельности метафизическихъ отвѣтовъ на метафизическіе вопросы. Умы сильные и наиболѣе наклонные къ идеализму не питаютъ сами увѣренности, что имъ открыты тайны творческой премудрости; но изъ непостижимости этихъ тайнъ они не выводятъ заключеній въ ущербъ ихъ божественно-разумному смыслу, подобно скептикамъ и матеріалистамъ. Во всякомъ случаѣ для насъ чрезвычайно важенъ рядъ міросозерцаній, которыхъ достигаетъ человѣчество не путемъ одного умственно-поэтическаго инстинкта, а путемъ строгихъ изысканій, путемъ развивающейся зрѣлой мысли, словомъ, путемъ науки. Каждая изъ главныхъ и важнѣйшихъ философскихъ системъ есть не иное что̀, какъ актъ одного изъ этихъ міросозерцаній, составляющій выводъ или итогъ всей образованности вѣка, всѣхъ его стремленій, надеждъ, колебаній и удостовѣреній, и въ этомъ отношеніи понять, изучить такую систему чрезвычайно поучительно, а изучить ее иначе нельзя, какъ ставъ на ея точку зрѣнія и проникнувшись ея духомъ. Поучительность эта усугубляется, когда система близка къ нашему времени, и когда, по господствующей въ ней міросозерцательной мысли, она наклоняетъ умы и сердца къ отраднымъ возвышеннымъ убѣжденіямъ и нравственнымъ истинамъ. Въ какой степени и въ какомъ смыслѣ Галичъ былъ шеллингистомъ, мы отчасти видѣли, сравнивая его съ Велланскимъ. Здѣсь мы припомнимъ разговоръ, который происходилъ между нимъ и однимъ изъ его учениковъ, спустя довольно долгое

время послѣ того, какъ этотъ слушалъ у него курсъ Шеллинговой философіи. Рѣчь зашла именно объ этой философіи. „Скажите, Александръ Ивановичъ, спросилъ онъ у Галича, можно ли сказать, что она рѣшаетъ удовлетворительно задачи, составляющія ея программу?“ Галичъ улыбнулся своею ироническою улыбкой и спросилъ у своего собесѣдника: „А вы сами какъ думаете? Находите ее удовлетворительною“? „И такъ и сякъ, отвѣчалъ онъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она меня удовлетворяетъ, въ другихъ нѣтъ.“ „Ну, я поставлю вопросъ иначе: чувствуете ли вы, что вамъ съ нею нѣсколько лучше, и вы сами, съ помощію ея, не сдѣлались ли немного лучшимъ?“ „О, да!“ „Ну такъ и довольствуйтесь этимъ. Тотъ философскій образъ мыслей есть самый для насъ приличный, который наиболѣе содѣйствуетъ намъ къ достиженію мира съ самимъ собою и съ другими. Счасливъ тотъ, чьи убѣжденія ближе къ истинѣ, но безъ убѣжденій жить нельзя“.

Изъ сказаннаго здѣсь уже видно, что для нашего философа въ Шеллинговой системѣ была дорога̀ не метафизическая ея сторона, а та жизненная струя, которая, такъ-сказать, протекала по всѣмъ изгибамъ ея, то одушевленіе ко всему благому и прекрасному, которое исходило изъ міросозерцанія, служившаго основою всѣхъ идей германскаго мыслителя. Но Галичъ зналъ, что эта лучшая сторона ученія не можетъ быть доступна какому-нибудь случайному или легкому набѣгу любопытствующаго ума, что ее надобно уразумѣть и усвоить путемъ правильнаго изученія не только всей системы, но и соприкосновенныхъ съ ней ученій, и что сила того, что̀ есть въ ней величественнаго и назидательнаго, только тогда сдѣлается ощутительною, когда система будетъ твердо поставлена на свои логическія опоры. Поэтому Галичъ изъяснялъ своимъ слушателямъ Шеллингово ученіе по строгому научному методу, избѣгая всякихъ аффектацій и лирической восторженности, и такимъ же образомъ изложилъ ее по нѣмецкимъ источникамъ и въ небольшомъ своемъ сочиненіи: *Черты умозрительной философіи*, Спб. 1829 года. Въ этой выдержанности и точномъ соблюденіи свойствъ научнаго метода и заключается отличительный характеръ философской дѣятельности Галича и важнѣйшая сторона его заслуги передъ философіей у насъ въ его время. На это могутъ однако сдѣлать замѣчаніе: вѣдь это же дѣлали и Вольфіанцы, а къ чему это повело? Но есть различіе между силлогистическимъ методомъ, который употребляли они, и методомъ синтетическаго *построенія*, которому слѣдовали ученики Шеллинга въ его духѣ и слѣдовалъ нашъ

философъ. Вольфіанцы, отвлекая понятія свои отъ дѣйствительности, выковывали, такъ-сказать, изъ нихъ, и изъ нихъ однихъ, цѣпь умозаключеній, и заботясь единственно о логическихъ ихъ соотношеніяхъ и правильности, довольствовались симметричностію положеній и строгою сомкнутостію системы; въ упоеніи ученой техники они забывали о жизни, что немногимъ отличало ихъ школу отъ старой схоластики. Но тѣ, которые употребляли способъ построенія, не выпускали изъ виду природы и жизни; чертежи и планы своей архитектоники они относили къ нимъ и старались прилаживаться къ ихъ требованіямъ и указаніямъ. Правда, они изъясняли ихъ по своему, по предвзятымъ идеямъ; но если у нихъ выходилъ міръ не совсѣмъ такой, какъ есть, то все-таки міръ, въ которомъ двигалась и кипѣла жизнь. Это было зданіе идеальное, напоминающее геній и стиль поэзіи, но не лишенное архитектоническаго величія въ цѣломъ, разнообразія, озаряющихъ свѣтлыхъ проблесковъ и присутствія жизненныхъ стихій въ частностяхъ. Если вы не удовлетворялись, да естественно и не могли удовлетвориться системою, какъ отраженіемъ дѣйствительности, то не могли же отказать ей въ удивленіи вашемъ, какъ высокому созданію творческой мысли человѣка, какъ одному изъ міросозерцаній, наиболѣе достойныхъ его разума.

Въ 1825 году Галичъ издалъ свой *Опытъ науки объ изящномъ*. Слишкомъ сжатое и отвлеченное изложеніе этой книги дѣлало ее доступною для немногихъ. За всѣмъ тѣмъ она составляетъ замѣчательное явленіе въ тогдашней нашей литературѣ, какъ первый опытъ философіи изящнаго и философіи искусства по новѣйшимъ началамъ. То, что въ свое время особенно могло благопріятно дѣйствовать на кругъ лицъ, занимавшихся эстетическими вопросами, это мысли о своеобразномъ и идеальномъ значеніи художественнаго творчества, объ идеалѣ, объ отношеніи искусства къ природѣ и проч. Какъ бы ни была оспариваема мысль, что искусство существуетъ для искусства, и какъ бы она ни казалась въ извѣстную эпоху несвоевременною, но несомнѣнно то, что принципъ эстетическихъ воззрѣній самъ по себѣ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ ходѣ развитія и образованія человѣческихъ обществъ. Онъ можетъ выразиться въ многоразличныхъ формахъ, допускать полную свободу творящаго генія, можетъ совпадать съ духомъ и разными требованіями общества и подлежать ихъ вліянію, но его личныя, такъ-сказать, значеніе и сила никогда отъ того не умалятся, а потому онъ всегда будетъ предметомъ обособленнаго наблюденія и изученія, какъ одинъ

изъ могучихъ факторовъ человѣческой жизни и исторіи. Каковы бы ни были методъ и пріемы этого изученія, всегда болѣе или менѣе успѣшныя усилія будутъ направлены къ тому, чтобы подойдти ближе къ началу и закону явленій, составляющихъ огромный и великолѣпный міръ искусства. Попытка Галича въ этомъ родѣ доказываетъ, что вступивъ на общій путь человѣческой образованности, мы не можемъ уже быть чужды ни многоразличныхъ вопросовъ ея, ни покушеній рѣшать ихъ.

Въ своихъ лекціяхъ, въ *Исторіи философскихъ системъ*, въ *Чертахъ умозрительной философіи*, въ *Опытѣ науки изящнаго* Галичъ строго держался научнаго метода, имѣя въ виду одно — способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, утвержденію въ своемъ отечествѣ, на прочныхъ основаніяхъ, зданія философіи, какъ науки. Но онъ былъ одержимъ еще другимъ желаніемъ, желаніемъ содѣйствовать распространенію между своими соотечественниками вообще философскаго пониманія предметовъ, заключающихъ въ себѣ наибольшую важность для жизни. Онъ слишкомъ былъ далекъ отъ намѣренія популяризировать слегка высшія понятія и полагалъ, что въ обществахъ всегда найдется только небольшое число людей, которые будутъ имѣть достаточно досуга, внутренняго призванія и дарованій, чтобъ основательно и серіозно углубляться въ вопросы, не связанные непосредственно съ нуждами и текущими заботами дня. Ему казалось, что во многихъ случаяхъ въ этой популяризаціи участвуетъ болѣе тщеславіе популяризаторовъ, чѣмъ существенная и прямая нужда огромной массы людей, и что если хорошо и полезно знакомить людей съ истинами, коихъ и пониманіе, и примѣненіе для нихъ удобно и возможно въ сферѣ ихъ дѣятельности, то вовсе нѣтъ никакой разумной причины сообщать имъ такія идеи, которыхъ они не могутъ усвоить себѣ иначе, какъ неполно и поверхностно; талантъ же или геній будетъ искать пищи и руководства не въ этихъ популярныхъ и летучихъ изысканіяхъ, а устремится туда, гдѣ великія истины уступаютъ только предъ упорными и непрерывными усиліями умовъ избранныхъ, гдѣ и самымъ этимъ умамъ, какъ Моисею, часто приходится только издали видѣть обѣтованную землю желаемаго знанія. Но съ другой стороны, Галичу было извѣстно, что есть такія истины, драгоцѣнныя для всякаго мыслящаго человѣка, за которыми не надобно спускаться въ Демокритовъ колодезь, и которыхъ общепонятное, наукою вспомоществуемое уясненіе и распространеніе составляетъ необходимость всякаго образованнаго общества.

Въ этихъ видахъ написана имъ *Картина человѣка* (изд. 1834 года), сочиненіе, заключающее въ себѣ полное ученіе о человѣкѣ. Вотъ что говоритъ авторъ въ предисловіи о назначеніи своего труда:

„Картина человѣка, выставляемая симъ въ публику, имѣетъ цѣлію не только способствовать успѣхамъ общей науки или философіи съ той стороны, которая для всѣхъ равно занимательна и по сей причинѣ должна быть каждому образованому равно доступна, но и доставить поучительное *утреннее* чтеніе именно любознательнымъ юношамъ, дѣловымъ людямъ, художникамъ, литераторамъ и наконецъ тому почтенному возрасту, который не можетъ уже находить пищи въ романахъ, драмахъ и періодическихъ листкахъ, но который любитъ *пріятное* только въ формѣ полезнаго".

Картина человѣка принадлежитъ исторіи отечественной науки, а потому на сочиненіе это нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія современной психологіи, успѣхи коей въ нѣкоторомъ отношеніи неоспоримы. Мы однако вовсе не допускаемъ превосходства послѣдней въ томъ, чтобъ она удовлетворительнѣе рѣшала главные вопросы человѣкознанія; этой удовлетворительности она представляетъ не болѣе, чѣмъ прежняя психологіи. Мы не видямъ еще большаго пріобрѣтенія въ томъ, что она не признаетъ въ душѣ врожденныхъ способностей, не допускаетъ дуализма и смотритъ на человѣка, какъ на обыкновенный продуктъ естественныхъ процессовъ въ образованіи и измѣненіяхъ нашей планеты. Много еще есть противорѣчащаго этимъ основнымъ понятіямъ, и человѣкъ едва-ли не сдѣлался по новѣйшей психологіи непонятнѣе, чѣмъ былъ прежде. Однакожь, скажутъ намъ, несомнѣнно, что индукція, руководящая современными психологическими изслѣдованіями, уничтожила многія иллюзіи и предразсудки, господствовавшіе въ прежней наукѣ о человѣкѣ. Правда; но это составляетъ только отрицательную заслугу новѣйшихъ ученій. А гдѣ положительная? Пока дѣло касается механическихъ отправленій въ нашемъ организмѣ, все идетъ довольно успѣшно; но лишь только изысканія перешагнутъ черту, отдѣляющую неосязаемую, невидимую сторону нашего существа отъ области, гдѣ по праву предоставлено дѣйствовать скальпелю и микроскопу, тамъ поражаетъ насъ та же тьма, та же роковая неизвѣстность о насъ самихъ, какія угнетаютъ человѣческій умъ уже цѣлыя тысячелѣтія. Отвергать душу въ человѣкѣ или утверждать, что мысль есть явленіе фосфорической жидкости, что человѣческія способности возникаютъ, какъ листья на деревѣ, изъ механическаго и химическаго движенія соковъ, и т. п., все это вовсе не значитъ сказать что-нибудь ясное и вразумительное. Да такъ ли это? Всегда будетъ рождаться вопросъ, а съ нимъ и сомнѣніе, что, можетъ-быть,

это и не такъ. Вотъ это утверждаютъ одни, а другіе утверждаютъ иное. Пускай матерія мыслитъ; но что же она такое, и какъ она можетъ мыслить, не бывъ ничѣмъ другимъ, кромѣ матеріи? Пускай нервы съ ихъ рефлексами, ассоціаціями ощущеній и проч. служатъ причинами начинаній нашей воли, да какъ изъ этого можетъ образоваться нравственный порядокъ вещей? Множество подобныхъ вопросовъ рождается и будетъ рождаться до окончанія вѣковъ, и менѣе всего на нихъ въ состояніи будутъ отвѣчать господа, изучающіе человѣка по аналогіи со всѣми естественными произведеніями, ибо если бы мы и допустили, что въ возникновеніи человѣческихъ умственныхъ и нравственныхъ явленій, съ одной стороны, и явленій физическихъ, съ другой, господствуетъ одинъ и тотъ же законъ, то первые въ настоящемъ своемъ видѣ сдѣлались уже столь противоположны послѣднимъ, столь своеобразны, столь, если можно такъ выразиться, не матеріальны и не физичны, что нѣтъ никакой возможности привести ихъ въ связь съ тѣмъ первоначальнымъ общимъ закономъ, доказать его власть надъ ними и посредствомъ его что-нибудь объяснить въ нихъ. Такимъ образомъ мы поставлены въ необходимость искать для нихъ другаго закона и другихъ объясненій.

Мы слишкомъ однако далеки отъ того, чтобы не желать продолженія изслѣдованій психологическихъ въ такомъ духѣ, какъ они нынѣ производятся. Отъ нихъ можетъ произойдти много хорошаго; главное, увеличится запасъ свѣдѣній о разныхъ явленіяхъ нашей внутренней жизни, и наука обогатится болѣе или менѣе точными ихъ описаніями. Важность этого описательнаго способа, этой, такъ-сказать, топографіи или статистики нашего внутренняго міра никто отрицать не станетъ. Но тутъ встрѣчается нѣкоторая опасность. Она состоитъ въ томъ, что съ этими описаніями часто соединяютъ выводы о самой природѣ и основныхъ законахъ силъ, движущихъ явленіями, съ чѣмъ вмѣстѣ затрогиваются и весьма важные интересы жизни. И какъ выводы эти вовсе не представляютъ ручательства въ своей истинности, да едва-ли и въ состояніи ихъ представить, то позволительно, по крайней мѣрѣ, желать, чтобъ они не были такъ рѣшительны и безапелляціонны, какъ это часто случается, и не посягали на тѣ изъ нашихъ удостовѣреній, которыя опытами вѣковъ доказали свою годность для практическихъ работъ нравственнаго міростроенія. Мы не хотимъ сказать, что пріятное заблужденіе лучше грустной истины, но полагаемъ, что не доказанная, да еще печальная истина ничѣмъ не лучше увѣренности, тоже недоказанной математически, но служащей источ-

никомъ многихъ великихъ и благотворныхъ для человѣчества послѣдствій. И нельзя не согласиться, что въ самихъ этихъ послѣдствіяхъ заключается справедливый поводъ къ принятію за истину начала, изъ коего они вытекаютъ, ибо ложь не въ состояніи произвести что-нибудь имъ подобное. По плодамъ познается древо.

Само собою разумѣется, что сочиненіе Галича не содержитъ въ себѣ тѣхъ психологическихъ открытій, какими надѣляетъ насъ новѣйшая психологія: онъ не могъ предупредить будущее. Обнимая вполнѣ духовную и нравственную сторону человѣка въ связи съ физическою, оно есть не иное что, какъ кодификація понятій, выработанныхъ наукою тогдашняго и до-тогдашняго времени. Напрасно однако авторъ думалъ, что сочиненіе его будутъ читать любознательные юноши, дѣловые люди, литераторы и проч. Можетъ-быть, они и читали бы его, еслибъ оно было не книгою, да еще и толстою, а статьею, дѣйствительно годною для утренняго прочтенія за чаемъ и сигарою. Но Галичъ „не могъ преодолѣть своей природы"; случилось то, чему слѣдовало случиться, судя по направленію и характеру автора: изъ подъ пера его вышло сочиненіе, расположенное въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, со множествомъ раздѣленій и подраздѣленій, словомъ, въ такой научной формѣ, что для него недостаточно было простаго, хотя и утренняго чтенія, а нужно было изученіе. Но во всякомъ случаѣ оно заслуживало этого изученія. Въ немъ, какъ и въ *Исторіи философскихъ системъ*, авторъ пользовался воззрѣніями, многими мыслями и изысканіями преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ; но въ то же время собранными имъ богатыми матеріалами онъ распоряжался совершенно самостоятельно, какъ мастеръ и знатокъ дѣла. Его собственныя размышленія и пріемы, его наблюденія и опыты, способъ изложенія, ему исключительно свойственный, все даетъ этому почтенному труду характеръ оригинальности, не совсѣмъ обыкновенной въ нашей литературѣ вообще и новой въ нашей литературѣ философской. Подобнымъ образомъ отозвалась о *Картинѣ человѣка* и Императорская Академія Наукъ въ отчетѣ своемъ о присужденіи ей Демидовской преміи. „Книга Галича, сказано въ немъ, отнюдь не есть простая компиляція, а безъ сомнѣнія, собственное достояніе автора, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій" [1]). Излагая разныя психическія явленія, авторъ не довольствуется изъясненіемъ ихъ ти-

---

[1]) Отчетъ Академіи Наукъ о четвертомъ присужденіи Демидовскихъ премій за 1834—1835 годъ, стр. 17.

пическихъ свойствъ: съ особенною проницательностію и знаніемъ онъ ищетъ примѣненія ихъ въ русскомъ обществѣ и нравахъ. Многія мѣста его книги содержатъ вѣрныя и живыя характеристики въ этомъ родѣ. Приведемъ еще слова академическаго отчета, съ которыми нельзя не согласиться.

„Въ сочиненіи Галича, говорится тамъ, господствуетъ строгая послѣдовательность мыслей, и авторъ, обдумывая здраво и со всѣхъ сторонъ предметъ, умѣетъ съ вѣрностію убѣдить читателя въ своихъ идеяхъ; оно способно поселить въ образованныхъ сословіяхъ много полезныхъ мыслей, разливая свѣтъ на разностороннія отношенія людей“.

Но отдавая справедливость автору за его прекрасный трудъ въ общемъ его характерѣ и содержаніи, академія осуждаетъ его за его причудливый, мѣстами насмѣшливый юмористическій тонъ въ изложеніи и слогѣ, который, по ея мнѣнію, во многихъ мѣстахъ, и болѣе всего въ тѣхъ, гдѣ дѣло идетъ о практической сторонѣ человѣка, не совмѣстенъ съ цѣлью и достоинствомъ цѣлаго сочиненія. Академія заявляетъ, что „во уваженіе большой общеполезности сочиненія Галича и удачно во всѣхъ отношеніяхъ выбранной и обработанной имъ матеріи, она не преминула бы назначить автору полную премію, еслибъ онъ умѣлъ лучше согласовать форму съ достоинствомъ своего предмета“. Вслѣдствіе этого Галичу была присуждена только половина преміи въ 2.500 рублей. Академія была совершенно права въ своемъ приговорѣ. Начертывая картину человѣка, Галичъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, „не могъ преодолѣть своей врожденной наклонности къ ироніи и юмору“. Что онъ способенъ былъ и умѣлъ поставить себя въ приличное и благоговѣйное отношеніе ко всѣмъ великимъ предметамъ и изображать ихъ даже съ одушевленіемъ глубокаго поэтическаго чувства, это доказываютъ уже тѣ мѣста въ *Картинѣ человѣка*, гдѣ онъ, напримѣръ, говоритъ о нравственной свободѣ, о геніѣ, о характерѣ, объ эстетическомъ и религіозномъ чувствѣ и проч. [1]). Но спускаясь въ низменную сферу текущихъ дѣлъ человѣческихъ, онъ не могъ воздержаться отъ насмѣшливой улыбки при видѣ зрѣлища, гдѣ человѣкъ дѣйствительно бываетъ очень забавенъ и впадаетъ истинно въ комическія положенія, то играя въ маленькія страсти, то гоняясь на шумной ловлѣ за житейскими благами [2]). Имѣя въ виду только ученую сторону психологическаго сочиненія, Академія не обязана была, подобно біографу, да и не могла изучать психоло-

[1]) См. Приложеніе IV.
[2]) См. Приложеніе V.

гическія свойства самого автора, по которымъ *Картина человѣка*, также какъ и его *Исторія философскихъ системъ*, не могла быть изложена въ другомъ, а не въ томъ тонѣ, въ какомъ она явилась. Академія поступила даже снисходительно, простивъ ему частыя нарушенія строгихъ дидактическихъ обычаевъ и наклонность къ поэтическимъ образамъ, что̀, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь ея духу терпимости и многостороннему ея воззрѣнію на вещи.

Галичъ зналъ превосходно отечественный языкъ, но употребляя его, придавалъ ему нѣкоторыя особенности, то произвольно угождая своему юмористическому капризу, то непроизвольно повинуясь необходимости вводить новыя слова и словосочетанія для выраженія такихъ философскихъ мыслей, для которыхъ языкъ нашъ еще не выработалъ соотвѣтственныхъ формъ. Нерѣдко онъ заимствовалъ нужное ему слово изъ сферы языка обыденнаго, разговорнаго, не гнушаясь и давно забытыми словами или такими, которымъ, казалось, не было мѣста въ строго научномъ философскомъ изложеніи. Многія изъ нихъ, не смотря на то, что занимали, повидимому, не принадлежащее имъ по праву мѣсто, облагороживались, такъ-сказать, важностію ввѣряемаго имъ понятія, не вредили его достоинству, а главное, обозначали мѣтко и рельефно выставляемый на видъ его оттѣнокъ. Галичъ болѣе всего заботился о томъ, чтобъ у него не было *сплошныхъ* выраженій, чтобы понятія не сливались въ его рѣчи, а выходили сколь возможно раздѣльнѣе, сохраняя вполнѣ и за собою, и за цѣлою мыслію ту характеристическую физіономію и тонъ, какіе имъ свойственны, или какіе авторъ хотѣлъ имъ дать. Но построеніе его рѣчи представляетъ для читателя своего рода неудобства. Постоянное, укоренившееся въ пріемахъ его мысли стремленіе къ систематикѣ обнаруживается, какъ мы уже разъ замѣтили, и въ оборотахъ его рѣчи. Причиной этого между прочимъ было, безъ сомнѣнія, долговременное его обращеніе въ кругу нѣмецкой мыслительности, готовой, какъ извѣстно, скорѣе пренебречь очевидностію извѣстныхъ положеній, чѣмъ отказаться отъ желанія обставить ихъ всѣми надобными и ненадобными тонкостями логической архитектоники. Такъ какъ подобное усиліе господствуетъ тамъ въ каждой отдѣльной мысли, то отсюда происходятъ въ выраженіи и накопленіе эпизодическихъ частностей и искусственность въ ихъ распредѣленіи, которыя столь затрудняютъ пониманіе читателя. Умъ читателя на каждомъ шагу принужденъ останавливаться, претыкаясь о какой-нибудь неожиданно высунувшійся уступъ или уголъ абстрактнаго свойства, или уклониться далеко въ

сторону отъ главной идеи, и пока онъ доберется до ея центра, собранные имъ матеріалы уже разсыпались, и ему приходится снова начинать ту же умственную работу. Всего досаднѣе бываетъ, когда трудъ этотъ пропадаетъ даромъ, когда достигнувъ такимъ тяжелымъ путемъ вершины преслѣдуемой вами мысли, вы также мало удовлетворяетесь добытымъ результатомъ относительно самаго вопроса, подавшаго поводъ къ подобнымъ словоизвитіямъ, какъ и въ началѣ вашего восхожденія. Говорятъ, это хорошо, потому что изощряетъ умственныя способности, содержа ихъ въ постоянномъ движеніи и дѣятельности. Но было бы слишкомъ неразчетливо издерживать на гимнастику силы, какія намъ нужны для существенныхъ и плодотворныхъ работъ. Сокращеніе труда и времени по справедливости считается важнымъ успѣхомъ въ техникѣ человѣческой производительности. Жизнь коротка, дѣла у людей много; притомъ же не только работать, но и жить надобно. Къ чему же произвольно и въ угоду какой бы то ни было, хотя бы и ученой, суетности налагать на себя тягости, въ ношеніи коихъ состоитъ вся заслуга?

Всего этого, разумѣется, мы не относимъ къ нашему философу, не расточавшему даромъ словъ и очень хорошо понимавшему различіе между складомъ ума нѣмецкаго и русскаго. При всемъ томъ можно было надѣяться, что Галичъ, при извѣстной отчетливости своихъ философскихъ воззрѣній и опредѣленности своего образа мыслей, при неоспоримомъ его основательномъ знаніи отечественнаго языка, устранитъ въ своей рѣчи эту нѣкоторую, такъ-сказать, тягучесть и узловатость ея нити, которыя напоминаютъ слишкомъ сложный механизмъ мышленія и мѣшаютъ скорому умственному сближенію читателя съ авторомъ. Можно было бы поэтому требовать, чтобы рѣчь его была подвижнѣе, легче и глаже, точно также какъ и въ другихъ отношеніяхъ можно было бы требовать отъ него еще многаго. И не обо всякомъ ли высшемъ дѣятелѣ слѣдуетъ сказать то же? Всякій изъ нихъ, сходя въ могилу, оставляетъ по себѣ свое дѣло не довершеннымъ, какъ бы во свидѣтельство того, что занимавшіе его и другихъ великіе вопросы составляютъ не ихъ исключительную работу, но работу вѣковъ и многихъ грядущихъ поколѣній. Не будемъ же къ нимъ неблагодарны, подобно тѣмъ людямъ, не отличающимся благородствомъ чувствованій, которые думаютъ объ одномъ, какъ бы въ неизбѣжныхъ несовершенствахъ своихъ предшественниковъ и учителей найдти предлогъ не платить имъ ничѣмъ за полученное отъ нихъ добро.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Вотъ всѣ сочиненія, изданныя Зябловскимъ: 1) *Начальныя основанія лѣсоводства*, 1804 года, принятыя въ руководство въ училищѣ корабельной архитектуры. 2) *Новѣйшее землеописаніе Россійской Имперіи*, съ губернскими гербами и мундирами, 2 части, 1807 г. 3) *Землеописаніе Россійской Имперіи*, для всѣхъ состояній, VI томовъ, 1810 г. Сочиненія эти многократно были дополняемы, сокращаемы, обновляемы и вновь издаваемы и служили тогда единственными руководствами по русской географіи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 4) *Курсъ всеобщей исторіи*, читанный въ педагогическомъ институтѣ для чиновниковъ гражданской службы, 1811—1812 г. 5) *Географія всеобщая и русская*, въ 3-хъ томахъ, 1831 г. Сверхъ того еще въ 1791 и 1792 годахъ Зябловскій издалъ описаніе своего путешествія по бывшей Колыванской губерніи. Неудивительно, что имя Зябловскаго пользовалось въ свое время огромною извѣстностію въ нашемъ учебномъ мірѣ. Зябловскій вообще былъ такимъ достопримѣчательнымъ лицемъ, что я считаю не лишнимъ прибавить здѣсь для характеристики его нѣсколько моихъ собственныхъ воспоминаній о немъ, заимствуя ихъ изъ моихъ записокъ о времени, когда я самъ былъ студентомъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Когда-то, разумѣется, давно уже, у насъ было распространено мнѣніе, что учитель и вообще ученый человѣкъ долженъ непремѣнно отличаться странностями и внѣшностію хоть немножко походить на медвѣдя. Зябловскій отчасти служилъ оправданіемъ этого мнѣнія. Всѣ его движенія, манеры, ухватки были какъ-то особенно тяжелы и угловаты. Съ этимъ вполнѣ согласовалась постоянная угрюмость его физіономіи; глядя на него, можно было смѣло поручиться, что онъ никогда не былъ знакомъ съ улыбкою, и что даже мускулы лица его вовсе не были способны произвести ее, хотя бы душа его и захотѣла этого. Вамъ какъ-то дѣлалось неловко при его появленіи, и все казалось, что вотъ онъ сейчасъ кого-то свирѣпо выбранилъ или былъ выбраненъ самъ. Со студентами онъ обращался рѣшительно какъ съ маленькими школьниками. Однажды, во время его ректорства, нѣсколько новичковъ-студентовъ пришли поздравить его съ новымъ годомъ. Онъ вышелъ къ нимъ въ обыкновенномъ своемъ домашнемъ нарядѣ, въ халатѣ глубокой древности, испещренномъ всевозможными пятнами, и съ обычною своею суровостію спросилъ ихъ: „Зачѣмъ они пришли?“ „Поздравить васъ съ праздникомъ“, отвѣчали юноши. „Поздравить съ праздникомъ“ — сказалъ онъ, махнувъ какъ-то странно рукою, — „лучше бы вы сидѣли дома, да занимались дѣломъ“. Подобнымъ же образомъ онъ отвѣчалъ на поздравленіе другихъ студентовъ съ пожалованьемъ его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Слово „превосходительство“, которымъ они его привѣтствовали, думая тѣмъ сдѣлать ему удовольствіе, не возымѣло на него ни малѣйшаго дѣйствія. Онъ посовѣтовалъ имъ и тутъ не заниматься пустяками, въ родѣ какихъ-нибудь поздравленій, а сидѣть смирно дома и учиться, да аккуратно ходить на лекціи. Не смотря на это, студенты его любили, потому что въ сущности онъ былъ

очень добрымъ человѣкомъ, и его кротость и незлобіе были совершенною противоположностію съ его суровою наружностію и пріемами, и кто, не смущаясь послѣдними, обращался къ его сердцу, тотъ всегда находилъ въ немъ и сочувствіе къ себѣ, и готовность быть полезнымъ. Трудолюбіе Зябловскаго, по истинѣ, было изумительное. Онъ не покидалъ пера до самой болѣзни, приковавшей его надолго къ постели и сведшей его въ могилу; въ качествѣ ректора и декана исполнялъ неопустительно всѣ обязанности этихъ званій, присутствовалъ въ разныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, исполнялъ множество разныхъ другихъ порученій начальства, и никто изъ его слушателей не помнитъ, чтобъ онъ пропустилъ хоть одну лекцію. Послѣднія посѣщались охотно, хотя онѣ и не блистали ни особеннымъ глубокомысліемъ, ни изяществомъ. Всякій былъ увѣренъ, что если онъ что-нибудь скажетъ, то скажетъ дѣло, и притомъ все имъ передаваемое отличалось ясностію и логическою послѣдовательностію. Въ нравственномъ отношеніи ему ставили въ вину то, что онъ придерживался Рунича во время извѣстной университетской исторіи по поводу обвиненія нѣкоторыхъ профессоровъ въ безбожіи и революціонныхъ замыслахъ. Конечно, въ этомъ оправдать его трудно. Но достовѣрно, что онъ дѣйствовалъ за одно съ угнетательною силою не по своекорыстнымъ разчетамъ, какъ дѣйствовали тогда многіе другіе, а единственно по слабости характера. Тутъ видѣнъ отрицательный порокъ, недостатокъ тѣхъ качествъ, которыми человѣкъ мужественный ознаменовываетъ себя во дни превратностей и ударовъ судьбы, а вовсе не желаніе выслужиться передъ начальствомъ во что бы то ни стало и добиться какихъ-либо наградъ. Да онъ ихъ и не получилъ. И сколько есть людей, сколько мы сами знали такихъ, которые, по положенію своему бывъ гораздо независимѣе и сильнѣе Зябловскаго, становились быстро на сторону могучей неправды, и когда опасная минута проходила, не стыдились принимать на себя видъ чистѣйшей невинности, оправдывая свои нечистые поступки крайнею необходимостію и своими отношеніями. Зябловскій этого не дѣлалъ, хотя могъ бы тоже сослаться на свое щекотливое официальное положеніе: онъ исправлялъ должность ректора, когда свирѣпствовала гроза надъ университетомъ. Товарищи его умѣли понять въ немъ этотъ грустный, безмолвный позоръ жертвы, принесенный самоохраненію, и не лишили его своего уваженія.

II.

Отрывки изъ диссертаціи Галича.

Галичъ начинаетъ свою диссертацію воззваніемъ къ вымышленному имъ лицу Агатону о важности предлагаемаго ученія, и относясь къ самому себѣ, совѣтуетъ ему въ дѣлѣ истины осторожно довѣряться даже его руководству и избѣгать всячески высокомѣрной увѣренности, что сознанное нами какимъ бы то ни было образомъ есть вѣнецъ человѣческой мудрости. „Знаніе без-„предѣльно, говоритъ онъ, и если безпредѣльность не имѣетъ ни начала, „ни конца и отъ всякой данной точки отстоитъ равномѣрно, то кто скажетъ „о себѣ, что онъ къ ней ближе или далѣе? А таково дѣйствительно человѣ-„чество. Всѣ наши занятія въ наукахъ и искусствахъ, на поляхъ и торжищахъ

„суть только неудачныя покушенія изобразить вѣчную дѣятельность, подобно, какъ всѣ частныя существа въ природѣ суть неудачныя покушенія „изобразить безконечную бытность. Отъ того усматриваешь ты здѣсь и тамъ „безпрестанное движеніе жизни, которая воздвигаетъ обличія (вещи) и паки „возвращаетъ оныя въ свои нѣдра". „Я, продолжаетъ онъ, отдаю должную „справедливость уму; но въ моихъ глазахъ презрительна всякая конечность, „которая силится присвоить себѣ права единовластія тамъ, гдѣ потребна „стройная игра всѣхъ силъ жизненныхъ". Потомъ онъ увѣщеваетъ Агатона „не смущаться зрѣлищемъ той темной среды, въ которой суждено подвизаться философіи, и различныхъ силъ, ей противудѣйствующихъ". „Философія, говоритъ онъ, для однихъ соблазнъ, для другихъ безуміе, для третьихъ „крестъ. Сіи чада отриновенія шатаются вкругъ тебя, подобно призра„камъ Оссіановскимъ, которые торопливо прокрадываются отъ луннаго сія„нія во мракъ ущелій, то бродятъ открыто и вопятъ, какъ изступленные, то „жалобно стонутъ, подобно страдальцамъ. Ты перестанешь удивляться, если „припомнишь, что вселенная есть всячество формъ и образованій, гдѣ слѣ„довательно буйство смѣетъ стоять возлѣ мудрости, немощь подлѣ здравія, „и ты, который попускаешь въ натурѣ существовать уродамъ и ночнымъ пти„цамъ, почему не хочешь также терпѣть подлѣ себя невѣждъ и чудаковъ? „Только не спрашивай

Зачѣмъ они на свѣтъ сей созданы;
На что сотворены медвѣдь, сова, лягушка,
На что сотворены, и Ванька, и Петрушка?

„Поелику нѣтъ возможности безъ дѣйствительности, то все имѣетъ право „рано или поздно вступить въ исторію. Божественная необходимость, безъ „сомнѣнія, увлечетъ оныя съ собою обратно; но до тѣхъ поръ имѣетъ каж„дая свой опредѣленный періодъ жизни, и какъ ни противны тебѣ

Крикъ врановъ, завыванье псовъ,
Стенанья филиновъ и совъ,

„однакожъ ты не Іаковъ, чтобы состязаться съ Богомъ. Оныя твари при„надлежатъ также, какъ и серафимы, къ чину вселенной, дѣлаетъ же всякая „натура то, что дѣлать *долженствуетъ*". Затѣмъ первая половина диссертаціи излагаетъ общія понятія о философіи, ея происхожденіи, задачѣ, цѣли и важности ея вообще для образованія человѣческаго, ея принадлежностяхъ какъ науки, и различныхъ ея методахъ. Вотъ какимъ образомъ разсуждаетъ авторъ о качествахъ, составляющихъ, по его мнѣнію, необходимыя условія для истинно философскаго образа мыслей: „Здравая натура твоя „есть уже рѣдкій даръ мыслить и чувствовать человѣчески, содержать всѣ „силы въ естественной ихъ цѣлости и не увлекаться, не попускать себя увле„кать другимъ, умѣрять порывы воображенія разсудкомъ, быть яснымъ въ „душѣ и языкѣ, имѣть паппаче практическую цѣль человѣчества передъ гла„зами. Вотъ что я называю въ тебѣ здравою натурою, которая, если не дѣ„лаетъ еще мудрымъ, то ставитъ, по крайней мѣрѣ, на прямой путь къ бо„жественной наукѣ. Ибо она не возможна въ тѣхъ недѣлимыхъ, у коихъ че„ловѣчество борется съ животностію, у коихъ безпрепятственный ходъ жизни

„прерывается поминутно, подобно лихорадочному пульсу, у коихъ мрачное „неустройство души мѣшаетъ ей давать себѣ произвольное направленіе и „открывать себѣ достойные виды. Если ты, вслѣдствіе здравой твоей натуры, „чувствуешь также неудержимое влеченіе къ истинѣ, потому только, что она „достойна человѣка, если ты не боишься напряженія, какого требуетъ иногда „открытіе оной, но и вкупѣ имѣешь столько характера, чтобы сказать ее „въ глаза свѣту, хотя бы она или ты самъ отъ того пострадать долженствовалъ (fiat justitia, pereat orbis), если *пріятныя заблужденія* въ наукѣ столько „же тебя возмущаютъ, сколько малые недостатки въ эстетической оцѣнкѣ, „если ты рѣшаешься вступить въ бой съ владычествующимъ духомъ буйства „или эгоизма твоего времени и мѣста, то подобная любовь къ истинѣ есть „вѣрное знаменіе твоего избранія. Ты отличенъ отъ толпы обыкновенныхъ „душъ и небесныя силы воспитываютъ и руководствуютъ тебя невидимо. Ибо „безъ извѣстнаго *настроенія души* наука наша суетна, исканіе безплодно. „Міръ протягается предъ тобою, какъ огромная загадка, которая не рѣшитъ сама себя, какъ безмолвное лице въ мистической пляскѣ, которое движется и дѣйствуетъ, но коего движенія ты самъ толковать себѣ долженъ. „Конечно, нельзя быть равнодушнымъ при томъ зрѣлищѣ, гдѣ небо и земля „вступаютъ въ радостное торжество игры; но твой безконечный духъ не „останавливается на одпихъ внѣшнихъ явленіяхъ; ибо внѣшнее вездѣ понятно только изъ внутренняго, и то, что носитъ въ себѣ и содержитъ міръ, „находится внѣ его и столько же мало вмѣщается въ природу, какъ и въ интеллигенцію. Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею, Онъ не связанъ. Если „сіе божественное или отрѣшенное значитъ вѣчное самопоставленіе въ истинномъ бытіи, то и наука наша и жизнь должны необходимо къ сему „бытію примкнуться. Ибо черезъ таковую подчиненность умозрѣніе получаетъ истину и силу, а нравственность характеръ. Атеизмъ же есть мелочный образъ мыслей, подобно какъ эгоизмъ есть мелочный образъ поступковъ. Оба пресмыкаются въ низкой долѣ, и оба равно презрительны". Далѣе авторъ объясняетъ разности философскихъ ученій и способъ, какимъ они входятъ въ исторію. „Чтобы происходили разныя философскія системы, говоритъ онъ, перекрещивающія одна другую, и чтобы потому зрѣлище „науки, которая желаетъ впрочемъ руководствовать людей къ истинной мудрости, представляло тебѣ зрѣлище безконечныхъ преній — это судьба неизбѣжная. Ибо вселенная потолику только существуетъ, поколику воздвигаетъ всевозможныя формы конечности въ бытіи и познаніи, подобно какъ „кругъ имѣетъ значеніе потолику токмо, поколику объемлетъ всѣ возможныя направленія. И хотя одна вселенная дѣйствуетъ на насъ, возбуждая „духъ размышленія, однако не во всѣхъ представляется одинаковою, но предполагаетъ особую въ каждомъ способность, равно какъ и особое образованіе оной. Дѣятельность здѣсь, равно какъ и вездѣ, въ отношеніи къ силѣ „вмѣстительной. Итакъ весьма естественно, если зрѣлище вселенной постигается совершеннѣе или несовершеннѣе, если одно и то же распоряженіе „въ мірѣ для тебя важнѣе, для другаго менѣе важно, и если потому рѣшаемая „задача у тебя совсѣмъ иная, нежели у другаго. Каждый силится познать „міръ только съ той стороны, съ какой наиболѣе входитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Но рѣшеніе задачи міра не дается извнѣ; оно совершается

„во внутреннемъ твоемъ святилищѣ и притомъ творческимъ актомъ; ибо „идеи, тобою порожденныя, должны поступить на мѣсто недостаточнаго бытія „видимаго міра, способность же составлять идеалы, вопервыхъ, зависитъ отъ „высокости натуры, а вовторыхъ, входитъ въ союзъ еще съ фантазіей, коей „дѣятельность неограниченна. Всякая философія дѣлаетъ притязанія на „истину, истина же прорекается въ *разумѣ* и *ощущеніи*. Такимъ образомъ „перевѣсъ того или другаго начала долженъ необходимо наклонять изыска„теля къ той или другой односторонности. Ежели всѣ сіи разности основаны „на самомъ существѣ вещей, то онѣ имѣютъ длиться до тѣхъ поръ, пока „длиться будетъ настоящее человѣчество. Изъ этого справедливо слѣдуетъ: „a) что надежда энтузіастовъ водворить теперь единый, повсемѣстно годный „образъ мыслей столько же суетная, какъ и надежда космополитовъ водво„рить всеобщій, вѣчный миръ между народами; b) что разногласіе въ воз„зрѣніяхъ есть проклятіе разторженнаго человѣчества; c) что искупленіе „отъ сей клятвы законной возможно лишь чрезъ то, что человѣчество про„бѣгаетъ всѣ формы истиннаго и ложнаго, то-есть, что оно совершаетъ свою „исторію; d) что цѣлостность и совершенство жизни принадлежатъ одному „только первому и послѣднему человѣчеству".

Такъ какъ, по понятію автора, наука въ своихъ разностяхъ и въ своемъ развитіи согласуется съ общимъ ходомъ вещей, то онъ обращается къ объясненію послѣдняго и говоритъ: „Каждая вещь содержитъ въ первомъ за„родышѣ своего существа все то, что время изъ него развить можетъ. Всякое „же развитіе совершается двойственно и напослѣдокъ возвращается паки „въ первоначальную полноту свою. Растеніе начинается съ сѣмени и окан„чивается имъ".

„Двоякое развитіе каждой вещи познается изъ той всеобщей противупо„ложности, чрезъ которую разнствуютъ всѣ вещи, а именно: что одна ока„зывается дѣятельною, а другая страдательною, одна движется въ причинѣ, „другая покоится въ продуктѣ. Мужское и женское, положительное и отри„цательное, + и —, всѣ живыя противуположности приводятся къ единому. „Какъ противуположности сіи съ первымъ и послѣднимъ ихъ единствомъ, „постигаемыя пространственно, даютъ четыре полюса, такъ равно и пости„гаемыя времена даютъ четыре періода каждой вещи. Первый, гдѣ она въ „своемъ существѣ еще не развита и цѣльна, послѣдній, гдѣ по всестороннемъ „развитіи вступаетъ обратно въ свою первую цѣлость. Впрочемъ, обѣ сіи „степени, при равенствѣ своего содержанія, различествуютъ замѣтно между „собою тѣмъ, что послѣдняя испытала полное развитіе, о каковомъ первая „ничего не знаетъ".

„Обѣ среднія степени развиваютъ по частямъ многообразное существо„ваніе вещи и воспринятіе сего множества въ единство цѣлаго; въ тѣхъ ве„щахъ, кои чужды самопознанія, познаемъ мы второй періодъ, какъ развитіе „третій, какъ образованіе въ форму и обличіе, въ людяхъ же, кои носятъ „на себѣ образъ Божій, второй періодъ означенъ юношескимъ обиліемъ жизни, „а третій познаніемъ."

„Ежели сіи четыре періода направляютъ ходъ всѣхъ вещей, то неуди„вительно, когда они повторяются не только въ исторіи человѣчества, но „даже въ исторіи науки его. Ибо власть цѣлаго не терпитъ того, чтобы подлѣ

„него существовало что-нибудь на него не похожее, или дѣйствовало не въ „его духѣ. Единая божественная жизнь ставитъ вещи въ предлежательной „сферѣ, и познанія въ подлежательной; но ни то, ни другое не самостоя- „тельно. Оба равны въ отрѣшенномъ и зависимы другъ отъ друга. Ибо иначе „познаніе наше не имѣло бы предметовъ, и предметы не были бы доступны „для познаваній.

„Въ Богѣ всяческое живетъ и движется безразлично. Потому бытіе и „знаніе внутренно проникаютъ въ немъ другъ друга и обрѣтаются въ немъ „цѣлостно. Ибо бытіе его есть безконечное самопоставленіе, познаніе вѣчное— „самопознаваніе, внѣ его ничего не находится. Но конечныя существа не „таковы; въ нихъ разлучены бытіе и познаніе, кои развиваются исподоволь „такъ, что для твоей субстанціи дано опредѣленное пространство, въ коемъ „она рождается и умираетъ, для твоего ума дано опредѣленное время, въ „коемъ онъ творится, живетъ и исчезаетъ.

„Два пункта опредѣляютъ всегда твое движеніе — *натура* и *духъ*, и ты „носишься необходимо между реализмомъ и идеализмомъ. Всѣ сіи *измы* ко- „нечно истинны; потому что каждый содержитъ возможный какой-нибудь спо- „собъ разсматриванія міра, но и вмѣстѣ ложны, потому что берутъ одну только „какую-нибудь сторону, тогда какъ въ вселенной всѣ стороны имѣютъ равное „достоинство и значеніе".

III.

Представленіе Галича въ конференцію педагогическаго института по поводу предстоявшаго ему экзамена изъ философіи съ изложеніемъ способа преподаванія этой науки, февраля 23-го 1812 года.

„Философія и наука, все равно, въ наукахъ же отсвѣчивается міръ; посему философія объемлетъ *цѣльность познаваемыхъ вещей вообще*. Въ заглавіи сихъ вещей, всегда конечныхъ, условныхъ стоитъ существо *отрѣшенное*, безконечное (Богъ), въ коемъ онѣ живутъ и движутся. Двѣ формы отрѣшеннаго суть для науки *зерцаніе* и *бытіе* (intelligentia et substantia), *духъ* и *натура*, кои вмѣстѣ образуютъ стройный *міръ;* философія потому, яко *прообразованіе вселенной*, начинается отрѣшеннымъ (absolutum), сопровождаетъ *двойственное* откровеніе онаго въ духѣ и природѣ и замыкается въ *организующей методѣ своей*, подобно какъ духъ и натура замыкаются въ органическомъ мірѣ. Первый моментъ даетъ *философію религіи*, вторый *философію духа* или *идеальную* или трансцендентальную, третій философію *естественную* (физику), четвертый наконецъ органъ наукъ (зрѣлую методу), математическую философію, примиряющую обѣ послѣднія между собою. Отсюда происходитъ значительность числа 4 *ясно всеобщей схемы вещей*.

„Такимъ образомъ обработываніе и изображеніе философіи есть *историческое;* ибо жизнь вещей есть ихъ исторія. Философія ни доказываетъ, ни выводитъ, но *построеваетъ*, излагаетъ. Слѣдственно, ея принадлежность не есть достовѣрность, доказательность, но *вразумительность, ясность:* ея судья не разсудокъ сравнивающій, отвлекающій, раздробляющій, но разумъ, ставящій безусловно; ея орудіе не понятія, но *идеи*, всѣ же главныя идеи изъ

религіи. Опытъ играетъ подчиненную роль и можетъ при случаѣ только оправдывать, повѣрять, но не *рѣшить* и судить.

„Оная первая идея, дающая философію религіи, и послѣдняя, дающая математическую философію, просты, нераздѣлимы, цѣльны, подобно какъ самый предметъ ихъ — Богъ и міръ, по двѣ среднія, касающіяся духа и природы, попускаютъ двоякое обработываніе — *отвлеченное* и *наглядное.* Ибо идеальная философія, по себѣ отвлеченная, in concreto называется *всемірною исторіею* (человѣчества); естественная философія, по себѣ отвлеченная, называется in concreto *естественною исторіею.* Философія, яко таковая, предоставляетъ себѣ обыкновенно токмо отвлеченное, то-есть, *внутреннее;* но судьба всего внутренняго есть та, чтобы сдѣлаться напослѣдокъ наружнымъ; потому идеальная философія имѣетъ сближаться со всемірною исторіею человѣчества, естественная философія съ исторіею естественною. Соединеніе оныхъ доставляетъ *живое* познаніе.

„Ежели философія религіи (= 1) представляетъ единство еще *не разверзтое,* въ самомъ себѣ почіющее, философія же математическая (= 4, или = 0) — единство, одолѣвшее *всякое разнообразіе,* и слѣдственно, возвышенное надъ всѣми членами противуположности; то философія естественная (= 2) и философія идеальная (= 3), происшедшія сами уже на пунктѣ дѣйственности, *воспроизводятъ* себя также въ разнообразіи подчиненныхъ отраслей. Ибо рожденное токмо рождаетъ, и притомъ подобныхъ себѣ. Оныя подчиненныя отрасли *идеальной философіи* суть: *логика, психологія, метафизика, нравоученіе, наука государственная, педагогика,* къ коимъ посредственно примыкается *исторія философіи;* отрасли же *естественной философіи: всеобщая физика (анаргической натуры), физика растительной, животной,* и наконецъ, *человѣческой жизни.*

„Полная система философіи объемлетъ всѣ сіи науки, однако въ главныхъ токмо ихъ *направляющихъ идеяхъ,* и предоставляетъ дальнѣйшее досугамъ и трудолюбію эмпиризма.

„Симъ образомъ познанія философа не могутъ быть иначе, какъ энциклопедическія, важныя, рѣшительныя въ своемъ *существѣ,* но ограниченныя касательно подробностей.

„Уваженіе сего послѣдняго обстоятельства обѣщеваетъ мнѣ со стороны судей моихъ великодушное снисхожденіе какъ при испытаніи, такъ и при оцѣнкѣ моего служенія вообще, если небу угодно будетъ допустить меня до каѳедры. Ибо данное здѣсь начертаніе имѣетъ направлять всѣ будущіе шаги мои и составляетъ всю методу философіи, которую я исповѣдую и которую теперь проповѣдать желаю. — Касательно же экзамена имѣю честь объяснить, что —

1. Обширность предмета, съ одной стороны, и короткое время, съ другой, не позволили *еще* мнѣ обнять всего того, что̀ принадлежитъ наукѣ, что слѣдовательно, недостатки, если какіе окажутся, должно приписать обстоятельствамъ, кои могутъ поправиться, а не ограниченности силъ или рвенія; что—

2. Не всѣ пункты науки имѣютъ одинаковый интересъ; что —

3. Нѣкоторыми частями науки, а именно: педагогикою, новою всемірною исторіею я до сихъ поръ не могъ заниматься; что слѣдственно, —

4. Собственное испытаніе имѣетъ производиться въ главныхъ пунктахъ по предметамъ слѣдующихъ наукъ:

a) Изъ философіи и логики.
b) Психологіи.
c) Метафизики.
d) Ученія о религіи.
e) Эстетики.
f) Нравоученія.
g) Государственныхъ наукъ (съ исключеніемъ камеральныхъ и политическихъ).
h) Исторіи человѣчества.
i) Исторіи философіи.
k) Всеобщей физики.
l) Ученія о несовершенной органической жизни растенія.
m) Ученія о совершенной органической жизни животнаго.
n) О человѣческой натурѣ.
o) Математической.

IV.

Изъ книги: Картина человѣка.

Чувственное хотѣніе. § 242. Гдѣ практическіе порывы духа наружу встрѣчаютъ еще ограниченія со стороны чувственности, тамъ они обнаруживаются въ *побужденіяхъ*, въ *вожделѣніяхъ*, въ *склонностяхъ*, въ трехъ видахъ чувственнаго хотѣнія.

§ 243. А) Пускай вся жизнь,—и скопляющая минеральная масса, и прозябающая въ злакахъ, и образующая солнце и планеты, состоитъ только изъ *побужденій*,—мы въ *тѣсномъ* смыслѣ прилагаемъ сіе рѣченіе къ тварямъ *органическимъ*, преимущественно же къ *животнымъ*, означая тѣмъ порывы ихъ внутренней, въ стихіяхъ и отношеніяхъ разрозненной жизни, означая стремленіе выказывать себя въ дѣйствіяхъ соотвѣтственно идеѣ земнаго назначенія. Посему для всякаго живаго существа есть постоянная, неизмѣняемая внутренняя основа проявленія силъ его, которая на всѣ его стремленія и налагаетъ общую печать. Побужденію предоставлено вырабатывать характеръ рода въ отдѣльной твари и до безконечности усовершать формы ограниченнаго быта.

§ 244. Побужденіе есть первый порывъ духа, стонущаго въ оковахъ; оно не предполагаетъ никакихъ *другихъ* началъ или дѣйствуетъ безусловно, питаясь всегда ближайшимъ предметомъ, безъ котораго замираетъ. Скрыты, глухи, таинственны его начальныя движенія; часто они бываютъ обознаваемы и доходятъ поздно до свѣдѣнія. Побужденіе сростается съ врожденными потребностями и ощущеніями животнаго и находитъ своего представителя въ томъ неопредѣленномъ, безотчетномъ инстинктѣ, которому на низшихъ степеняхъ жизни позволено *играть роль* разума, и который такъ деспотически любитъ распоряжаться въ дѣлахъ временнаго своего служенія. *Пища, питіе* и *сонъ*, съ *одной* стороны, плотское *совокупленіе*, съ другой, потребность без-

препятственныхъ *движеній,* съ *третьей,* питаніе отрадныхъ, по крайней мѣрѣ нескорбныхъ *чувствованій* бытія, съ *четвертой,* — вотъ органическія *повинности,* вынуждаемыя природой у тѣхъ тварей, которыя она озаботила то *самосохраненіемъ,* то поддержаніемъ ихъ *рода* и передачей онаго потомству!

§ 245. В) Вождѣленія относятся *прямо* къ своимъ *опредѣленнымъ* предметамъ, обладаніе коими такъ необходимо твари для пополненія недостатковъ ея бытія. Какое несмѣтное множество сихъ отдѣльныхъ предметовъ въ природѣ и въ общежитіи! Вотъ почему вождѣленія *разнообразны* до *безконечности,* а побужденія, по устройству бережливой природы, крайне просты и немногочисленны! Вотъ почему вождѣленія столько же *скоротечны,* сколько и самые ихъ предметы, и съ относительнымъ удовлетвореніемъ перестаютъ на извѣстное время заботить человѣка! Вотъ почему они — производныя, а не врожденныя, должны всякій разъ снова возникать или *перемежаться,* тогда какъ побужденія неотлучно сопровождаютъ человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни! Этого мало. Какъ инстинктъ непосредственно примыкаетъ къ чувствованію, такъ вождѣленія *состоятъ въ заговорѣ съ воображеніемъ* и по сей причинѣ стремятся не только къ удовлетворенію существеннѣйшихъ или первыхъ потребностей, но и къ удовлетворенію тѣхъ неугомонныхъ *прихотей,* которыя безпрестанно вытѣсняютъ другъ друга и увлекаютъ человѣка отъ желаній къ наслажденіямъ, а отъ наслажденій опять къ новымъ желаніямъ.

С. Гдѣ душа частію свѣдала о врожденныхъ своихъ побужденіяхъ, частію успѣла до извѣстной степени опредѣлить движеніе и ходъ какъ естественныхъ своихъ желаній, такъ и прихотей, тамъ встрѣчаемся мы съ тѣми *рѣшительными* ея направленіями къ внѣшнему міру, которыя извѣстны подъ именемъ *склонностей. Посредственность* сихъ *одностороннихъ* стремленій, *временемъ* пріобрѣтаемое, постепенное, болѣе короткое знакомство съ вождѣленными предметами, тѣснѣйшая связь оныхъ съ чувствованіемъ личнаго нашего бытія—вотъ характеръ склонностей! Пускай они порываютъ или *увлекаютъ* насъ, подобно какъ желанія *манятъ;* онѣ, относясь къ своему предмету не иначе, какъ посредствомъ *представленій,* все-таки составляютъ болѣе удѣлъ человѣка вообще, нежели животныхъ, у которыхъ мы, въ замѣнъ того, примѣчаемъ извѣстныя *повадки.*

Воля. § 248. Какъ изъ простыхъ дѣйствій наружныхъ чувствъ и воображенія возникаютъ познанія, движущіяся въ свѣтлыхъ понятіяхъ, — такъ точно изъ хаоса естественныхъ влеченій происходятъ, при вліяніи высшихъ силъ, собственно *начинанія* или *поступки.* Ибо, что для чувственнаго человѣка значатъ побужденія, желанія и склонности, то на степени жизни высшей, то-есть, *смышленой,* изображается движеніями *воли,* коей первые слѣды мы и усматриваемъ тамъ, гдѣ мало по малу развился разсудокъ, по крайней мѣрѣ, не въ дѣтскомъ возрастѣ и не въ грубомъ состояніи дикарей. Но инстинктъ склоненъ къ положеніямъ страдательнымъ, и насыщенный дарами природы, любитъ покоиться отъ дѣлъ своихъ, а неугомонная воля безпрестанно порывается къ дѣятельности, даже тамъ, гдѣ человѣкъ обезпечилъ уже себя со стороны первыхъ потребностей; смутны, слѣпы влеченія чувствъ, а въ хотѣніи человѣкъ ясно *сознаетъ* свое отношеніе къ предметамъ, стараясь, по сей причинѣ, совершенно и укрѣпить оные за своимъ *я,* которое въ его глазахъ получило уже особенную цѣну: инстинктъ *увлекаемъ* бываетъ *сторонними* раздраженіями къ дѣйствіямъ

безразсуднымъ; воля, въ противность и внѣшнему принужденію физическихъ силъ, и порывамъ внутреннихъ движеній, *умѣетъ своевластно распоряжаться* въ своихъ начинаніяхъ *отчетливымъ представленіямъ побудительныхъ причинъ*, дѣлая не одно уже то, чего *хочется*, а то, чего она сама *хочетъ*; тотъ довольствуется всякимъ первымъ предметомъ, обѣщающимъ удовлетвореніе, сія *разчитываетъ*, взвѣшиваетъ; тотъ устремленъ къ *чувственнымъ пріятностямъ*, сему открыто и *полезное*, — открыты виды къ благамъ отдаленнѣйшимъ, къ наслажденіямъ отвлеченнымъ, къ играмъ воображенія и остроумія, къ блеску почестей, къ новости познаній и т. п. Наконецъ, если инстинктъ человѣка дѣйствуетъ *рапсодически*, по минутному вдохновенію поэта-юмориста, то воля въ качествѣ *практическаго разсудка* начертываетъ себѣ не только извѣстные *планы*, но и цѣлую *систему правилъ* для учрежденія *порядка* въ стихійныхъ созданіяхъ своихъ и для водворенія онаго во *всякихъ данныхъ* положеніяхъ домашней и общественной жизни.

§ 249. Въ составъ воли входятъ *три* существенныя части, а именно:

1. *Выборъ:* ибо мы тогда только и *хотимъ*, когда, сличая двѣ стороны, присвоиваемъ одной, болѣе сильной или интересной, преимущество предъ другою, а въ этомъ-то и состоитъ выборъ, который можетъ направляться болѣе или менѣе опредѣлительнымъ представленіемъ то однородныхъ, то разнородныхъ выгодъ;

2. *Рѣшимость*, или актъ, которымъ мы, по предварительномъ *совѣщаніи* сѣ самими собой, собственно и опредѣляемъ требуемый поступокъ. Она есть не иное что, какъ *выводъ* или *слѣдствіе* выбора, который потому всегда и служитъ ей необходимымъ предположеніемъ;

3. *Дѣяніе*, гдѣ оно *возможно* и состоитъ во власти *хотящаго*. Ходъ внутренняго расположенія, обнаружившагося въ выборѣ и рѣшимости, довершается дѣяніемъ точно такъ, какъ развитіе ростка довершается плодомъ.

Свобода. § 251. Выше движеній инстинкта воля, выше воли *свобода*, которая обработываетъ сколько мысли наши, столько же и самыя хотѣнія. Пускай свобода не сростается съ душою такъ, чтобы видна уже была въ дитяти, такъ, чтобы сохранялась въ состояніи упіенія, сна, помѣшательства,— на сіе безусловное, божественное начало жизни намекаютъ уже *вообще* или *теоретически* и многоразличныя движенія тѣла, и каждый актъ умышленныхъ соображеній. Что̀, какъ не оно — и направленное къ *нравственной* сторонѣ въ особенности, выказываетъ творческую силу во внѣшнихъ своихъ начинаніяхъ, въ поступкахъ, въ ощутительныхъ своихъ произведеніяхъ? Что̀, какъ не оно, изображаетъ и утверждаетъ на чредѣ временнаго, конечнаго бытія могущество того *безусловнаго* или *существительнаго* разума, которому болѣе *мы* принадлежимъ, нежели онъ намъ, и который въ *приложеніи* къ жизни слыветъ *дѣловымъ* или *практическимъ?*

§ 252. Сіе единственное положительное, прямое начало творящей дѣятельности почіетъ, какъ говорится, само на себѣ, и по идеѣ своей, ничего кромѣ себя не предполагая, умѣетъ обезпечить права своего величія отъ всякихъ навожденій, которыя такъ часто смущаютъ волю. Но входя въ сношеніе съ другими силами, болѣе или менѣе стѣсняющими его, то-есть, отрицающими, оно можетъ, принимая въ себя порядокъ ихъ жизни, препобѣждать ихъ ограниченія и устремлять къ безконечнымъ цѣлямъ, напримѣръ, расширять мысль

до безусловнаго вѣдѣнія, воображеніе до живительныхъ идеаловъ, сердечныя ощущенія до благодатной симпатіи съ цѣлымъ человѣчествомъ, съ природой. Будучи сама по себѣ отнюдь нравственною и *непричастною скверны, потому что рождена отъ Бога* [1]), свобода наитіемъ своимъ освѣщаетъ и волю, возводя оную тѣмъ самымъ въ достоинство свободной, то-есть, благонамѣренной, потому что доброе только и свободно. Человѣкъ, преданный дурной волѣ, томится въ постыдномъ рабствѣ, которое и скрываетъ отъ другихъ, да и самъ въ спокойномъ расположеніи духа осуждаетъ. Ибо кому не хотѣлось бы слыть героемъ, если бы только возможно было достигнуть нравственнаго величія безъ дальнихъ усилій и безъ подрыва любимымъ склонностямъ, и кто не желалъ бы видѣть въ другомъ такихъ доблестныхъ помысловъ, какіе, можетъ-быть, ему самому чужды?

§ 253. Но пробудившаяся свобода не дѣлаетъ уже того, что̀ ей вздумается; она позволяетъ себѣ рѣшаться не на то, что̀ тебѣ или мнѣ угодно, а только на то, чего хочетъ отъ насъ первоначальная, общая *божественная* жизнь, коей воля есть священный законъ для тварей, другими словами, она того только и позволяетъ себѣ хотѣть, что̀ ей дѣлать должно, — не потому, однакожъ, будто подлежала чуждой власти, и не потому, будто увлекаема была причинами внутренними, а потому, что *сама собою* одолѣла всякое принужденіе, и внутреннее, и внѣшнее, потому что избыла вообще стѣсняющихъ оковъ, потому что совершенно исполнила законъ и тѣмъ самымъ поставила себя выше закона, въ которомъ не нуждается; она *подъ благодатію*. Какъ природа *должна* дѣлать то, что̀ въ ней совершается, такъ точно долженъ дѣлать и человѣкъ свободный, для котораго нѣтъ уже ни выбора, ни умысла, ни своеобычныхъ затѣй. Разница только та, что сей послѣдній даетъ *самъ себѣ* законъ для своихъ движеній, *про него знаетъ*, слѣдственно, свободно поступаетъ по необходимости такъ, а не иначе, а уставы природы предписываются ей стороннею властію, не даны ею самой себѣ и дѣйствуютъ безъ ея вѣдома и разумѣнія. Вотъ почему и обязанности нравственныя, купно съ причтеніемъ вины и заслугъ, существуютъ только для воли, да и предписываются ей опять свободою же, которая, по силѣ самодержавнаго своего качества, возносится надъ принужденіями всякаго рода, равно какъ и надъ произволомъ, которая изъемлетъ себя отъ устава и физическаго и умственнаго, предоставляя себѣ власть то давать уставы для всего прочаго, то *добровольно*, съ *полнымъ сознаніемъ* зависимости отъ верховнаго духа жизни и съ *любовію* возлагать на себя *золотыя цѣпи*. Ибо она хотя и возвышена надъ всякимъ даннымъ механизмомъ, связывающимъ бытіе тварей, однакожъ отнюдь не состоитъ *внѣ* закона, отнюдь не предана въ добычу слѣпой самослучайности. Какъ *создавшій око видитъ*, такъ и животворное начало, которое вноситъ порядокъ въ хаосъ природы и исторіи, есть, по идеѣ уже своей, безусловная стройность, чистѣйшая гармонія.

§ 254. Объяснять происхожденіе нравственной свободы такъ же нелѣпо, какъ и объяснять происхожденіе жизни, разума, Бога, — происхожденіе всякаго существеннаго бытія, которое, не предполагая ничего, кромѣ себя, посмѣвается и доказательствамъ: ибо сіи послѣднія всегда выводятъ одно —

---

[1]) Посланіе Іоанна I, гл. 3, ст. 9-й.

подчиненное — познаніе изъ другаго,— общаго, высшаго. А этого-то порядка въ свободѣ и нѣтъ. Разрывая ходъ внѣшней виносложности, она сама умѣетъ начать цѣлый рядъ явленій, которыя потомъ и сцѣпляются между собою отношеніями зависимости, то-есть, бываютъ необходимыми дѣйствіями своевластнаго начала. Не ея ли вѣянія внемлемъ мы въ напоминаніяхъ нравственнаго гласа, которому въ поступкахъ мы слѣдовать *можемъ*, потому что онъ сего послушанія *требуетъ* отъ насъ даже тамъ, гдѣ строптивое сердце отказывается платить пріятный долгъ? Не являетъ ли она себя на самомъ дѣлѣ въ порывахъ доблестнаго энтузіазма и въ сознаніи каждаго образованнаго человѣка, который тѣмъ болѣе *старается быть свободнымъ*, чѣмъ крѣпче *вѣруетъ* въ самостоятельность свою, подобно какъ мыслящій непосредственно убѣждается въ существованіи своей мысли или бѣгущій въ дѣйствительности движенія? Да и самая мысль о возможности своевластно распоряжаться въ кругѣ своихъ дѣйствій не есть ли уже плодъ пробудившейся свободы, которая вообще стремится изъ себя овладѣть цѣлостію своего бытія?

Ощущеніе эстетическое. § 346. Третій главный родъ ощущеній духовныхъ состоитъ изъ *эстетическихъ*, слишкомъ знакомыхъ сердцу человѣка тамъ, гдѣ онъ то врожденнымъ своимъ расположеніемъ къ прекрасному—въ природѣ и въ искусствахъ, то силою собственной своей, свободной зиждительности втекаетъ во внѣшній міръ. Изящному нельзя не нравиться; въ немъ дышетъ *жизнь*, и притомъ *гармоническая;* въ немъ *отсвѣчиваются* первоначальныя *идеи*. Вотъ источникъ, изъ котораго проистекаютъ благодатныя дѣйствія изящнаго! Ибо оно a) освѣжаетъ наше бытіе, одушевляетъ насъ, знакомитъ съ чистыми восторгами и такимъ образомъ *подвигаетъ, трогаетъ;* оно b) исхищаетъ насъ изъ тѣсныхъ границъ пошлаго быта, въ которомъ мы часто осуждены бываемъ довольствоваться карикатурами, и тѣмъ *освобождаетъ* насъ отъ рабства, давая чувствовать не то, чтò должны, а чего мы хотимъ; оно наконецъ c) примиряетъ насъ съ противоборствующими началами жизни и тѣмъ *успокоиваетъ* душу.

§ 347. Ощущенія эстетическія принадлежатъ къ самымъ естественнымъ, къ самымъ общимъ. Кто не благоговѣетъ предъ высшреннымъ, не поражается трагическимъ, геройскимъ, не любуется милымъ, не забавляется смѣшнымъ, и притомъ безъ дальняго вниманія и къ назидательности, и къ благосостоянію? Кто и самъ не чувствовалъ въ себѣ порывовъ къ произведенію чего-либо такого, чтò стоило бы благосклоннаго, лестнаго воззрѣнія другихъ? Наконецъ для чего мы усиливаемся приправлять свои удовольствія и забавы, украшать свои околичности (жилища, одѣяніе, утвари)? Для чего стараемся о пріятномъ выраженіи истинныхъ мыслей, на рѣчахъ и на письмѣ, о чинной наружности самыхъ добродѣтелей, какъ не для того, чтобы принести дань тѣмъ *затѣйливымъ идеямъ сердца*, кои требуютъ пищи и жертвъ даже тамъ, гдѣ, повидимому, удовлетворены всѣ нужды тѣлесныя и духовныя?

§ 348. Но ощущенія прекраснаго, по причинѣ многообъятности сей идеи и по связи ея съ образованіемъ всѣхъ силъ душевныхъ, развиваются и созрѣваютъ позже прочихъ однородныхъ, то-есть, умственныхъ, нравственныхъ. Развитіе ихъ предполагаетъ и особенныя, благопріятныя обстоятельства; по крайней мѣрѣ у весьма многихъ народовъ, кои общею людскостію нисколько не отстали отъ сосѣдей, находимъ мы явное безвкусіе, находимъ нечувстви-

тельность именно къ простотѣ высокой и къ красотамъ умилительнаго рода. Наконецъ эстетическое чувство отличается отъ прочихъ благородныхъ и многоразличіемъ измѣненій или формъ, въ какихъ оно отливается: ибо господствующій вкусъ вѣка опредѣляется и впечатлѣніями окружающей насъ природы (іонійской, либо скандинавской), образованіемъ и духомъ народной жизни и понятіями нашими о вещахъ божественныхъ.

§ 349. Рѣшительно вліяніе эстетическихъ чувствованій на облагороженіе человѣка. Ибо а) вкусъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ образованіемъ по причинѣ однородности изящнаго съ истиннымъ и благимъ, кои отъ него и получаютъ соотвѣтственное выраженіе; b) прекрасныя картины занимательныхъ и достойныхъ предметовъ плѣняютъ возбужденную душу, закрываютъ для нея пеленою благоприличія все глупое и низкое, знакомятъ съ наслажденіями чистыми, живительными, неисчерпаемыми, настроиваютъ къ движеніямъ безкорыстнымъ; искусное же с) изображеніе неразумія и зла дѣлаетъ разногласіе оныхъ съ истинною жизнію очевиднымъ и устраняетъ отъ гибельныхъ послѣдствій. Посему люди и народы чувственные, грубые могутъ доводимы быть до людскости, до нравственной свободы содѣйствіемъ искусства, особливо тамъ, гдѣ оно на сей конецъ прибѣгаетъ къ разительному, къ потрясающему.

§ 350. Но эстетическія чувствованія, кои роднятъ насъ съ небожителями, подлежатъ и порчѣ едва-ли не болѣе, чѣмъ другія благородныя движенія сердца. Такъ, любовь къ прекрасному въ природѣ искажена уже тамъ, гдѣ приковываетъ пустой, *бездушный* глазъ къ *пурпуру заходящаго солнца*, къ *изумрудной зелени луговъ*, къ *серебрянымъ отливамъ луны* и пр., гдѣ питаетъ мечты неопредѣлительныя, бродящія, шаткія, гдѣ отнимаетъ охоту къ трудамъ отчетливымъ. Такъ и удовольствіе, находимое въ красотахъ искусства, можетъ обратиться въ утонченное сладострастіе. Еще же смѣшнѣе и омерзительнѣе бываютъ здѣсь упоенія произвольныя, вынужденныя, поддѣльныя: ибо какъ лестно для иныхъ слыть людьми чувствительными! Сильно дѣйствуетъ и суетность у знатоковъ художественныхъ произведеній, кои охотно выставляютъ оную на показъ. Но кто самъ имѣетъ творческій талантъ, тому трудно не увлечься своимъ энтузіазмомъ. Посему сколько истинный художникъ будетъ гнушаться тщеславіемъ въ своихъ занятіяхъ и рабскимъ служеніемъ то модѣ, то прихотямъ сибарита, столько же и прямой любитель прекраснаго будетъ избѣгать женоподобной нѣги въ наслажденіяхъ.

Страсти. § 265. Гнусныя исчадія любостяжанія суть:

1) *Корыстолюбіе,* слѣпая жадность грабителей. Она захватываетъ вещи единственно для того, чтобы имѣть у себя; она не умѣетъ иначе обогощаться, какъ съ разореніемъ ближнихъ, и тайно, по холодной смѣтливости своей, стремится къ выгодамъ не такимъ, кои получаются изъ рукъ счастія или праведнымъ трудомъ, а такимъ, кои пріобрѣтаются всѣми средствами, ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ напряженій не стоющими, то-есть, *коварствомъ.* Почему промыслы, коими нынѣ обогощаются люди, умѣющіе жить въ свѣтѣ, и притомъ промыслы *частные,* о гнусности коихъ *позволяется* знать и говорить наукѣ, суть:

а) *Подлоги* наслѣдниковъ душеприкащиковъ, стряпчихъ, докладчиковъ,

подборныхъ кураторовъ въ дѣлѣ небывалаго займа, по предмету безденежныхъ обязательствъ;

b) Подлая *лесть* голодныхъ лисицъ сытымъ воронамъ-глупцамъ, выведенцевъ покровителямъ, ворожей тщеславнымъ и суевѣрнымъ женщинамъ, бродягъ и переметчиковъ великодушному правительству, біографовъ богатому покойнику;

c) Ученое *шарлатанство* натуралистовъ, антикваріевъ, путешественниковъ, врачей и пр.;

d) Двусмысленное *родство* и *кумовство* со знатью и *особенныя* отъ нея *порученія* то *преслѣдовать скромныхъ свидѣтелей* нескромныхъ сценъ, то *сближать интересы партій;*

e) *Женитьба блудныхъ сыновъ* на богатенькихъ уродахъ, женитьба *безталанныхъ молодцевъ* на дюжинныхъ, такъ-называемыхъ, *воспитанницахъ* своего начальника, кои приносятъ въ приданое *штатныя* мѣста съ *отличіемъ* и въ добавокъ цѣлую колонію — *фонъ однодворцевъ;*

f) Тонкое воровство, извѣстное тѣмъ, кои *управляютъ* чужимъ имѣніемъ, именно же казеннымъ, сиротскимъ и имѣніемъ баръ-пустодомовъ;

g) Постройки и поставки всякаго рода для публичныхъ заведеній, особливо же заготовленіе припасовъ экономическимъ образомъ;

h) Безотчетные сборы, концерты, спектакли, открытыя чтенія въ пользу бѣдныхъ, увѣченныхъ, погорѣвшихъ;

i) Исправленіе нѣсколькихъ публичныхъ должностей, съ твердою увѣренностію не успѣвать ни по одной и однакожь получать по каждой то ежегодныя награжденія, то аренды, то пенсіи;

k) Нищенство салопницъ, заштатныхъ чиновниковъ, бенефиціантовъ, издателей, которыхъ Аполлонъ пустилъ по *покормежной,* то-есть, на *подписку* или на сборъ *альманачныхъ статеекъ;*

l) Пошлое шутовство, которое въ силу привилегіи, данной ему чернію, величаетъ и подписываетъ себя юморомъ;

m) Продажа прелестей *гуртомъ* и по *мелочи;*

n) Злоумышленная несостоятельность въ платежѣ нахватанныхъ долговъ;

o) Наконецъ милое *мшелоимство,* которое „колпаки и рекуртскія квитанціи, шоколадъ и сибирскій ревень, старое желѣзо и помаду, аттестаты и невѣстъ, просфоры и право на изданіе книги или газеты, гробы и клистирныя трубки, все беретъ для перепродажи, все, подобно Миду, превращаетъ въ золото и снабжаетъ *оборотливыхъ* и экипажемъ, и полнымъ гардеробомъ“.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

